

Межпарламентская Ассамблея государств — участников
Содружества Независимых Государств

Международный институт мониторинга развития демократии,
парламентаризма и соблюдения избирательных прав
граждан государств — участников МПА СНГ

А. С. Карцов

ВЫСШАЯ ЗАЩИТА ОСНОВНОГО ЗАКОНА

**(конституционный нормоконтроль
в государствах — участниках МПА СНГ)**

Санкт-Петербург
2019

УДК 342
ББК 67.300
К21

Карцов А. С.
К21 Высшая защита Основного закона (конституционный нормоконтроль в государствах — участниках МПА СНГ). — СПб. : Секретариат Совета Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ, 2019. — 256 с.

ISBN 978-5-86857-080-3

В монографии рассматриваются теоретические и практические аспекты института конституционного нормоконтроля, действующего в государствах — участниках Межпарламентской Ассамблеи СНГ; освещаются актуальные вопросы устройства и функционирования органов конституционного контроля, основные направления их деятельности по защите конституционных прав и свобод.

Издание рассчитано на парламентариев, юристов, политологов, журналистов, сотрудников неправительственных организаций, аспирантов, студентов, а также на широкий круг читателей, интересующихся актуальным состоянием и тенденциями развития правовых систем государств — участников МПА СНГ.

Выраженное в настоящем издании мнение автора может не совпадать с официальной позицией Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ.

© Карцов А. С., 2019
© Секретариат Совета Межпарламентской
Ассамблеи государств — участников
Содружества Независимых Государств, 2019

Оглавление

Предисловие 6

Глава 1

**Конституционный нормоконтроль
на евразийском пространстве:
институциональные аспекты,
генезис и актуальное состояние 11**

Предтечи высшего нормоконтроля
на пространстве Содружества 11

Организация конституционного нормоконтроля
в государствах — участниках МПА СНГ 18

Конституционный нормоконтроль
в контексте разделения властей 81

Глава 2

**Механизм конституционного нормоконтроля.
Опыт Российской Федерации 92**

Институт индивидуальной
конституционной жалобы 92

Дефекты конституционности
и методы нормоконтроля 100

Конституционный нормоконтроль
и правоприменение 118

Конституционный нормоконтроль
и общество 146

Глава 3	
Конституционный нормоконтроль:	
защита прав и свобод	151
Вместо послесловия	194
Конституционный нормоконтроль	
как познание права.....	194
Приложение. Символика	
конституционного нормоконтроля.....	203
Использованные источники	207
Законодательство об органах	
и процедурах конституционного контроля	
государств — участников МПА СНГ	207
Избранная библиография	208

Предисловие

Конституционный нормоконтроль, осуществляемый преимущественно судебным органом,— одно из высших обретений человечества в правовой сфере. Он знаменует самоограничение публичной власти, ее подчинение фундаментальному началу верховенства права.

Восходя к известной еще с Античности идее верховного закона, требующего особой охраны, централизованный контроль конституционности законодательства (а в системной связи с ним — и право-применения) составляет ныне неотъемлемое достояние континентальной правовой традиции.

Институционализации конституционного контроля предшествовало утверждение принципиально нового представления о Конституции как целостной совокупности высших по своей ценостной значимости и юридической силе норм, ограничивающих, в частности, волю парламентского большинства. Это понимание позволило преодолеть длительное сопротивление, оказываемое установлению внешнего по отношению к представительной власти контроля над законодательством¹.

Первый орган конституционного контроля появляется на евразийском континенте в начале 1920-х гг. После Второй мировой войны конституционный нормоконтроль получает широкое распространение, став отличительной чертой судебных, правовых и политических систем не только Европы, но и многих государств мира.

На рубеже 1980–1990-х гг. институт конституционного контроля создается практически во всех европейских странах бывшего социалистического блока, а также в республиках распавшегося Советского Союза.

В наши дни не только поступательное развитие, но и элементарное благополучие любой сферы общественной деятельности зависит

¹ В условиях парламентского строя, пришедшего в странах Европы на смену абсолютизма, исторически обусловленное первенство законодательной власти над иными властными институтами по мере расширения избирательных прав стало отождествляться с народным суверенитетом. Примечательно, что в колыбели континентального конституционализма и парламентаризма, во Франции, долго сохранялась память о «парламентах» старого режима — апелляционных судах, именовавшихся также «хранителями основных законов королевства» и выступавших институциональным заслоном на пути сколько-нибудь серьезных политических и даже административных преобразований. Ввиду этого орган конституционного контроля здесь появляется лишь во второй половине XX в., тогда как решающее сближение с континентальной моделью конституционного нормоконтроля произошло еще позже (2008 г.).

от обеспечения надлежащей — в институциональном и процессуальном смыслах — охраны Основного закона страны.

Действенный и независимый конституционный контроль, будучи надежным залогом соблюдения конституционных норм, как ничто другое, укрепляет доверие общества, отдельных социальных групп и индивидов к правовым установлениям и публичной власти в целом.

Конституционный нормоконтроль противостоит забвению высоких идеалов права, эрозии демократических начал; разрушительному влиянию конъюнктурных соображений на действие правозащитных механизмов; стремлению обеспечить комфортные условия для власти за счет снижения гарантий прав и свобод. Эта, и без того важная, миссия обретает особую значимость на фоне «технанизации» юридических средств и манипулятивности обращения с ними, все чаще проявляющихся и в действиях иных национальных властей, и в подходах некоторых, опасно политизирующих правозащитную проблематику, наднациональных органов.

В посткоммунистических странах введение конституционного нормоконтроля не увенчало конституционное правление, покоящееся на разделаемых всем обществом ценностях, но, наоборот, предварило утверждение конституционализма. Общественный консенсус по поводу ценностей, провозглашенных Конституцией, на момент появления этого института отсутствовал, ввиду чего решения конституционно-контрольных органов не столько подкреплялись авторитетом *Grundnorme* (как то описывается в кельзеновской концепции), сколько сами создавали авторитет Основного закона, насыщая его текст ценностными значениями, творя континуум конституционных смыслов.

В государствах, образовавшихся на постсоветском пространстве (к какой бы категории их ни относить — «молодой», «новой» или «гибридной» демократии), обращение к инструментам конституционного нормоконтроля помогает установить гражданское согласие, поддержать стабильность политической системы и сбалансированное развитие системы правовой; соблюсти конституционно провозглашенный плюрализм, политический (многопартийность и политические свободы), экономический (многообразие форм собственности и свобода предпринимательства) и идеологический (недопустимость признания какой-либо идеологии как господствующей); оградить автономию гражданского общества; привнести справедливость в социально-экономические реалии.

Поэтому не будет преувеличением сказать, что учреждение института конституционного контроля стало одним из ключевых событий новейшей истории государств — участников Межпарламентской Ассамблеи Содружества Независимых Государств.

Будучи нацелены на как можно более полное воплощение положений Основного закона, решения органов конституционного контроля непосредственно и глубоко влияют на национальное право. Они непреодолимы и обязательны как для законодателей, так и для правоприменителей. Более того, применение акта высшей юридической силы — Конституции — с течением времени оказывается невозможным в отрыве от ее истолкования конституционно-контрольной практикой.

Впечатляют предметно-тематические характеристики этих решений, охватывающих, по сути, все объекты правового регулирования. В первую очередь это вопросы конституционного статуса граждан и их объединений; допустимых пределов ограничений конституционных прав и свобод; суверенитета, организации публичной власти и парламентаризма, административно-территориального устройства, местного самоуправления, основ юридической ответственности, судоустройства и судопроизводства.

Уникальность положения, занимаемого органами конституционного контроля, обусловлена прежде всего имеющейся у них возможностью, не выходя за рубежи казуального толкования, формулировать правовые позиции, в соответствии с которыми должны приводиться нормативные правовые акты и практика их применения. Везде, где существует и применяется конституционный нормоконтроль, вне учета этих позиций нельзя верно понять действующее регулирование.

Обладание столь обширными полномочиями возлагает не меньшую ответственность, с которой органы конституционного контроля соизмеряют принимаемые ими решения, стремясь в каждом из них достичь выверенного баланса между конституционно защищаемыми ценностями.

На настоящем этапе перед государствами — участниками Межпарламентской Ассамблеи СНГ стоят три масштабные конституционно-правовые задачи:

1. обеспечение конституционности публичной власти;
2. обеспечение качества публичного управления;
3. обеспечение суверенности государственности.

Их успешное решение во многом зависит от конституционного нормоконтроля.

Во-первых, от адекватности и содержательности решений, принимаемых по делам соответствующей проблематики.

Во-вторых, от точности и своевременности исполнения этих решений, включая учет высказанных позиций на всех уровнях нормотворчества и правоприменения.

В-третьих, от совершенствования как статуса органов конституционного нормоконтроля с оптимальным определением объема их компетенции, так и конституционно-контрольных процедур.

Как следует из текстов национальных конституций, являясь обязанностью государства, соблюдение прав и свобод определяет смысл, содержание и применение законов, деятельность всех институтов публичной власти, будучи гарантировано, в частности, конституционным правосудием, а также несудебным конституционным нормоконтролем.

Оттого усилия органов конституционного контроля по решению всех названных задач вместе с тем всегда связаны — в одних случаях напрямую, в других случаях более опосредованно — с защитой конституционных прав и свобод. Именно защита нормотворчества и правоприменения от нарушающих права и свободы дефектов конституционности составляет главную нагрузку, лежащую на органах конституционного контроля. И это вполне естественно для правовой демократии, подтверждая признание человека, его прав и свобод высшей ценностью.

Настоящее издание не претендует на энциклопедическое изложение и равномерное освещение всех аспектов рассматриваемого института.

Ключевое понятие «орган конституционного контроля» охватывает все органы публичной власти, осуществляющие конституционный нормоконтроль, т.е. проверку законодательства (в том числе по смыслу, придаваемому правоприменением) на соответствие Конституции.

Смежные понятия («конституционная юстиция», «конституционное правосудие») относятся только к конституционным судам, т.е. органам судебного конституционного контроля, присущего всем государствам — участникам МПА СНГ, за исключением Казахстана.

С учетом значения российской модели конституционного нормоконтроля, в том числе для практики конституционного контроля в государствах — участниках МПА СНГ, более детализованно изложен опыт Конституционного Суда РФ.

В тексте использовались аналитические материалы Секретариата Конституционного Суда РФ, в разработке которых принимал участие автор.

Глава 1

Конституционный нормоконтроль на евразийском пространстве: институциональные аспекты, генезис и актуальное состояние

Предтечи высшего нормоконтроля на пространстве Содружества

Появление органов конституционного контроля в государствах — участниках МПА СНГ относится к началу 1990-х гг. Однако в широком истори-

ческом контексте у них есть более или менее отдаленные предшественники — как в доктринально-ценостном, так и в собственно институциональном аспекте. Так, например, деятели таджикской конституционной юстиции напоминают о «Декларации прав человека Кира Великого (539 г. до н.э.), который правил Персией в середине VI века до н.э., где были провозглашены три основные группы прав и свобод, дарованных жителям Вавилона: равенство независимо от расы, религии и языка; освобождение от рабства; религиозная терпимость. Ныне эти права объявлены как конституционные и закреплены во всех международных актах по правам человека и национальных конституциях. Не без основания “цилиндр Кира” назван ООН первой в истории Декларацией прав человека (1971 г.)»².

Белорусские конституционалисты видят отдельные элементы порядка обжалования правовых актов в памятниках истории и права Беларуси, в частности в «Статуте Великого Княжества Литовского» (1588 г.), устанавливающего: «А где бы что было получено и вышло каким-либо образом против сего статута, то по праву и по суду справедливому нами и потомками нашими, по совету наших рад Великого княжества должно быть на сторону отложено и признано ничтожным» (артикул 5 раздела 3)³.

Представляется, что исходя из таких признаков, как высший надзор за законностью, а также судебное нормотворчество, предтечей конституционного нормоконтроля на евразийском пространстве

² Каримов К. Конституционное правосудие и защита чести и достоинства человека в Республике Таджикистан // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2014: международный альманах. Ереван: Центр конституционного права Республики Армения, 2014.

³ Демичев Д. М. Конституционный суд Республики Беларусь в системе органов судебной власти // Право и государство. 2013. № 4.

в определенном смысле можно считать Правительствующий Сенат Российской империи.

Будуучи учрежден Петром I в 1711 г., он обладал, наряду с высшей судебной функцией, полномочиями надзора за законностью управления вообще.

Немалую часть XVIII в. Сенат размещался в знаменитом здании Двенадцати коллегий, строительство которого велось в неимоверно трудных условиях: болотистая почва и нередко выходившая из берегов Нева требовали забивки в грунт множества свай. Но Петр Великий придавал огромное значение этой постройке как архитектурной презентации Власти и Правосудия. Примечательно, что одновременно с закладкой этого здания царь повелел создать в новой столице Академию наук с университетом и гимназией. Преобразователь ясно сознавал, что вне опоры на юридическую мысль высшее правосудие неизбежно уподобится возведенному на топком грунте строению: не поддерживаемое «свямыми» научного знания, оно будет обречено на шаткость, противоречивость и, в конечном счете, произвольность.

Под сводами Сенатского зала, где ныне проводит свои торжественные мероприятия Санкт-Петербургский университет, парят аллегорические фигуры Премудрости, Правды, Милосердия и Верности — воплощения главных методов правосудия. Плафон зала словно напоминает: правосудие, а в особенности высшее, только тогда является таковым, когда является собой апофеоз Премудрости, т.е. торжество Истины, опирающейся на глубокое Знание. Тогда, когда это свершается, правосудию сопутствуют и Правда, т.е. справедливость, и Милосердие, т.е. гуманность, и Верность, т.е. соблюдение надлежащих процедур и поддержание единства правоприменения. Они всегда окружают Премудрость.

На настенных же панно Сенатского зала видны олицетворения тех ценностей, которым надлежало следовать при отправлении правосудия. Это аллегории Совета, Резолюции, т.е. соблюдения надлежащей процедуры, Любви к Отечеству, Благородства, Милости, Добродетели и Великодушия...

В апреле 1714 г. состоялось запрещение приносить Государю жалобы на несправедливые решения Сената, чем утверждалось совершенно новое для России начало; до того времени самодержцу можно было жаловаться на каждое учреждение.

Примечательно, что сенатское правоприменение было тесно связано с нормотворчеством. Во время длительных отлучек императора

Сенат разбирал, истолковывал и преобразовывал в законодательные положения его набросанные в походной спешке инструкции. Однажды сенатор князь Яков Долгоруков даже разорвал монарший указ, будучи уверен, что тот подписал его, не обдумав. Но и после победного завершения военных кампаний Сенат продолжал оставаться высшим хранителем законности.

На протяжении XIX в. влияние сенатской практики на право-применение возрастает. Издание Полного собрания законов впервые сделало доступным обширный массив сенатских прецедентов, став не только первым в России официальным сводом судебной практики, но и первым опытом обобщения позиций высшего суда.

Для периода, предшествующего судебной реформе 1864 г., был характерен отказ от судебного усмотрения во имя устанавливаемого законодателем единства нормативного регулирования. Статья 65 «Основных государственных законов Российской империи» 1832 г. гласила: «Законы должны быть исполняемы по точному и буквальному смыслу оных, без всякого изменения или распространения. Все без изъятия, не исключая и высших правительств, во всяком случае, должны утверждать определения свои на точных словах закона, не переменяя в них без доклада Императорскому Величеству ни единой буквы и не допуская обманчивого непостоянства самопроизвольных толкований». А статья 52 предусматривала: «В случае неясности или недостатка существующего закона каждое место или правительство имеет право и обязанность представлять о том по порядку своему начальству. Если встреченное сомнение не разрешается прямым смыслом закона, тогда начальство обязано представить Правительствующему Сенату или Министру по принадлежности...» Отсюда возрастание значения органов, управомоченных давать соответствующие разъяснения. И в первую очередь Сената.

Несмотря на то что в ходе судебной реформы этот порядок был отменен с запретом судам останавливать решение дела под предлогом неполноты, неясности, недостатка или противоречия закона, в целом введение Судебных уставов 1864 г. предоставило Сенату необычайные по своей широте возможности воздействия на правовую систему, не исключая и законодательство.

По замыслу отцов судебной реформы Сенат должен был стать «не судебной инстанцией, а высшим органом надзора». Не случайно он и после реформы по-прежнему именовался Правительствующим, что отвечало его исконному назначению — быть хранителем законов.

Высшими судебными органами стали кассационные департаменты Сената. Их решения были окончательными, никакому дальнейшему обжалованию не подлежали. Отказ предоставить Сенату право рассматривать дела по существу был вызван стремлением обеспечить доверие к нему как защитнику публичного интереса. Предполагалось, что, разрешая дела по существу, он будет более склонен к казуальному толкованию и может при этом не удержаться от произвола. Неучастие же в разрешении дел защищает сенаторов от влияния заинтересованных сторон и подозрений в пристрастности.

В результате освобождения от проверки фактического материала департаменты получили возможность сосредоточиться на юридическом существе проблемы, поднимаемой тем или иным делом. Для этого они были наделены не только обширными возможностями в области толкования закона, но и правом разрешения дел даже при отсутствии регулировавших спорные правоотношения правовых норм.

С течением времени кассационные департаменты превратились в настоящие лаборатории судебного правотворчества. Принятые ими решения, разъясняющие смысл законов, публиковались для всеобщего сведения в качестве руководства к единообразному применению действующего законодательства.

В условиях несовершенства законодательства, многообразия судов и обширности территории Сенат — через сформулированное в правовых позициях разъяснение закона — обеспечивал непротиворечивое правоприменение.

Наиболее важные нормы сенатских постановлений включались в Продолжения Свода законов. В 1885 г. были разработаны специальные правила, которыми вплоть до крушения империи руководствовался кодификационный отдел Государственного совета при включении сенатских указов в Свод законов. И пусть сенатские правовые позиции формально не признавались в качестве полноценного источника права, они оказали огромное воздействие не только на складывание судебной практики, но и на содержание принимаемых впоследствии законодательных актов. Дорога к новому гражданскому и уголовному законодательству прокладывалась сенатскими решениями. Разработчики первых русских кодексов — Уложения о наказаниях, Гражданского уложения — получали от них импульс для многих, закладывавшихся затем в законодательство, конструкций.

С 1868 г. уголовный кассационный департамент, не ограничиваясь рассмотрением отдельных случаев, относящихся к его компетенции, обратился к предоставленному ему законом праву разъяснения особенно важных вопросов для всеобщего сведения путем издания циркулярных указов. В дальнейшем эта практика была распространена на гражданский кассационный департамент, общие собрания департаментов и соединенные присутствия первого и кассационных департаментов Сената.

После 1877 г. Сенат вновь получил полномочие разъяснять законы абстрактно, вне связи с конкретными спорами, что породило еще один вид сенатского акта, содержащего абстрактное толкование закона и имеющего обязательную силу для всех судов. Инициатором издания указанного акта мог быть только министр юстиции, извещавший «о доходящих до его сведения вопросах, разрешаемых неединообразно в разных судебных местах или же возбуждающих на практике сомнения» (Сенат не мог отказаться от рассмотрения представленного вопроса и даже проверить наличие оснований для такого обращения). Соответствующий сенатский акт содержал положения, рассчитанные на неограниченный круг лиц и неопределенное число случаев, т.е., по сути, носил нормативный характер.

Таким образом, наряду с нормотворчеством в связи с казуальным рассмотрением Сенат давал и абстрактное толкование закона на основе обобщения судебной практики обычно путем аналогии закона и телологического толкования, а при коллизии норм обращаясь к духу законодательства: «Если бы где-либо, по различию буквального смысла узаконений, встретилось затруднение в избрании и приложении закона к рассматриваемому делу — в таком случае, по невозможности согласить буквальный смысл одного закона с таким же другого, самая необходимость предписывает, особенно в высших местах, следовать общему духу законодательства и держаться смысла, наиболее оному соответствующего» (статья 65 «Основных законов Российской империи»).

Полученная свобода толкования породила ссылки в сенатских решениях на смысл закона и даже на его «дух». Одновременно сохраняло силу унаследованное от XVIII в. понятие «казусных дел», т.е. таких, на которые не было точного закона. Хотя в подобных случаях Сенат был формально обязан представить дело на усмотрение императора через министра юстиции и Государственный Совет, он предпочитал обходиться без этого и сам широко толковал закон.

Нижестоящие суды Сенат ориентировал на такое же свободное толкование, напоминая, что закон можно толковать по историческому его происхождению, по цели его, по месту в системе Свода законов, по общим началам права, если эти последние не противоречат действующему закону.

Добавим, что Великие реформы практически не коснулись материального права, гражданского и уголовного. Сенатские разъяснения восполняли пробелы, обнаруживающиеся все чаще по мере ускоряющейся модернизации.

22 ноября (5 декабря) 1917 г. большевики, незадолго до того захватившие власть в столице империи, приняли Декрет о суде, которым упразднялся Правительствующий Сенат.

На следующий день Сенат обратился «ко всем подчиненным местам и лицам державы Российской» с указом, которому суждено было стать последним:

«Со времени возникшего в конце октября текущего года мятежа против законной власти Правительствующий Сенат продолжал, не прерывая работ, неуклонно выполнять веления закона об осуществлении высшего надзора в порядке управления и соблюдения беспристрастного и нелицемерного правосудия, не допуская и мысли о возможности вторжения в его деятельность самочинной организации, возникновение и способы действий которой вызывают справедливое и глубокое осуждение.

Ныне Сенат осведомился о намерении лиц, захвативших власть, незадолго до созыва Учредительного собрания, которое должно явиться истинным выражителем державной воли русского народа, посягнуть на самое существование Правительствующего Сената, в течение слишком двухсот лет стоящего на страже закона и порядка в России. Эти лица решаются упразднить Правительствующий Сенат и все суды, подрывая тем самым основы государственного строя и лишая население последней его опоры — законной охраны его личных и имущественных прав. Преступные действия лиц, имеющих себя народными комиссарами, в последние недели свидетельствуют, что они не остановятся перед применением насилия над учреждениями и лицами, стоящими на страже русской государственности.

И прежде, чем насилие коснется старейшего из высших учреждений России и лишит Правительствующий Сенат возможности возвысить свой голос в час величайшей опасности для Родины,

созванное на основании ст. 14 Учреждения Сената, Общее собрание Сената определяет: не признавая законной силы за распоряжениями каких бы то ни было самочинных организаций, неуклонно исполнять впредь до решения Учредительного собрания об образовании власти в стране возложенные на Сенат законом обязанности, доколе к этому представляется какая-либо возможность. О чём и дать знать всем подчиненным местам и лицам указами. Копию настоящего определения передать к делам обер-прокурору Первого департамента Правительствующего Сената для напечатания в Собрании узаконений и распоряжений правительства».

Более века назад, в пучине произвола, поглотившей русскую землю, смолк голос Сената. Но идея права, идеалы законности не могут умереть, они бессмертны. Поэтому с точки зрения исторической правды свершившееся десятилетие назад перемещение органа судебного конституционного контроля, действующего в Российской Федерации, с московской Ильинки на берега Невы, в величавый дворец близ Медного Всадника,— не переезд, но *возвращение*.

Не будучи прямым преемником Правительствующего Сената, Конституционный Суд России во многом продолжает его дело.

Что касается советской эпохи, то в период с 1918 г. по 1924 г. функции конституционного контроля выполнялись Всероссийским съездом Советов, ЦИК РСФСР и его Президиумом (с 1922 г. соответственно Всесоюзным съездом Советов, ЦИК СССР и его Президиумом), функции конституционного надзора — отделом законодательных предположений ЦИК РСФСР, а затем ЦИК СССР. Позднее, с 1924 г., функции надзора были переданы Верховному Суду и прокурору Верховного Суда СССР. В 1933 г. в связи с образованием Прокуратуры СССР надзор полностью перешел к новому органу. В период 1936–1988 гг. государственными органами, осуществляющими конституционный контроль и конституционный надзор, являлись Верховный Совет СССР и его Президиум. Аналогичными полномочиями наделялись и высшие представительные органы союзных и автономных республик.

1 декабря 1988 г. был образован первый специализированный орган в данной сфере. В статью 125 Конституции СССР были внесены изменения и дополнения, вводящие институт конституционного надзора и учреждающие орган государственной власти, наделяемый соответствующими функциями.

В частности, устанавливалось, что Комитет конституционного надзора СССР, избираемый Съездом народных депутатов СССР, состоит из 23 высококвалифицированных специалистов в области правоведения и общественных наук, что в его состав входят представители от каждой из 15 союзных республик.

На Комитет конституционного надзора возлагалась проверка конституционности не только законов СССР, но и законопроектов, а также актов Генерального прокурора СССР, Главного государственного арбитра СССР и некоторых других нормативных актов. При этом Комитет конституционного надзора был подконтролен Съезду народных депутатов СССР, что обуславливало его зависимость от названного органа.

21–23 декабря 1989 г. второй Съезд народных депутатов СССР принял закон «О конституционном надзоре в СССР», избрал председателя Комитета конституционного надзора и его заместителя.

Остальных 25 членов Комитета (по сравнению с первоначальными планами численность комитета была увеличена) было поручено избрать Верховному Совету, который 26 апреля 1990 г. избрал еще 19 членов.

Следует отметить, что в проекте нового Союзного договора, направленного Президентом СССР в Верховный Совет РСФСР 23 ноября 1990 г., предусматривалась статья 16 «Конституционный Суд СССР». Согласно ей «Конституционный Суд осуществляет контроль за соответствием законов СССР и республик Союзному договору и Конституции СССР, разрешает споры между республиками, между Союзом и республикой, если эти споры не удалось урегулировать посредством согласительных процедур».

30 августа 1991 г. Верховный Совет СССР поручил Комитету конституционного надзора СССР разработать законопроект «О Конституционном Суде СССР».

Однако этим планам не было суждено реализоваться.

**Организация конституционного
нормоконтроля в государствах —
участниках МПА СНГ**

участников МПА СНГ, их статусе, компетенции, основных институциональных и организационных аспектах.

Остановимся на краткой характеристике современного состояния органов конституционного контроля государств —

Конституционный Суд Азербайджанской Республики — высший орган правосудия, обеспечивающий прежде всего верховенство Конституции Азербайджанской Республики (далее также — АР) и соблюдение конституционных прав и свобод.

Правовые основы деятельности Конституционного Суда (создан в 1998 г.) составляют Конституция АР, принятая в 1995 г., Закон Азербайджанской Республики «О Конституционном Суде», принятый в 2003 г., а также Внутренний устав Конституционного Суда АР.

Судей Конституционного Суда АР назначает Милли Меджлис АР по представлению Президента АР (часть I статьи 130 Конституции). После назначения не менее семи из девяти судей Суд может приступить к исполнению своих полномочий. Судьи Конституционного Суда АР назначаются на 15 лет. После завершения срока полномочий судья не может быть повторно назначен на свою должность. Председатель АР и заместитель председателя АР назначаются Президентом АР.

Конституционный Суд АР рассматривает дела на заседаниях палат и Пленума. Решения Конституционного Суда АР окончательны и не могут быть отменены, изменены или официально истолкованы тем или иным органом или должностным лицом.

По справедливой оценке главы Конституционного Суда АР Фархада Абдуллаева, образование этого, неизвестного национальной правовой системе, института было продиктовано «необходимостью демократических преобразований, введением защиты прав человека на приоритетный уровень, претворением в жизнь идей правового государства, а также превращения Конституции в живое и действующее право»⁴.

Конституционный Суд АР обладает широкими прерогативами по осуществлению конституционного контроля, в том числе в форме нормоконтроля (статья 130 Конституции АР).

В частности, его компетенция включает проверку конституционности законов, постановлений и других нормативных правовых актов; дает толкование Конституции АР и законов по запросам Президента АР, Милли Меджлиса АР, Кабинета Министров АР, Верховного Суда АР, Прокуратуры АР, Али Меджлиса Нахичеванской Автономной Республики и обращений судов общей юрисдикции.

⁴ Абдуллаев Ф. Правовые позиции Конституционного Суда Азербайджанской Республики как форма правотворчества // Конституционный контроль. Минск: Белорусский Дом печати, 2014.

Правом обращения в Конституционный Суд обладают следующие субъекты: Президент АР; Милли Меджлис АР (парламент); Кабинет Министров АР; Верховный Суд АР; Прокуратура АР; Али Меджлис Нахичеванской Автономной Республики (региональный представительный орган); суды; граждане. Омбудсмен АР также вправе обратиться в Конституционный Суд с запросом в случаях нарушения прав и свобод человека действующими законодательными актами, нормативными актами исполнительной власти, актами муниципалитетов и судов.

Согласно статье 34.1 Закона «О Конституционном Суде АР» каждый может обжаловать в Конституционный Суд нормативные правовые акты органов законодательной и исполнительной власти, муниципальные и судебные акты, нарушающие его права и свободы, в целях восстановления нарушенных прав и свобод человека. Конституционный Суд АР вправе рассматривать индивидуальные жалобы, поданные на судебные акты, в следующих случаях: в случае неприменения судом подлежащего применению нормативного правового акта; в случае применения судом не подлежащего применению нормативного правового акта; в случае неверного толкования судом нормативного правового акта. Жалоба в Конституционный Суд АР может быть подана в случае исчерпания всех средств судебной защиты в течение шести месяцев с момента вступления в силу решения последней судебной инстанции или в течение трех месяцев с момента нарушения права заявителя на обращение в суд.

Такой широкий спектр позволяет обеспечивать конституционность нормативного регулирования, оказывать конституционализирующее влияние на правоприменительную практику. «Конституционные права и свободы стали защищаться Конституционным Судом АР не только в соответствии с нормативно-правовыми актами, но и от таковых. При этом данная тенденция неизбежно превращает Конституционный Суд АР не только в орган правосудия, но и в “позитивного законодателя”, ибо выносимые постановления становятся ориентиром для принятия объективных решений в судах общей юрисдикции, что, в свою очередь, способствует эффективной защите конституционных прав и свобод граждан во всех судебных инстанциях»⁵.

⁵ Абдуллаев Ф. Прямой доступ граждан к конституционному правосудию в Азербайджане // Конституционное правосудие. 2005. № 2 (28).

Интерпретационная деятельность Конституционного Суда АР сыграла важную роль в первые годы азербайджанской государственности, поскольку новая Конституция страны, базирующаяся на идеях правового государства и демократии, требовала существенного обновления законодательства, которое не могло быть осуществлено парламентом в краткие сроки. В соответствии с законом «О нормативно-правовых актах» при обнаружении неопределенностей и коллизий в содержании нормативного правового акта, а также противоречий в практике применения не только нормотворческий орган, принявший данный акт, но и Конституционный Суд при обращении управомоченных субъектов осуществлял толкование соответствующих норм для устранения выявленных дефектов. Помимо того, реализация органом конституционного контроля функций «негативного» законодателя уже сама по себе создавала предпосылки для появления пробелов, требующих восполнения⁶. В дальнейшем применение законоположений не может происходить вне учета результатов толкования, закрепляемых в соответствующем решении Конституционного Суда АР⁷. Иная интерпретация каким-либо другим органом публичной власти правовых норм, получивших конституционное толкование, не допускается.

Однако первоначально при всей широте охвата конституционным нормоконтролем обширного массива нормативных правовых актов различного уровня возможность его реализации зависела от узкого круга субъектов, наделенных правом запроса. Право граждан на обращение первоначально не было прямым: заинтересованное лицо могло обратиться в Конституционный Суд АР лишь через Верховный Суд АР, в случае удовлетворения соответствующего ходатайства. В результате за первые пять с лишним лет деятельности Конституционного Суда АР ни одна жалоба по этому каналу не была рассмотрена.

В соответствии с проведенным общенациональным референдумом в Конституцию АР были внесены изменения (2002 г.). Согласно им каждый имеет право непосредственно оспаривать в порядке

⁶ Гаджиев Х. Влияние деятельности Конституционного Суда на развитие законодательства Азербайджанской Республики // Конституционное правосудие: вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2001–2002. № 4 (14) — 1 (15).

⁷ Салманова С. Современные тенденции взаимоотношений Конституционного Суда Азербайджанской Республики с судами общей юрисдикции // Конституционное правосудие: вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2011. № 3 (53).

конституционного нормоконтроля нормативные правовые акты, а также судебные акты, которые, по мнению заявителя, нарушили его конституционные права или свободы⁸. В результате значительно расширился круг субъектов, обладающих правом обращения в Конституционный Суд, к которым добавились, помимо граждан, Уполномоченный по правам человека и суды общей юрисдикции.

После внесения изменений в Конституцию АР, включая новую редакцию статьи 130, возникла необходимость в принятии нового закона о Конституционном Суде АР (принят 23 декабря 2003 г.). В этом законе, разработанном с участием экспертов Венецианской комиссии, был закреплен механизм подачи и рассмотрения индивидуальной жалобы. Непременным условием является исчерпание всех доступных средств судебной защиты, в том числе полного использования права обжалования судебного акта; подача жалобы в течение полутора лет с момента вступления в силу последнего судебного решения либо в течение трех месяцев с момента нарушения права заявителя на обращение в суд. Если же в результате нарушения прав и свобод не представилось возможным посредством других судов предотвратить нанесение заявителю тяжелого и непоправимого ущерба, жалоба может быть подана непосредственно в Конституционный Суд АР⁹.

После поступления в Конституционный Суд АР жалобы предварительное рассмотрение в пределах пяти дней осуществляют сотрудники аппарата Суда. Если вопрос, оспариваемый в жалобе, не подпадает под юрисдикцию Суда, Конституционный Суд АР, проинформировав заявителя, направляет жалобу для рассмотрения в компетентный орган. После предварительного рассмотрения жалоба со всеми необходимыми материалами передается судье Конституционного Суда. По окончании изучения дела судьей жалоба выносится на обсуждение в Палату Конституционного Суда АР для решения вопроса об отказе или о принятии жалобы к конституционному производству. Окончательное решение по существу дела принимает Пленум Конституционного Суда АР.

Суды общей юрисдикции могут обращаться в Конституционный Суд по вопросам, предусмотренным частью IV статьи 130

⁸ См.: Абдуллаев Ф. Прямой доступ граждан к конституционному правосудию в Азербайджане // Конституционное правосудие. 2005. № 2 (28).

⁹ См.: Абдуллаев Ф. Защита конституционных прав и свобод граждан в порядке подачи индивидуальных жалоб в Конституционный Суд Азербайджанской Республики // Конституционное правосудие: вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2009. № 2 (44).

Конституции, т.е. о толковании Конституции и законов, при соблюдении двух условий: 1) обращение должно быть непосредственно связано с осуществлением прав и свобод человека; 2) обращение должно быть связано с конкретным делом, находящимся в производстве суда. Следует отметить, что в последнее время суды все чаще обращаются в Конституционный Суд с запросом о толковании норм закона, подлежащих применению в конкретных делах, которые находятся в их производстве. По признанию заместителя Председателя Конституционного Суда АР С. Салмановой, «обращения судов играют огромную роль в выработке правовых позиций Конституционного Суда при разбирательстве тех или иных правовых вопросов; в свою очередь, выработанные правовые позиции Конституционного Суда оказывают большое влияние на развитие права и правоприменительной практики»¹⁰.

В целом, как показало время, предоставление частным заявителям возможности непосредственного обращения способствовало существенной активизации усилий Суда по защите конституционных прав и свобод.

Постановления, принятые Пленумом Конституционного Суда АР, окончательны и не могут быть отменены, изменены или официально истолкованы тем или иным органом или лицом.

Нормативный характер постановлений Конституционного Суда проявляется в том, что они имеют официальный и общеобязательный характер, являя собой нормы, рассчитанные на неопределенный круг субъектов, и подразумевают многократное применение. В отличие от рекомендательных решений Пленума Верховного Суда АР, постановления Конституционного Суда имеют обязательную юридическую силу. Правовые позиции, сформулированные в этих постановлениях, обязательны для всех государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц во всех аналогичных правовых ситуациях.

Действительно, эффективность органа конституционного контроля определяется не только содержанием и ясностью формулировок его решений, но и тем, насколько он воздействует на укрепление законности и правопорядка. Как показывает опыт, такое влияние на

¹⁰ Салманова С. Современные тенденции взаимоотношений Конституционного Суда Азербайджанской Республики с судами общей юрисдикции // Конституционное правосудие: вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2011. № 3 (53).

национальную правовую систему Конституционным Судом Азербайджанской Республики оказывается в полной мере¹¹.

Согласно Конституции Республики Армения (далее также — РА) «конституционное правосудие осуществляется **Конституционным Судом Республики Армения**» (статья 93). Он является «высшим органом конституционного правосудия, обеспечивающим верховенство Конституции» (статья 1 Закона РА «О Конституционном Суде»).

В 1995 г. была принята Конституция Республики Армения, предусматривающая в составе высших органов власти Конституционный Суд, а в ноябре того же года был принят первый Закон «О Конституционном Суде Республики Армения».

В феврале 1996 г. Конституционный Суд РА начал действовать.

В 1997 г. базовый закон подвергся серьезным изменениям, в том числе было установлено право Конституционного Суда РА утверждать собственный устав (это правомочие было реализовано на следующий год).

Становление института конституционного нормоконтроля в Армении происходило в два этапа: с 1996 г. по 1 июля 2006 г. (отсутствие индивидуальной конституционной жалобы, предполагающей возможность прямого обращения частных заявителей в Конституционный Суд) и после. На первом этапе уполномоченные субъекты не спешили обращаться в Конституционный Суд РА. Так, депутаты Национального Собрания РА обращались всего дважды, причем относительно конституционности актов Президента РА и Правительства РА не поступило ни одного заявления.

Ситуация стала иной после конституционных изменений, принятых на референдуме 2005 г. Был существенно расширен перечень субъектов, обладающих правом обращения в Конституционный Суд РА. Помимо Президента Республики, 1/5 депутатов Национального Собрания РА, Правительства РА, Заштитника прав человека РА, судов, Генерального прокурора РА, органов местного самоуправления в него были включены и частные заявители¹².

¹¹ Абдуллаев Ф. Практические проблемы осуществления конституционного контроля в Азербайджанской Республике // Конституционный контроль. М.: Норма, 2012.

¹² Тохян Ф. Практика Конституционного Суда Республики Армения в деле обеспечения контроля конституционности законодательной политики Национального Собрания Республики Армения // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2009: международ. альманах. Ереван: Центр конституционного права Республики Армения, 2009.

Во исполнение конституционных требований в 2006 г. был принят новый Закон «О Конституционном Суде Республики Армения», сочетающий в себе регулирование как материально-правовых, так и процессуальных аспектов. Он установил новые правила рассмотрения дел, сроки их рассмотрения, способы сбора доказательств, прежде всего в связи с рассмотрением споров по принятым решениям об итогах выборов Президента РА и депутатов.

Внедрение в национальную правовую систему в результате конституционной реформы 2005 г. института индивидуальной конституционной жалобы стало важнейшим шагом на пути демократизации конституционного нормоконтроля¹³. Все частные заявители — физические лица, в том числе иностранцы, а также юридические лица — получили право непосредственного обращения в Конституционный Суд РА для защиты нарушенных конституционных прав и свобод.

Новые возможности взаимодействия с Конституционным Судом РА появились и у Прокуратуры РА, получившей в лице Генерального прокурора РА право обращаться по вопросам конституционности нормативных актов, по конкретному делу, находящемуся в его производстве¹⁴.

Заштитник прав человека (омбудсмен) также был наделен правом обращаться в Конституционный Суд РА по вопросам соответствия Конституции законов и постановлений Национального Собрания РА, нормативных актов Президента РА, Правительства РА, решений органов местного самоуправления, которые касаются положений главы 2 Конституции РА, ограждающей основные права и свободы¹⁵.

Правом на обращение в Конституционный Суд РА обладает физическое или юридическое лицо, которое являлось участником судопроизводства в судах общей юрисдикции и специализированных судах; в отношении которого судом общей юрисдикции или специализированным судом было применено оспариваемое положение закона; в отношении которого положение оспариваемого закона

¹³ Петросян А. Некоторые аспекты защиты конституционных прав человека в практике конституционного правосудия Республики Армения // Конституционное правосудие: вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2014. № 4 (66).

¹⁴ Овсепян А. Взаимодействие Конституционного Суда Республики Армения и прокуратуры // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2012: международ. альманах. Ереван: Центр конституционного права Республики Армения, 2012.

¹⁵ Арутюнян Г. Неиспользованные возможности взаимодействия Конституционного Суда и защитника прав человека // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2007: международ. альманах. Ереван: Центр Конституционного права Республики Армения, 2007.

было применено окончательным судебным актом; которое исчерпало все средства судебной защиты. Учитывая то обстоятельство, что при отсутствии любого из вышеуказанных условий частный заявитель не будет считаться правомочным субъектом обращения, Конституционный Суд РА разъяснил конституционно-правовое содержание понятий «применение положения закона» и «окончательный судебный акт». Так, понятие «применение положения закона» не относится к любому упоминанию в судебном акте того или иного положения, но должно быть «применением», порождающим для заявителя правовые последствия. Во всех тех случаях, когда упоминание носит информирующий характер, оно не рассматривается в качестве отвечающего критерию допустимости «применения» закона. Что касается понятия «окончательный судебный акт», то им, согласно правовой позиции Конституционного Суда РА, является окончательный акт суда, которым разрешается дело по существу и порождаются правовые последствия¹⁶.

Осуществляя конституционное судопроизводство, Конституционный Суд РА правомочен, в частности: выяснять все обстоятельства дела, не ограничиваясь ходатайствами, предложениями участников судопроизводства, представленными ими доказательствами и другими имеющимися в деле материалами; истребовать материалы от государственных органов и органов местного самоуправления, их должностных лиц, а также от физических и юридических лиц; определяя конституционность правового акта, оценивать также сложившуюся правоприменительную практику; определяя конституционность нормативного акта, устанавливать также конституционность иных положений данного акта, системно взаимосвязанных с оспариваемым положением; убедившись в противоречии Конституции РА иных положений данного нормативного акта, взаимосвязанных с оспариваемыми положениями, признать их противоречащими Конституции РА и недействительными; распространять постановление о признании оспариваемого акта полностью или частично противоречащим Конституции РА и недействительным на правоотношения, предшествующие вступлению в силу этого постановления, если непринятие такого постановления может вызвать тяжелые последствия для общества или государства; если находит, что признание

¹⁶ Петросян А. Некоторые аспекты защиты конституционных прав человека в практике конституционного правосудия Республики Армения // Конституционное правосудие: вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2014. № 4 (66).

оспариваемого нормативного правового акта или какого-либо его положения противоречащим Конституции РА и утрачивающим силу в момент провозглашения постановления создаст нежелательные последствия, которые могут обесценить эффект, достигаемый устраниением неконституционных законоположений из правового поля, то Конституционный Суд РА, признав данный акт противоречащим Конституции РА, может отсрочить в своем постановлении утрату юридической силы этого акта на срок, в течение которого следует принять меры, направленные на предотвращение этих последствий.

Новеллы 2015 г. позволили конституционно закрепить ряд прав и принципов, в том числе и обоснованных ранее в решениях Конституционного Суда РА: право на судебную защиту и право на обращение в международные органы по защите прав человека (статья 61); право на возмещение вреда (статья 62); право на справедливое судебное разбирательство (статья 63); принцип вины и принцип соразмерности наказания (статья 71); принцип законности при установлении преступлений и назначении наказаний (статья 72); порядок обратной силы законов (статья 73); принцип соразмерности (статья 78); принцип определенности (статья 79) и др.

Был также пересмотрен порядок формирования Конституционного Суда РА. Отныне судей избирает только парламент (без участия главы государства, как было ранее) как минимум тремя пятью голосов от общего числа депутатов, сроком на 12 лет. Избрание представительным органом придает мандату судей Конституционного Суда РА предполагаемую парламентской формой правления легитимность. Трое из девяти судей избираются по предложению Президента РА, трое — по предложению Правительства РА, трое — по предложению Общего собрания судей (оно может предлагать только судей). Одно и то же лицо может быть избрано судьей Конституционного Суда только один раз. Конституционный Суд РА избирает своего председателя и его заместителя сроком на шесть лет без права на переизбрание (статья 166 Конституции РА), что дает возможность замещения этих должностей разными судьями, чем стимулируется как профессиональная активность судей, так и эффективное руководство деятельностью Суда¹⁷.

¹⁷ Арутюнян Г. Г. Международно-правовые слагаемые независимости судебной власти и транзитологические характеристики конституционного развития в этой области // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 1.

В целях пополнения состава Конституционного Суда опытными и авторитетными юристами были подняты возрастной ценз и ценз профессионального стажа. Срок пребывания в должности судьи Конституционного Суда РА ограничен до 12 лет без права переизбрания, что обосновывается укреплением независимости судей, а также важностью возрастного и ментального обновления. Еще одной гарантией судебной независимости стал пересмотр порядка прекращения полномочий судьи Конституционного Суда РА, которое отныне осуществляется самим Конституционным Судом (ранее этот вопрос находился в ведении субъекта, назначившего члена Конституционного Суда РА).

Был расширен и круг объектов конституционного контроля. В частности, Конституционному Суду РА предоставлено полномочие по разрешению споров, возникших между высшими органами публичной власти (Национальное Собрание, Правительство, Президент, Высший судебный совет) в связи с осуществлением ими конституционных полномочий.

Конституционному Суду РА также предоставлен предварительный контроль проекта конституционных поправок; проектов правовых актов, выносимых на референдум; возможность в установленном порядке определять соответствие Конституции РА принятого Национальным Собранием РА закона до подписания его главой государства¹⁸. До этого контроль за конституционностью обязательств, закрепленных международными договорами, являлся единственным основанием для предварительного обязательного конституционного контроля. Парламент не вправе ратифицировать какой бы то ни был международный договор, который не был проверен Конституционным Судом РА.

Как уже отмечалось, была модернизирована модель индивидуальной конституционной жалобы. Если ранее частный заявитель мог обращаться в Конституционный Суд в связи с конкретным делом и лишь при наличии вынесенного по данному вопросу окончательного акта суда, а также при условии исчерпания всех средств судебной защиты оспаривать конституционность примененного к нему этим актом закона, то теперь заявители этой категории получили возможность обращаться в связи с конституционностью не только примененного к ним закона, но и любого нормативного правового

¹⁸ Петросян А. Судебная активность Конституционного Суда Республики Армения в контексте конституционных реформ // Конституционное правосудие: вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2016. № 4 (74).

акта, если считают, что тот ущемляет их основные (т.е. закрепленные во главе II Конституции) права и свободы. При этом учитывается и правоприменительное толкование оспариваемой нормы. Тем самым впервые на конституционном уровне проверка конституционности правоприменительной практики признана задачей конституционного нормоконтроля.

Логическим завершением конституционной реформы, изменившей форму республиканского правления с президентской на парламентскую, стало принятие в 2018 г. нового Закона «О Конституционном Суде Республики Армения».

Новеллы прежде всего усилили роль Конституционного Суда РА в системе сдержек и противовесов. В частности, его компетенция стала включать приостановление полномочий депутатов (ранее это являлось исключительной прерогативой парламента); рассмотрение вопроса о запрете на деятельность политических партий.

Важнейшим направлением конституционного правосудия теперь, наряду с нормоконтролем, становится разрешение споров между конституционными органами, возникающих в связи с их конституционными полномочиями, при условии, что решение подобного спора не подлежит юрисдикции других органов и что вопрос не подлежит разрешению в рамках осуществления иных полномочий Конституционного Суда РА (статья 168 Конституции РА). По данному основанию в Конституционный Суд РА вправе обращаться одна пятая от общего числа депутатов — по спорам, возникающим относительно конституционных полномочий последних Национального Собрания; президент республики, правительство, Высший судебный совет и органы местного самоуправления — по спорам, возникающим в связи с их конституционными полномочиями. К разновидностям компетенционных споров следует отнести и полномочие президента парламентской республики оспаривать в Конституционном Суде РА кадровые решения правительства или парламента о назначении высших чиновников (министров, послов, а также судей и начальника Генштаба) при отказе подписать соответствующие решения.

В новом законе расширяются прерогативы Конституционного Суда относительно привлечения к дисциплинарной ответственности его судей. По указанному вопросу вправе обращаться не менее трех судей Конституционного Суда РА. Основанием для привлечения к дисциплинарной ответственности является нарушение правил поведения судьи Конституционного Суда РА, которые также

изложены в законе. Помимо того, отныне окончательное разрешение вопроса о прекращении полномочий судьи Конституционного Суда РА предоставлено самому Конституционному Суду РА.

Что касается новаций в области собственно нормоконтроля, то произошло серьезное расширение сферы предварительного контроля. Во-первых, на Конституционный Суд РА возложено определение соответствия Конституции законопроекта, вносящего в нее изменения, а также выносимых на референдум проектов правовых актов (на соответствие «неизменяемым статьям»; по конституционно предусмотренному порядку принятия поправок).

Во-вторых, это превентивный нормоконтроль на основании обращения главы государства. Закон закрепляет механизм выполнения положения Конституции РА, по которому Президент РА подписывает и обнародует в 21-дневный срок закон, принятый Национальным Собранием РА, или в тот же срок обращается в Конституционный Суд РА по вопросу определения соответствия закона Конституции РА. Если Конституционный Суд РА постановляет, что закон соответствует Конституции, то президент республики в пятидневный срок подписывает и обнародует закон. Если глава государства не выполняет этого требования, то глава парламента в пятидневный срок подписывает и обнародует закон (статья 129). Таким образом, с учетом компетенционных споров, полномочия главы государства в качестве гаранта Конституции РА осуществляются, начиная с 2018 г., преимущественно посредством обращения в Конституционный Суд РА. Тем самым создаются предпосылки для непрерывного процесса обеспечения конституционной законности — конституционного мониторинга, являющегося качественно новым этапом конституционного контроля.

Несмотря на то что непосредственных полномочий по контролю судебных актов Конституционный Суд РА не получил, нельзя не согласиться с тем, что действующая модель конституционного нормоконтроля придает «актуальность тем аспектам функциональных взаимоотношений Конституционного Суда РА и общих судов, которые связаны с восприятием и реализацией компетенции обращения общих судов в Конституционный Суд РА, а также с восприятием и реализацией общими судами правовых последствий постановлений Конституционного Суда»¹⁹. Суды могут обращаться в Консти-

¹⁹ Петросян А. Современные проблемы функциональных взаимоотношений Конституционного Суда и общих судов Республики Армения // Конституционное правосудие: вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2015. № 4 (70).

туционный Суд по вопросам конституционности положений нормативных актов, касающихся конкретного дела, находящегося в их производстве. При подобном обращении суды, во-первых, должны обосновать свою позицию относительно возможного противоречия Конституции соответствующего нормоположения и, во-вторых, обосновать невозможность разрешения данного дела без применения этого нормоположения. При наличии этих двух оснований суд обязан приостановить разбирательство по делу и обратиться в Конституционный Суд РА.

В случае признания противоречащим Конституции РА положения закона, примененного в отношении заявителя, а также, начиная с 2011 г., в тех ситуациях, когда Конституционный Суд РА, признав в резолютивной части постановления рассматриваемую норму соответствующей Конституции и одновременно установив, что она применена в отношении заявителя в ином толковании, раскрывает тем самым конституционно-правовое содержание нормы, вынесенный в отношении заявителя судебный акт подлежит пересмотру на основании нового обстоятельства в установленном законом порядке. Пересмотр распространяется также на тех лиц, которые на день оглашения соответствующего постановления Конституционного Суда РА имели право на обращение к нему по тому же вопросу.

Однако «пересмотр судебного акта на основании постановления Конституционного Суда РА как нового обстоятельства в армянской действительности пока еще имеет проблемы с внедрением в практику; зафиксированы случаи, когда дело пересматривается, а судебный акт переизлагается в том же виде, но без упоминания той статьи, в отношении которой Конституционный Суд РА вынес соответствующее постановление»²⁰. Откликаясь на случаи, когда при пересмотре дела, осуществляемом после вынесения Конституционным Судом РА решения, судебный акт воспроизводился почти без изменений (при отсутствии ссылок на норму, относительно которой высказался Конституционный Суд), что создавало тупиковые ситуации в деле обеспечения верховенства Конституции РА, Конституционный Суд признал противоречащими Конституции отдельные положения Уголовно-процессуального и Гражданского процессуального кодексов РА о пересмотре судебных актов на основании новых обстоятельств

²⁰ Петросян А. Некоторые аспекты защиты конституционных прав человека в практике конституционного правосудия Республики Армения // Конституционное правосудие: вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2014. № 4 (66).

(постановления от 25 февраля 2011 г., от 15 июля 2011 г.). Было признано неконституционным именно толкование этих норм в право-применительной практике. Допуская применение положений закона, отличное от правовых позиций Конституционного Суда РА, оно не препятствовало восстановлению нарушенных прав лица посредством пересмотра дела на основании новых обстоятельств. То есть неконституционная ситуация возникает не в результате пробела в законе или неопределенности его положения, а в результате применения данного положения в судебной практике в толковании, противоречащем Конституции РА²¹.

Таким образом, в целях обеспечения эффективного восстановления нарушенных конституционных прав при наличии нового обстоятельства (юридически установленный факт применения признанного неконституционным нормативного положения) должно быть возбуждено производство по пересмотру судебного акта, при этом инициирование процесса такого пересмотра является обязанностью суда, тогда как объем пересмотра обусловлен предметом регулирования.

На основе этих правовых позиций были внесены соответствующие изменения в Закон о Конституционном Суде, а также в Уголовно-процессуальный и Гражданский процессуальный кодексы РА. В частности, в Закон о Конституционном Суде были добавлены положения о том, что «Конституционный Суд может принять одно из следующих постановлений: о признании оспариваемого акта или его оспариваемого положения соответствующим Конституции; о признании оспариваемого акта или его оспариваемого положения соответствующим Конституции в конституционно-правовом содержании, раскрытом постановлением Конституционного Суда; о признании оспариваемого акта полностью или частично противоречащим Конституции и недействительным», а также о том, что «в случае признания недействительным и противоречащим Конституции РА положения закона, примененного в отношении заявителя, а также в том случае, когда Конституционный Суд РА, раскрыв в резолютивной части постановления конституционно-правовое содержание положения закона, признал его соответствующим Конституции и одновременно нашел, что это положение применено в отношении

²¹ Петросян А. Современные проблемы функциональных взаимоотношений Конституционного Суда и общих судов Республики Армения // Конституционное правосудие: вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2015. № 4 (70).

него в ином толковании, вынесенный в отношении заявителя окончательный судебный акт подлежит пересмотру на основании вновь открывшегося обстоятельства в установленном законом порядке» (статья 69, часть 12).

Оценивая конституционность нормативных актов, Конституционный Суд РА, наряду с другими обстоятельствами, должен учитывать необходимость свободного осуществления закрепленных Конституцией прав и свобод человека, основания их дозволенных ограничений, предусмотренный Конституцией РА принцип разделения властей, а также пределы полномочий государственных органов и должностных лиц, необходимость обеспечения непосредственного действия Конституции.

Рассматривая соотношение правомочий законодательного органа и органа конституционного правосудия в аспекте *преодоления пробелов в праве* и в контексте принципа разделения властей, Конституционный Суд РА отметил, что «в любом случае, когда пробел в праве обусловлен отсутствием нормативного предписания, связанного с конкретными обстоятельствами, лежащими в сфере правового регулирования, нормативное правовое решение подобного пробела находится в рамках компетенции законодательного органа». Конституционный Суд РА должен рассматривать конституционность того или иного пробела в законе, если обусловленная содержанием оспариваемой нормы правовая неопределенность в правоприменительной практике ведет к такому толкованию и применению данной нормы, которое нарушает или может нарушить конкретное конституционное право. При этом законодательный пробел может быть рассмотрен только в тех случаях, когда в законодательстве нет других правовых гарантий для устранения этого пробела, когда при наличии соответствующих правовых гарантий в законодательстве сформирована противоречивая правоприменительная практика, а также если существующий законодательный пробел не обеспечивает возможности реализации того или иного права. Во всех остальных случаях вопрос о конституционности пробела в правовом регулировании не подлежит рассмотрению в рамках конституционного нормоконтроля (постановление от 14 сентября 2010 г.)²².

В целях преодоления законодательного пробела Конституционный Суд РА использует следующие методы: устранение пробела

²² См. постановления Конституционного Суда РА от 5 февраля 2010 г. и 14 сентября 2010 г.

посредством конституционно-правового истолкования оспариваемой нормы, выявления ее должного конституционно-правового содержания; указание в решении Конституционного Суда РА на необходимость прямого применения Конституции РА до внесения законодателем соответствующих изменений и дополнений в закон; формулирование Конституционным Судом по итогам рассмотрения дела определенных рекомендаций законодателю. В последнем случае содержание рекомендаций бывает разным. Если Конституционный Суд РА признает оспариваемые нормы неконституционными, то такие рекомендации касаются необходимости внесения соответствующих изменений в законодательство с обязательным учетом правовых позиций, выраженных в решении Конституционного Суда и обеспечивающих верховенство Конституции. Если Конституционный Суд РА признает оспариваемые нормы конституционными, то рекомендации законодателю могут быть даны, если Конституционный Суд приходит к выводу о недостаточности существующей регламентации правоотношений для оптимальной реализации конституционных прав и свобод граждан, о возможном выборе законодателем иного подхода к регламентации общественных отношений в процессе дальнейшего совершенствования правового регулирования²³.

Что касается исполнения решений Конституционного Суда РА, то ответственным органом — Министерством юстиции — после тщательного изучения соответствующего решения подготавливается проект необходимой законодательной инициативы для представления в Правительство РА. В Национальное Собрание РА в целях исполнения решений Конституционного Суда РА ежегодно вносятся десятки законодательных инициатив, при необходимости также созываются внеочередные заседания парламента. «Как правило, Национальное Собрание по возможности быстро, в ряде случаев в указанные Конституционным Судом РА сроки, откликается и в соответствии с правовыми позициями Конституционного Суда РА вносит необходимые законодательные изменения. Однако имеются отдельные случаи, когда Национальное Собрание не предприняло действенных шагов по осуществлению правовых позиций Конституционного Суда РА либо,

²³ Тохян Ф. Роль Конституционного суда в деле преодоления законодательных пробелов и правовой неопределенности: Опыт Конституционного Суда Республики Армения // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2016: международ. альманах. Ереван: Центр конституционного права Республики Армения, 2016.

приняв новый закон, по существу заново утвердило свою предыдущую правовую позицию, относительно конституционности которой Конституционный Суд РА дал свою отрицательную оценку. В сообщениях о ситуации, связанной с исполнением постановлений, принятых в 2006–2008 гг., Конституционный Суд указывал, что государственные органы и должностные лица в недостаточной степени учитывают выраженные в его постановлениях правовые позиции (в том числе указанные в мотивированной части), которые являются источником конституционного права, а по своему содержанию — официальным толкованием конституционных положений»²⁴. Кроме того, по обоснованному мнению Г. Арутюняна, на протяжении многих лет возглавлявшего Конституционный Суд РА, своевременность действий парламентариев по исполнению решений, вынесенных органом конституционного правосудия, должна быть законодательно обеспечена (тогда как на данный момент должное реагирование достигается сугубо организационными усилиями руководства парламента). Лишь в этом случае будут созданы стабильные гарантии исполнения постановлений Конституционного Суда РА и обеспечения верховенства Конституции РА²⁵.

Начало конституционному нормоконтролю в Республике Беларусь (далее также — РБ) было положено принятием Закона «О порядке вступления в силу Конституции Республики Беларусь», где устанавливалось «в целях обеспечения безусловного исполнения принятой Конституции Республики Беларусь создать **Конституционный Суд Республики Беларусь** в месячный срок со дня вступления в силу Конституции» (1994 г.).

В соответствии со статьей 116 Конституции РБ основная функция Конституционного Суда заключается в осуществлении контроля за конституционностью нормативных актов.

Президентом Республики Беларусь назначаются шесть судей по квоте, установленной Основным законом. Советом Республики Национального собрания избираются шесть судей. Для избрания

²⁴ Тохян Ф. Практика Конституционного Суда Республики Армения в деле обеспечения контроля конституционности законодательной политики Национального Собрания Республики Армения // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2009: международ. альманах. Ереван: Центр Конституционного права Республики Армения, 2009.

²⁵ Арутюнян Г. Гарантии исполнения постановлений Конституционного Суда // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2012: международ. альманах. Ереван: Центр конституционного права Республики Армения, 2012.

судей Конституционного Суда Советом Республики кандидатуры предлагаются Председателем Конституционного Суда. Судьей Конституционного Суда может быть назначен или избран гражданин Республики Беларусь, владеющий белорусским и русским языками, имеющий высшее юридическое образование, являющийся высококвалифицированным специалистом в области права, имеющий, как правило, ученую степень и обладающий высокими моральными качествами. Предельный возраст пребывания в должности судьи Конституционного Суда — 70 лет. Судьи Конституционного Суда назначаются либо избираются на 11 лет и могут быть назначены или избраны на новый срок.

Конституционный Суд по предложению Президента, Палаты представителей, Совета Республики Национального собрания, Верховного Суда, Высшего Хозяйственного Суда, Совета Министров дает заключения:

- о соответствии законов, декретов и указов Президента Республики Беларусь, международных договорных и иных обязательств РБ Конституции и международно-правовым актам, ратифицированным РБ;
- о соответствии актов межгосударственных образований, в которые входит Республика Беларусь, указов Президента Республики Беларусь, изданных во исполнение законов, Конституции, международно-правовым актам, ратифицированным РБ, законам и декретам Президента;
- о соответствии постановлений Совета Министров, актов Верховного Суда, Высшего Хозяйственного Суда, Генерального прокурора Конституции, международно-правовым актам, ратифицированным Республикой Беларусь, законам, декретам и указам Президента республики;
- о соответствии актов любого другого государственного органа Конституции, международно-правовым актам, ратифицированным РБ, законам, декретам и указам Президента Республики Беларусь.

Таким образом, Конституционный Суд дает заключение о конституционности всех видов нормативных правовых актов в порядке последующего конституционного контроля в случае, если предложение о проверке акта внесено одним из вышеуказанных субъектов.

В силу положений статьи 116 Конституции РБ регламенты обеих палат парламента и Совета Министров, являющиеся нормативными правовыми актами, могут быть предметом конституционного

нормоконтроля. Однако обязательность проверки конституционности регламентов парламента и Правительства в законодательстве не установлена. Такая проверка может быть осуществлена Конституционным Судом по инициативе уполномоченных органов²⁶.

В соответствии с Декретом Президента Республики Беларусь от 26 июня 2008 г. «О некоторых мерах по совершенствованию деятельности Конституционного Суда Республики Беларусь» были существенно расширены полномочия Конституционного Суда. Наряду с последующим контролем, на него был возложен обязательный предварительный контроль конституционности законов, принятых парламентом, до подписания их Президентом. Кроме того, было нормативно закреплено право Конституционного Суда вносить в соответствующие государственные органы предложения об устранении пробелов в актах законодательства, исключении коллизий и правовой неопределенности, Конституционный Суд вправе также вносить предложения по совершенствованию актов законодательства, тем самым оказывая влияние на законотворческий процесс. В частности, ежегодно направляются в Национальный центр законодательства и правовых исследований законопроектные предложения для включения их в планы подготовки законопроектов, которые учитываются при формировании указанных планов.

Обязательный предварительный контроль нацелен на упреждение нарушений конституционности в нормативном регулировании. Выявление конституционно-правового смысла соответствующих нормоположений на стадии законопроектирования уменьшает риски обнаружения в дальнейшем дефектов конституционности, в том числе правоприменимого происхождения. В частности, могут иметь место ситуации, когда законопроект не противоречит Конституции, однако содержащимся в нем подходам к регулированию тех или иных правоотношений присущи определенные недостатки, устранимые с учетом правовых позиций Конституционного Суда. При проверке в порядке обязательного предварительного контроля

²⁶ Доклад Конституционного Суда Республики Беларусь к XV Конгрессу Конференции европейских конституционных судов «Конституционное правосудие: функции и взаимодействие с другими органами государственной власти». Например, согласно заключению Конституционного Суда РБ от 11 октября 1995 г. «О соответствии Конституции Республики Беларусь статьи 7 Закона «О Верховном Совете Республики Беларусь», статьи 10, части четвертой статьи 63 «Временного регламента Верховного Совета Республики Беларусь» в части правомочности Верховного Совета в зависимости от числа депутатов проверенные положения закона, регулирующего деятельность указанного представительного органа власти, а также его Временного регламента, признаны соответствующими Конституции.

используются такие *критерии конституционности*, как соответствие проектов нормам и принципам Конституции, общепризнанным принципам международного права; соразмерность устанавливаемых в них ограничений прав и свобод граждан иным ценностям и целям, защищаемым Конституцией, и соблюдение пределов таких ограничений; правовая определенность, которая предполагает ясность, точность, непротиворечивость, логическую согласованность норм законов, возможность в последующем их единообразного применения на практике.

В 2014 г. были определены последствия принятия решений о неконституционности закона в порядке предварительного контроля. В частности, решение Конституционного Суда о несоответствии закона, принятого парламентом, Конституции РБ, международно-правовым актам, ратифицированным республикой, вынесенное в порядке обязательного предварительного контроля, может являться основанием для возврата Президентом РБ закона с возражениями либо подписания закона Президентом с возражениями на его отдельные положения (часть 9 статьи 85 Закона РБ «О конституционном судопроизводстве»).

В случаях, предусмотренных Конституцией, Конституционный Суд по предложению Президента дает заключение о наличии фактов систематического или грубого нарушения Конституции палатами Национального собрания. По предложению Президиума Совета Республики Конституционный Суд принимает также решения о наличии фактов систематического или грубого нарушения местным Советом депутатов требований законодательства.

По предложению Президента Конституционный Суд дает официальное толкование декретов и указов главы государства, касающихся конституционных прав, свобод и обязанностей граждан.

Одной из форм взаимодействия Конституционного Суда с Президентом и законодательной властью являются ежегодные послания о состоянии конституционной законности в государстве, которые Суд принимает, основываясь на изученных и рассмотренных материалах. Ежегодные послания способствуют оптимизации правового регулирования.

С целью устранения пробелов и коллизий в законодательстве, обеспечения оптимального правового регулирования, установления единообразной правоприменительной практики Конституционный Суд вправе обращаться к Президенту, в палаты парламента,

к Правительству и другим государственным органам в соответствии с их компетенцией с предложениями о необходимости внесения в акты законодательства изменений и (или) дополнений, принятия новых нормативных правовых актов.

Конституционный Суд не наделен специальными полномочиями по разрешению споров о компетенции органов с конституционно-правовым статусом. Вопросы разграничения компетенции между государственными органами Суд рассматривает в рамках проверки конституционности нормативного правового акта.

В законе о Конституционном Суде и Регламенте Конституционного Суда содержится перечень видов его решений. Центральное место занимают заключения Конституционного Суда, в форме которых решается вопрос о конституционности нормативных актов, о толковании ранее принятых заключений, об их пересмотре. О начале производства по делу Конституционным Судом принимается решение. Послание Конституционного Суда о состоянии конституционной законности принимается также путем решения. Особым видом решений являются запросы и требования к государственным органам, должностным лицам, которые принимаются и направляются Конституционным Судом для обеспечения ведения дела и разрешения иных вопросов, входящих в его компетенцию, а судьей Конституционного Суда — при подготовке конкретного дела. Все иные действия Конституционного Суда, например, о вызове свидетелей, внесении предложения о необходимости корректировки актов действующего законодательства, принятии новых нормативных актов, о наложении штрафов на должностных лиц и граждан, проявивших неуважение к Конституционному Суду, и другие, облекаются в форму решения²⁷.

Проверяя конституционность оспариваемого нормативного акта, Конституционный Суд устанавливает соответствие этого акта Конституции, международно-правовым актам, ратифицированным РБ, законам, декретам и указам Президента РБ: по содержанию норм, по форме нормативного акта, с точки зрения разграничения компетенции между государственными органами, по порядку принятия, подписания, опубликования и введения в действие.

Конституционный Суд в последние годы стал шире практиковать принятие решений рекомендательного характера на основании

²⁷ Василевич Г. А. Решения Конституционного Суда — важнейший источник права // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. 1999. № 3.

статьи 40 Конституции при обращении к нему граждан, общественных объединений, органов государственной власти по вопросам, имеющим общественно значимый характер, которые не удалось разрешить иным властным структурам.

При проверке акта Конституционный Суд рассматривает как буквальный его смысл, так и смысл, придаваемый ему практикой применения. Таким образом, Конституционный Суд наделен правом проверять конституционность правоприменительной практики, в том числе проверять на соответствие Конституции акты Верховного Суда и Высшего Хозяйственного Суда. Причем если ранее Конституция Республики Беларусь признавала возможность проверки актов Верховного Суда, Высшего Хозяйственного Суда, имеющих нормативный характер, то сейчас отсутствует указание на такой признак, как их нормативность.

Принятие решений об устранении в нормативных правовых актах пробелов, исключении в них коллизий и правовой неопределенности как элемент компетенции Конституционного Суда впервые закреплено Законом от 4 января 2014 г., предусматривающим внесение изменений и дополнений в Кодекс РБ о судоустройстве и статусе судей. Законом от 8 января 2014 г. «О конституционном судопроизводстве» определены основания и порядок принятия указанных решений (глава 24). До 2014 г. соответствующие полномочия Конституционного Суда прямо не были закреплены в законодательстве. Тем не менее его деятельность в данном направлении обусловливала совокупность иных полномочий по осуществлению конституционного контроля. Конституционный Суд выражал в принимаемых им заключениях и решениях по вопросам конституционности нормативных правовых актов правовые позиции, направленные на устранение конституционно-правовых пробелов. На основании правомочий, предусмотренных частью 8 статьи 22 Кодекса РБ о судоустройстве и статусе судей (в действовавшей на тот период редакции), Конституционный Суд также вносил в государственные органы предложения о необходимости внесения в акты законодательства соответствующих изменений и (или) дополнений, направленных на устранение пробелов в законодательстве²⁸.

²⁸ Карпович Н. А. Влияние конституционного контроля на устранение конституционно-правовых пробелов // Развитие форм конституционного контроля в современных условиях. Минск, 2016.

Начиная с 2008 г. Конституционный Суд по предложению Президиума Совета Республики Национального собрания РБ принимает решение о наличии фактов систематического или грубого нарушения местным Советом депутатов требований законодательства. При рассмотрении таких предложений он проверяет сведения о фактах систематического или грубого нарушения местным Советом депутатов требований законодательства, исследует доказательства, свидетельствующие о наличии либо об отсутствии этих фактов, и дает им оценку. При этом Конституционный Суд вправе рассматривать только факты, указанные Президиумом Совета Республики Национального собрания РБ в его предложении²⁹.

В статье 7 Конституции РБ закреплено, что правовые акты или их отдельные положения, признанные в установленном законом порядке противоречащими положениям Конституции, не имеют юридической силы. Признание нормативного правового акта или его отдельных положений не соответствующими Конституции или нормативным правовым актам, обладающим более высокой по отношению к ним юридической силой, является основанием для его отмены в установленном порядке, а также отмены иных нормативных правовых актов, основанных на нем. Положения таких нормативных правовых актов не могут применяться судами, иными организациями и должностными лицами.

Процедура рассмотрения дел о конституционности нормативного правового акта, в том числе о признании его неконституционным на основании того, что издание такого акта не входило в компетенцию издавшего органа, осуществляется по общим правилам конституционного судопроизводства в порядке последующего либо обязательного предварительного контроля. В Законе «О Конституционном Суде Республики Беларусь» для осуществления последующего конституционного контроля предусмотрена устная форма конституционного судопроизводства. Участниками судебного заседания являются стороны, представители сторон, свидетели, эксперты, специалисты, переводчики.

Для осуществления обязательного предварительного контроля на законодательном уровне установлена письменная форма конституционного судопроизводства. Посредством такой формы дело

²⁹ Василевич Г. А. Конституционность (законность) актов органов местного управления и самоуправления в Республике Беларусь // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 4.

рассматривается без приглашения и заслушивания в судебном заседании представителей сторон, экспертов, специалистов и свидетелей.

Заключения и решения Конституционного Суда РБ, за исключением запросов, представлений и решений процедурного характера, вступают в силу со дня их принятия, если в этих актах не установлен иной срок. Вместе с тем есть решения, которыми акт признавался не имеющим юридической силы со дня возбуждения производства в Конституционном Суде. Это объяснялось тем, что неконституционность акта была достаточно очевидной, а о возбуждении производства по наиболее важным делам сообщалось в печати. Таким образом, обеспечивается предписываемое Конституцией ее верховенство и непосредственное действие (статья 137).

В некоторых решениях Конституционный Суд устанавливает срок для исполнения своих решений. Так, в заключении от 24 сентября 1998 г. по делу о видах выплат, на которые не начисляются взносы по государственному социальному страхованию, предметом проверки был межведомственный акт Министерства социальной защиты и Министерства труда. Конституционный Суд определил дату (1 января 1999 г.), с наступлением которой нормы, признанные неконституционными, не подлежат применению. Парламент до 31 декабря 1998 г. был обязан привести законодательство о государственном социальном страховании в соответствие с заключением Конституционного Суда.

Решения Конституционного Суда касаются всех аналогичных случаев судебной практики. Они не подлежат обжалованию, действуют непосредственно, не требуют какого-либо подтверждения со стороны каких-либо органов или должностных лиц.

Решение Конституционного Суда может быть пересмотрено им самим только в строго определенных законом случаях: если изменилась конституционная норма, на основании которой принято решение; если открылись новые обстоятельства, которые могут существенно повлиять на его сущность.

Обязательность исполнения решений Конституционного Суда всеми государственными органами, в том числе парламентом и Правительством, основывается на положениях статьи 137 Конституции, закрепляющих, что Конституция обладает высшей юридической силой. Законы, декреты, указы и иные акты государственных органов издаются на основе Конституции и в соответствии с ней. В случае расхождения закона, декрета или указа с Конституцией действует

Конституция. Вместе с тем сроки для внесения изменений в нормативные правовые акты, признанные Конституционным Судом в целом или в определенной их части не соответствующими Конституции, как и специальная процедура для внесения таких изменений и дополнений, в законодательстве не определены.

В Республике Беларусь не предусмотрено непосредственное обращение субъектов, не указанных прямо в законе, в Конституционный Суд с предложением рассмотреть соответствие Конституции нормативных актов, ограничивающих их конституционные права. Конституционный Суд не правомочен также рассматривать фактические элементы конкретных споров, что относится к ведению судов общей и специальной компетенции. Однако согласно части 4 статьи 122 Конституции РБ граждане вправе обжаловать в судебном порядке решения местных Советов депутатов, исполнительных и распорядительных органов, ограничивающие или нарушающие права, свободы и законные интересы граждан. Если идет речь о нормативных правовых актах указанных органов, то в силу части 1 статьи 116 Конституции разрешение такой жалобы — прерогатива Конституционного Суда³⁰.

Кроме того, в Конституционный Суд поступает большое количество обращений граждан, их объединений, юридических лиц, которые рассматриваются в соответствии с положениями статьи 40 Конституции и Закона «Об обращениях граждан». Во многих из таких обращений затрагиваются вопросы недостатков текущего законодательства и даже его противоречия Конституции. В случаях обоснованности такого рода обращений Конституционный Суд, исходя из содержания статьи 7 Закона «О Конституционном Суде Республики Беларусь», принимает решения, посредством которых официально обращается к Президенту, палатам парламента, Совету Министров Республики Беларусь, а также другим государственным органам в соответствии с их компетенцией с предложениями о необходимости внесения в акты действующего законодательства изменений и дополнений, принятия новых нормативных актов.

Законом «О конституционном судопроизводстве» предусмотрена возможность внесения уполномоченными органами

³⁰ Василевич Г. А. Реализация решений Конституционного Суда Республики Беларусь — важное условие формирования современной правовой системы // Актуальные проблемы развития судебной системы и системы добровольного и принудительного исполнения решений Конституционного Суда РФ, судов общей юрисдикции, арбитражных, третейских судов и Европейского Суда по правам человека. Краснодар: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008.

в Конституционный Суд предложений, основанных на инициативных обращениях государственных органов, не являющихся уполномоченными органами, иных организаций, а также граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей. Субъектами внесения в Конституционный Суд предложений о проверке конституционности нормативных правовых актов являются Президент, Палата представителей и Совет Республики Национального собрания, Верховный Суд и Совет Министров. Так как граждане не наделены правом непосредственного обращения в Конституционный Суд с целью проверки конституционности нормативных правовых актов, они вправе направить инициативное обращение уполномоченным органам для внесения в Конституционный Суд предложения о проверке конституционности нормативного правового акта. Законом «О конституционном судопроизводстве» установлен порядок подачи и рассмотрения инициативных обращений. По результатам рассмотрения инициативного обращения уполномоченный орган принимает решение о внесении соответствующего предложения в Конституционный Суд либо об отказе в его внесении. О принятом решении информируются государственные органы, иные организации или граждане, в том числе индивидуальные предприниматели, направившие инициативное обращение.

В целом «механизм косвенного доступа граждан к конституционному правосудию предусматривает, таким образом, достаточно жесткие внесудебные “фильтры”, позволяющие из общего количества обращений выявлять жалобы, содержащие предмет конституционного контроля. Вместе с тем Конституционный Суд постоянно указывает на недопустимость подмены органом, уполномоченным на обращение в Конституционный Суд, функций органа конституционного контроля. Такая подмена имеет место в случаях, когда в рамках косвенного доступа к конституционному судопроизводству уже на этапе предварительной “фильтрации” инициативных обращений уполномоченный орган решает несвойственные ему задачи — анализирует нормативный правовой акт на предмет его соответствия Конституции, тогда как он должен только убедиться, что предмет проверки находится в компетенции Конституционного Суда, имеются обоснованные сомнения в его конституционности»³¹.

³¹ Карпович Н. А., Каравай А. В. Конституционный Суд Республики Беларусь на защите прав и свобод граждан // Конституционное правосудие: вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2015. № 4 (70).

По каждому делу, принятому к производству в Конституционном Суде, специалисты Секретариата до рассмотрения дела в заседании Конституционного Суда излагают свою позицию в аналитической записке, передаваемой судье-докладчику по конкретному делу. Предварительно судья-докладчик письменно формулирует вопросы для их изучения экспертами Секретариата Конституционного Суда. Поручение судьи-докладчика направляется Начальнику Секретариата Конституционного Суда. Параллельно могут быть сделаны запросы специалистам соответствующего профиля учреждений науки, специализированных государственных органов, заинтересованных организаций. Перечень организаций, куда направляются запросы, определяет судья-докладчик либо Председатель Конституционного Суда. Функция специалистов Секретариата Конституционного Суда в данном случае заключается в сопровождении запросов респондентам и контроле своевременного поступления ответов на запросы. Судья-докладчик может поставить задачу перед экспертами Секретариата по обобщению позиций различных ведомств и научных учреждений с представлением сравнительного анализа либо систематизированной таблицы.

Юристы-эксперты, обеспечивающие работу Конституционного Суда и занятые составлением и обработкой материалов для подготовки проектов решений Конституционного Суда, сосредоточены в экспертно-правовом управлении Секретариата Конституционного Суда. Кроме того, у каждого судьи имеется один помощник, обеспечивающий всю оперативную работу судьи. Помощники судей также являются юристами, но их функции лишь косвенно связаны с подготовкой проектов решений Конституционного Суда.

По заданию судьи-докладчика эксперты Секретариата формируют «базовую правовую позицию» по конкретному делу. Последовательность (алгоритм) работы специалистов складывается из следующих действий:

- 1) подбор нормативных правовых актов, прямо или косвенно относящихся к предмету рассмотрения. Это касается как нормативных правовых актов внутреннего права, так и международных договоров, ратифицированных Республикой Беларусь;

- 2) анализ содержания Конвенции о защите прав человека и основных свобод, поиск и приобщение к делу решений Европейского Суда по правам человека по аналогичному вопросу. Этот пункт выделен в связи с тем, что Конвенция о защите прав человека

и основных свобод не может быть применена Конституционным Судом Республики Беларусь непосредственно. Однако специалисты Секретариата всегда ориентируются на нормы Конвенции о защите прав человека и основных свобод и опираются в своих выводах на правовые позиции Европейского Суда по правам человека;

3) уяснение содержания правовых норм, сопоставление их между собой, сравнение как с точки зрения применимости в данном конкретном случае, так и с точки зрения их иерархии;

4) выстраивание логической цепи конституционных принципов и европейских правовых стандартов, относящихся к рассматриваемой правовой коллизии;

5) структурирование и изложение юридических оснований для рассмотрения правовой проблемы и принятия решения;

6) формулирование предложений по «базовой правовой позиции». На данной стадии работы эксперт Секретариата самостоятелен, и его работа может корректироваться только по его просьбе. К этому надо еще добавить, что в зависимости от сложности вопроса начальник Секретариата может сформировать группу специалистов, которая представляет по завершении своей работы один документ;

7) представление подготовленного документа. Такой документ достаточно гибок по форме. Нередко это аналитическая записка с выводами и предложениями, в отдельных случаях — проект решения Конституционного Суда. Не всегда предварительная работа специалистов Секретариата в описанном варианте заканчивается представлением проекта решения Конституционного Суда.

Приняв к рассмотрению представленный проект, Конституционный Суд в процессе обсуждения может изменить концепцию решения, применить иную аргументацию и т.п. Но, начиная с этого этапа, специалисты Секретариата, привлекаемые в дальнейшем к доработке проекта решения, уже должны полностью выполнять задания и руководствоваться позицией судей Конституционного Суда.

В случае если замечания или предложения эксперта не учтены, он может составить экспертное заключение, которое представляется на рассмотрение Председателя Конституционного Суда, имеющего право высказать по нему свое мнение с последующей передачей судье-докладчику для обсуждения на совещании судей³².

³² См.: Жишкевич В. И. Выступление на III Конференции генеральных секретарей конституционных судов. Венецианская комиссия. 2005.

Таким образом, анализ текущего состояния конституционного нормоконтроля в Республике Беларусь побуждает во многом соглашаться с мнением Г. А. Василевича, на протяжении многих лет стоявшего во главе Конституционного Суда РБ, о том, что «при точном, как того требует Конституция, функционировании системы как предварительного, так и последующего судебного конституционного контроля снимается проблема введения института конституционной жалобы или, по крайней мере, уменьшается ее острота. Все споры с участием граждан, юридических лиц могут разрешаться в судах общей юрисдикции, в том числе экономических, где можно ходатайствовать о проверке конституционности подлежащего применению в деле нормативного правового акта. Конституционный Суд во второй половине 1990-х — начале 2000-х годов снял практически все ранее существовавшие ограничения на обращения в суд»³³.

Первоначально конституционный нормоконтроль осуществлялся в *Республике Казахстан* (далее также — РК) посредством конституционного судопроизводства. 5 июня 1992 г. вместе с Законом «О Конституционном Суде Республики Казахстан» был принят Закон РК «О конституционном судопроизводстве в Республике Казахстан», которым подробно регламентировалась процедура работы Конституционного Суда. На этот высший судебный орган было возложено рассмотрение дел о конституционности правоприменительной практики, затрагивающей конституционные права граждан с возможностью по собственной инициативе возбуждать судопроизводство по вопросам о соответствии Конституции законов и нормативных правовых актов, о конституционности правоприменительной практики, затрагивающей конституционные права.

Правом обращения также наделялись граждане — по вопросам, непосредственно затрагивающим их конституционные права, если они неподведомственны другим судам либо если другие суды не применили нормы конституционного права, подлежащие применению, или применили нормы Конституции РК, не подлежащие применению в данном конкретном случае, или неверно истолковали нормы конституционного права. Тем самым законом о конституционном судопроизводстве в Казахстане был учрежден институт индивидуальной (конституционной) жалобы. Правом обращения

³³ Василевич Г. А. Проблемы оптимизации конституционного контроля в Республике Беларусь // Конституционный контроль. Минск: Белорусский Дом печати, 2014.

в Конституционный Суд, наряду с государственными органами и должностными лицами, обладали республиканские органы общественных объединений по всем вопросам, указанным в законе. Статьей 101 Конституции Республики Казахстан 1993 г. было впервые установлено, что суды не вправе применять закон, противоречащий Конституции РК. Если суд усматривал, что закон или иной нормативный акт, подлежащий применению, противоречит Конституции РК, он был обязан приостановить производство по делу и обратиться в Конституционный Суд РК с представлением о признании этого закона неконституционным. Отметим, что данное положение было воспринято действующей Конституцией РК 1995 г. и обеспечивает защиту конституционных прав, объединяя усилия судебной власти и внесудебного конституционного нормоконтроля.

Впоследствии Конституционный Суд РК сменил более органичный политической системе республики Конституционный Совет РК. Как отмечает в связи с этим заместитель Председателя Конституционного Совета, явившийся также судьей Конституционного Суда РК, В. А. Малиновский, «в 1992–1995 годах действовал Конституционный Суд — идеальный судебный орган с максимально широкой и обязательной компетенцией, обширным кругом субъектов обращения, в том числе с обратной юридической силой решений. Однако его статус пришел в противоречие с объективными условиями того времени, состоянием конституционного регулирования, функциями и компетенцией судов и прокуратуры, над которыми и был поставлен конституционный контроль»³⁴.

Будучи предусмотрен Конституцией Республики Казахстан от 30 августа 1995 г., Конституционный Совет РК действует с 1996 г., являясь государственным органом, в задачу которого входит обеспечение верховенства Конституции на всей территории республики. Конституционный Совет РК выведен за пределы судебной системы и обеспечивает соответствие нормативного регулирования Основному закону посредством предварительного и последующего конституционного контроля. Таким образом, Казахстан стал единственным постсоветским государством, где конституционный контроль

³⁴ Малиновский В. Конституция Республики Казахстан: Оптимальный баланс общепризнанных и национальных ценностей // Роль Конституционного суда в реализации принципа разделения ветвей власти и защите прав человека: опыт Узбекистана и зарубежных стран. Ташкент: Baktra press, 2016.

осуществляется специально созданным независимым государственным органом, не входящим в систему судебной власти³⁵.

Тем не менее из всех органов публичной власти Конституционный Совет наиболее близок именно к судебным органам, осуществляющим конституционный нормоконтроль. В этом убеждают и тенденции его развития. «Конституционный Совет (в целом квазисудебный орган защиты Конституции) чаще всего преподносится как явление исключительное либо временное. Он не получил широкого распространения в мире. Однако есть основания для следующего утверждения: по набору функций и полномочий, юридической силе решений Конституционный Совет РК обладает основными характеристиками именно конституционных судов. Опыт деятельности Конституционного Суда РК и практика Конституционного Совета РК позволяют видеть, что данный орган в рамках действующей формы правления и на данном этапе политического транзита является для Республики Казахстан «оптимальным». Думается, по завершении реформирования правоохранительных и судебных органов Казахстан вернется к институту индивидуальной (конституционной) жалобы»³⁶.

Предметные полномочия Конституционного Совета РК определяются Основным законом страны и Конституционным законом «О Конституционном Совете Республики Казахстан».

В соответствии со статьей 72 Конституции РК и статьей 17 Конституционного закона «О Конституционном Совете Республики Казахстан» Конституционный Совет: решает в случае спора вопрос о правильности проведения выборов Президента, выборов депутатов Парламента, республиканского референдума; рассматривает на соответствие Конституции до подписания Президентом принятые Парламентом законы, принятые Парламентом и его палатами (Мажилисом и Сенатом) постановления, международные договоры республики до их ратификации; дает официальное толкование норм Конституции; до принятия Парламентом соответственно решения о досрочном освобождении от должности Президента республики, окончательного решения об отрешении от должности Президента

³⁵ Жайлганова А. Полномочия Конституционного Совета Республики Казахстан и конституционно допустимые пределы их расширения // Конституционное правосудие: вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2013. № 4 (62).

³⁶ Малиновский В. Индивидуальная (конституционная) жалоба в арсенале органа конституционного контроля Республики Казахстан // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2010: международ. альманах. Ереван: Центр Конституционного права Республики Армения, 2010.

республики дает заключение о соблюдении установленных конституционных процедур.

Конституционное производство по приведенным вопросам может быть возбуждено по обращениям Президента РК, председателей палат Парламента РК, не менее одной пятой части от общего числа депутатов Парламента РК, Премьер-министра РК.

Конституционный Совет рассматривает обращения судов в случаях, установленных статьей 78 Конституции РК.

Рассматривая до подписания Президентом принятые Парламентом законы и до ратификации международные договоры республики на соответствие их Конституции, Конституционный Совет РК осуществляет предварительный контроль, а также последующий контроль при проверке конституционности законов и иных нормативных правовых актов по обращениям судов республики.

Кроме того, по результатам обобщения практики конституционного производства Конституционный Совет РК ежегодно направляет Парламенту страны послание о состоянии конституционной законности в республике.

Осуществляя предварительный конституционный контроль, Конституционный Совет РК по обращению уполномоченных субъектов рассматривает законы, принятые Парламентом РК (до их подписания Президентом), и международные договоры республики (до их ратификации) на предмет соответствия Конституции. При этом Конституционный Совет РК обращает внимание не только на нормативное содержание закона, но и на формальные стороны законодательного процесса. Таким образом, основаниями определения конституционности правовых актов являются как материальные, так и процессуальные нормы Конституции РК.

Последующий конституционный контроль, осуществляемый Конституционным Советом РК, направлен на обеспечение конституционности действующего права и практики его применения. Возможность рассмотрения на соответствие Конституции РК уже обретшего юридическую силу и введенного в действие закона или иного правового акта имеет непреходящее значение, поскольку их изъяны и недочеты выявляются, как правило, на практике, в процессе реализации таких актов. По итогам рассмотрения поступивших за прошедшие годы в Конституционный Совет РК представлений судов признаны неконституционными нормы ряда законов и иных нормативных правовых актов, которые в последующем были

приведены в соответствие с правовыми позициями Конституционного Совета РК.

Еще одно важное полномочие Конституционного Совета РК — официальное толкование норм Конституции.

Для повышения эффективности исполнения нормативных постановлений Конституционного Совета, принимаемых по обращениям судов, был принят Закон РК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам реализации статьи 78 Конституции Республики Казахстан», нацеленный на урегулирование вопросов правовых последствий признания Конституционным Советом неконституционными законов или иных нормативных правовых актов по представлениям судов. Внесенные в Уголовно-процессуальный, Гражданский процессуальный кодексы РК и Кодекс об административных правонарушениях РК поправки предусматривают оптимизацию процедур пересмотра решений судов и других правоприменительных органов, основанных на нормативных правовых актах, ущемляющих конституционные права и свободы человека и гражданина.

Конституционным законом от 3 июля 2013 г. в процессуальные законы были внесены поправки, предусматривающие совершенствование порядка обращения судов в Конституционный Совет РК. В частности, случаи признания неконституционным закона, подлежащего применению по уголовному делу, отнесены к обстоятельствам, исключающим производство по уголовному делу; закреплена обязанность суда при наличии ходатайства стороны защиты приостановить производство по делу, если Конституционным Советом РК по инициативе другого суда принято к производству представление о признании этого закона неконституционным; установлена обязанность судов откладывать стадию постановления приговора в случаях, когда Конституционным Советом РК по инициативе другого суда проводится проверка конституционности закона, подлежащего применению по уголовному делу.

Согласно изменениям, внесенным в Конституцию РК в 2017 г., глава государства может обращаться в Конституционный Совет для проверки на соответствие Конституции действующих законов, а также иных правовых актов. В то же время исключено право Президента РК, предусмотренное пунктом 4 статьи 73 Конституции РК, касающееся внесения возражений на решения Конституционного

Совета РК³⁷. Поправки в статью 91 Конституции закрепляют обязательное наличие заключения Конституционного Совета РК по изменениям и дополнениям в Основной закон. Кроме того, по результатам конституционной реформы 2007 г. Конституционному Совету было предоставлено право рассматривать на соответствие Основному закону постановления Парламента РК и его палат.

Решения Конституционного Совета РК являются общеобязательными на всей территории республики, окончательными и обжалованию не подлежат. Они влекут за собой конкретные правовые последствия. Закон и международные договоры, признанные неконституционными, не могут быть подписаны либо ратифицированы и введены в действие. Законы и иные нормативные правовые акты, признанные ущемляющими конституционные права и свободы человека и гражданина, утрачивают юридическую силу и не подлежат применению. Выборы Президента РК и депутатов Парламента, республиканский референдум, признанные Конституционным Советом РК не соответствующими Конституции, объявляются недействительными. Нормативные постановления Конституционного Совета РК признаются частью действующего права и по своей юридической силе не уступают законам, поскольку могут отменить полностью или частично любой противоречащий Конституции закон (в том числе конституционный) и иной нормативный правовой акт.

Орган конституционного контроля занимает важное место в обеспечении взаимодействия национального и международного права. В соответствии с Конституцией Конституционный Совет РК в порядке предварительного контроля рассматривает на соответствие Основному закону международные договоры республики до их ратификации. Роль Конституционного Совета РК этим не ограничивается. Он обеспечивает взаимосвязь и соотношение норм национального и международного права также в ходе официального толкования норм Конституции РК, при проверке конституционности международных договоров и иных обязательств республики по обращению судов в порядке последующего нормоконтроля³⁸. Тем самым в сферу деятельности Конституционного Совета РК входит

³⁷ Абдиров Н. М. Нынешняя конституционная реформа — новый этап дальнейшего развития страны // Вестник Конституционного Совета Республики Казахстан. 2017. № 31.

³⁸ Бахтыбаев И. Имплементация норм международного права в национальное законодательство Казахстана // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2013: международ. альманах. Ереван: Центр конституционного права Республики Армения, 2013.

разрешение вопросов, касающихся установления и обеспечения взаимосвязи и конституционного баланса между национальным и международным правом. Одной из главных его задач является рассмотрение на предмет соответствия Конституции РК международных договоров республики, подлежащих ратификации. Роль Конституционного Совета РК в обеспечении взаимодействия национальной и международной правовых систем не ограничивается стадией ратификации международно-правовых норм и тем самым внедрения в национальную правовую систему международных актов посредством парламентской процедуры. Конституционный Совет РК также косвенно обеспечивает взаимосвязь национальной и международной правовых систем путем: официального толкования норм Основного закона; рассмотрения на предмет конституционности международных договоров и иных обязательств республики по обращению судов³⁹.

Конституционный Совет РК может определить порядок и сроки исполнения принятых им решений. В 2008 г. были усилены механизмы их исполнения. С тех пор содержащиеся в его решениях рекомендации и предложения по совершенствованию законодательства подлежат рассмотрению уполномоченными государственными органами и должностными лицами с обязательным последующим уведомлением Конституционного Совета РК о принятых мерах в срок, установленный Конституционным Советом РК. В случае если решение Конституционного Совета РК требует увеличения государственных расходов или сокращения государственных доходов, Конституционный Совет РК определяет сроки исполнения принятых им решений по согласованию с Правительством РК⁴⁰.

В результате «итоговые решения Конституционного Совета играют важную роль в правотворческом и правоприменительном процессе. Они восстанавливают конституционность в соответствующих правоотношениях и выступают ориентирующими факторами в развитии текущего законодательства и практики его применения. С учетом правовых позиций, высказанных в этих решениях,

³⁹ Кемалов М., Орманова А. Обеспечение Конституционным Советом взаимосвязи национального и международного права // Конституционное правосудие: вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2008. № 4 (42).

⁴⁰ Рогов И. Взаимодействие Конституционного Совета Республики Казахстан с другими государственными органами в процессе исполнения его решений // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2012: международ. альманах. Ереван: Центр конституционного права Республики Армения, 2012.

развивается правовая база Республики, вносятся изменения и дополнения в законодательство в сферах защиты прав человека, управления государством, национальной безопасности, обороноспособности, экономики, финансов, социального обеспечения, судоустройства и судопроизводства, прокурорского надзора, избирательной системы и др.»⁴¹.

Помимо нормоконтроля, одной из задач Конституционного Совета РК является подготовка ежегодных посланий о состоянии конституционной законности в республике. В этом документе Конституционный Совет по итогам рассмотренных обращений подвергает анализу действующее законодательство и практику его применения с точки зрения их соответствия нормам Конституции республики, обращает внимание соответствующих государственных органов на имеющиеся недостатки, в том числе в сфере исполнения решений Конституционного Совета РК. Информация, содержащаяся в посланиях и нормативных постановлениях Конституционного Совета РК, используется при проведении правового мониторинга в соответствии с Правилами проведения правового мониторинга нормативных правовых актов (утв. постановлением Правительства РК от 25 августа 2011 г.).

В целом влияние решений Конституционного Совета РК на законотворческий процесс имеет разные формы и начинается со стадии его планирования. Нередко в актах Конституционного Совета РК обращается внимание субъектов законодательной инициативы на отдельные аспекты правового регулирования, требующие принятия законодательных мер, которые в последующем включаются в планы законопроектных работ Правительства РК. Так, в частности, при формировании концепций большинства законов, инициированных для осуществления основополагающего программного документа — Плана нации «100 конкретных шагов», были учтены и решения Конституционного Совета РК.

Отсчет истории конституционного нормоконтроля в *Кыргызской Республике* (далее также — КР) начинается с учреждения Комитета конституционного надзора Киргизской ССР (1989 г.). На него

⁴¹ Даулбаев А. К. Роль Конституционного Совета Республики Казахстан в обеспечении верховенства основного закона в правотворческой и правоприменительной практике // Роль органов конституционного контроля в обеспечении верховенства права в нормотворчестве и правоприменении. Минск : СтройМедиаПроект, 2017.

возлагалось представление высшему представительному органу — Верховному Совету Киргизской ССР заключений о соответствии республиканской Конституции проектов законов, подлежащих рассмотрению, актов Верховного Совета, наблюдение за соответствием Конституции и законам Киргизской ССР постановлений и распоряжений Совета Министров, решений местных Советов народных депутатов, актов других государственных органов и общественных организаций.

С учреждением поста Президента Киргизской ССР 24 октября 1990 г. существенно изменилась система органов государственной власти и управления. 14 декабря 1990 г. Комитет конституционного надзора был упразднен, и в Кыргызстане был образован высший судебный орган конституционного контроля — Конституционный Суд.

Фактически Конституционный Суд стал выполнять свои функции спустя два года, после получения независимости и принятия Конституции Кыргызской Республики от 5 мая 1993 г. Его полномочия были определены, помимо Конституции КР, Законом КР «О Конституционном Суде Кыргызской Республики», а организационные формы конституционного судопроизводства установлены Законом КР от 18 декабря 1993 г. «О конституционном судопроизводстве в Кыргызской Республике»⁴².

Решения Конституционного Суда КР являлись окончательными и обязательными на всей территории государства для всех органов государственной власти и управления, судов, а также предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц и граждан, в связи с чем при принятии новых Уголовно-процессуального кодекса КР, Арбитражно-процессуального кодекса КР, Гражданского-процессуального кодекса КР законодателем были учтены выводы Конституционного Суда КР. Под влиянием его решений был введен институт судебной апелляции, а также ликвидирован инициативный надзор над судебными решениями, вступившими в законную силу.

«Конституционный Суд Кыргызской Республики, принимая обязательные и окончательные для всех решения по обращениям о соответствии Конституции Кыргызской Республики законов и иных нормативных правовых актов, оказывает воздействие на нормативно-правовую базу, признавая неконституционными нормы закона,

⁴² Эсенканов К. Конституционное судопроизводство в Кыргызской Республике: особенности и проблемные аспекты // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2002: международ. альманах. Ереван: Центр конституционного права Республики Армения, 2002.

противоречащие Конституции Кыргызской Республики, тем самым являясь органом обеспечения конституционности правовой системы, сдерживая и дисциплинируя законодательную и исполнительную власти в их правотворческой деятельности. За годы своей деятельности Конституционный Суд Кыргызской Республики, руководствуясь требованиями Конституции Кыргызской Республики и решая вопросы права, принял ряд важных решений по защите Конституции Кыргызской Республики, которые оказали серьезное влияние на политическую обстановку, экономические вопросы, социальные проблемы, законодательную деятельность и, конечно, на обеспечение прав и свобод человека и гражданина», — отмечал заместитель Председателя Конституционного Суда Кыргызской Республики А. Суталинов⁴³.

Деятельность Конституционного Суда КР была приостановлена в конце 2007 г., по причинам политического характера. После трехлетнего перерыва, накануне принятия новой, ныне действующей Конституции Кыргызской Республики, он был окончательно упразднен.

Новым органом конституционного нормоконтроля стала Конституционная палата Верховного Суда КР. По сравнению с ее предшественником полномочия палаты существенно урезаны, но основная функция — осуществление конституционного правосудия — сохранена. При этом «несмотря на то, что в законодательстве Кыргызской Республики не закреплен механизм исполнения решений Конституционной палаты ВС КР, законодатель старается своевременно выполнять ее решения и устранять выявленные правовые пробелы и правовые неопределенности»⁴⁴.

Наряду с полномочием по признанию неконституционными законов и иных нормативных правовых актов в случае их противоречия Конституции, Конституционная палата также дает заключения о конституционности не вступивших в силу международных договоров, участницей которых является Кыргызская Республика, и заключения к проекту закона об изменениях в Конституцию КР⁴⁵.

⁴³ Суталинов А. 10 лет Конституционному суду Кыргызской Республики // Конституционное правосудие. 2001. № 2 (12).

⁴⁴ Бобукеева М. Роль и значение решений Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики в преодолении законодательных пробелов и правовой неопределенности // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2016: международ. альманах. Ереван: Центр конституционного права Республики Армения, 2016.

⁴⁵ Осмонова Ч. Конституционное правосудие в Кыргызской Республике: опыт и перспективы // Конституционное правосудие: вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2015. № 3 (69).

В 2015 г. была принята Стратегия развития Конституционной палаты ВС КР на 2015–2020 годы, в которой определены перспективы развития конституционного правосудия в Кыргызской Республике. В этом программном документе в качестве главной миссии Конституционной палаты ВС КР названа защита прав и свобод человека как высшая конституционная ценность. В целях ее воплощения определены следующие стратегические направления: обеспечение высокого качества направления конституционного правосудия; обеспечение открытости и прозрачности деятельности Конституционной палаты ВС КР, правовое воспитание; обеспечение эффективности и доступности конституционного правосудия.

Конституция Республики Молдова, принятая 29 июля 1994 г., учредила институт судебного конституционного контроля. Его осуществление было вверено *Конституционному Суду Республики Молдова* (далее также — РМ). Как верно заметил бывший его председатель Д. Пулбере, «Конституция как таковая не может быть зеркальным отражением правовой действительности, чаще они соотносятся как должное и сущее. Сближать их призван режим конституционной законности, обеспечиваемый соответствием Конституции законов и подзаконностью государственного управления»⁴⁶.

В декабре 1994 г. был принят Закон «О Конституционном Суде Республики Молдова», определяющий статус судьи, структуру суда, порядок осуществления конституционной юрисдикции и т.д., а в феврале следующего года был утвержден первый состав Конституционного Суда РМ. Однако судьи приступили к исполнению обязанностей лишь в июне 1995 г., с принятием Кодекса конституционной юрисдикции РМ.

Конституция РМ определяет основные характеристики Конституционного Суда РМ, относя к его полномочиям осуществление конституционной юрисдикции, чем обуславливается юридическая сила постановлений Конституционного Суда, и утверждая в качестве основного принципа деятельности — независимость от любой другой публичной власти и подчинение только Конституции. Регламентации деятельности Конституционного Суда РМ посвящен

⁴⁶ Пулбере Д. Официальное толкование Конституции Конституционным Судом: правовая необходимость и политические последствия // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2005: международ. альманах. Ереван: Центр конституционного права Республики Армения, 2005.

раздел V Основного закона, но и в иных его разделах присутствуют связанные с Конституционным Судом РМ положения. В частности, его полномочия регламентированы и в статье 62 «Признание мандатов депутатов», статье 79 «Признание полномочий и принесение присяги Президента Республики Молдова», статье 88 «Приостановление Президентом Республики Молдова действия актов Правительства Республики Молдова, противоречащих законодательству», части (2) статьи 141 «Представление Парламенту проектов конституционных законов»⁴⁷.

Прежде всего по запросу уполномоченных субъектов Конституционный Суд РМ осуществляет нормоконтроль законов, постановлений Парламента РМ, указов Президента, постановлений и ордонансов Правительства, а также международных договоров; разрешает исключительные случаи неконституционности правовых актов, представленные Высшей судебной палатой РМ; принимает решение по вопросам, предметом которых является конституционность политической партии.

Кроме того, в соответствии с положениями Конституции РМ (статья 135) и закона о Конституционном Суде РМ (статья 4), он полномочен:

- толковать Конституцию;
- высказываться по предложениям о пересмотре Конституции;
- подтверждать результаты республиканских референдумов;
- подтверждать результаты выборов Парламента РМ и Президента РМ;
- констатировать обстоятельства, оправдывающие роспуск Правительства РМ, отстранение от должности Президента РМ или временное исполнение его обязанностей, а также невозможность исполнения Президентом РМ своих обязанностей в течение более чем 60 дней.

Конституционный Суд не может осуществлять юрисдикцию по собственной инициативе, право на обращение имеют субъекты, определенные в статье 25 закона о Конституционном Суде.

Согласно статье 38 (часть 1) Кодекса конституционной юрисдикции субъектами, которые вправе направить запрос в Конституционный Суд РМ, являются:

⁴⁷ Кобэняну С. Субъекты с правом обращения в Конституционный Суд Республики Молдова // Конституционное правосудие: вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2005. № 2 (28).

- а) Президент;
- б) Правительство;
- в) Министр юстиции;
- г) Высшая судебная палата;
- д) Экономический суд;
- е) Генеральный прокурор;
- ж) депутат Парламента;
- з) парламентская фракция;
- и) Парламентский адвокат;
- к) Народное собрание Гагаузии, если законы или другие нормативные акты противоречат интересам автономного образования.

Таким образом, право на обращение в Конституционный Суд РМ имеют те государственные органы и высшие должностные лица, которые в силу закона «обязаны реагировать на нарушения законных прав и интересов граждан и общества».

Конституционный Суд РМ дает толкование норм Конституции по запросам уполномоченных субъектов. Предметом соответствующих разъяснений является прежде всего устранение противоречий в отношениях между субъектами конституционного права в части осуществления полномочий, предоставленных Конституцией (в том числе организационно-правовые отношения по вопросам избрания, назначения и освобождения должностных лиц государства, промульгации законов, представительства и осуществления полномочий депутатов, принятия законов и постановлений), и противоречий, возникающих на разных стадиях законодательного процесса⁴⁸.

Хотя Конституционный Суд РМ осуществляет преимущественно последующий контроль конституционности законодательных актов, его решениями была установлена также практика предварительного контроля в отношении международных договоров.

Решения Конституционного Суда РМ обязательны не только для участников конституционного спора, но и для всех иных субъектов права (статья 28 Закона «О Конституционном Суде Республики Молдова»).

⁴⁸ Пулбере Д. Официальное толкование Конституции Конституционным Судом: правовая необходимость и политические последствия // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2005: международ. альманах. Ереван: Центр конституционного права Республики Армения, 2005.

Условия парламентской формы правления с неизбежностью создают определенные предпосылки для политизации конституционного контроля. Но это обстоятельство в первую очередь обязывает органы, на которые возложена высшая защита Основного закона, предпринимать все от них зависящее для нейтрализации этих рисков. Между тем в последнее время Конституционным Судом РМ был вынесен ряд решений, неоднозначно воспринятых молдавским обществом. Вряд ли главному предназначению конституционного нормоконтроля — поддержанию гражданского мира на твердой почве конституционной законности — способствует вытеснение русского языка из правового поля через признание «устаревшим», а потому утратившим силу закона «О функционировании языков на территории Республики Молдова», регламентирующего статус русского языка как средства межнационального общения (решение от 4 июня 2018 г.)⁴⁹.

Очевидно, не свидетельствует о том, что Конституционный Суд не вовлекается в политическое противостояние и тем более не позволяет себе стимулировать поляризацию, признание нахождения российского военного контингента в Приднестровье «незаконными и оккупирующими» действиями (решение от 3 мая 2017 г.). В последнем случае, помимо признания допустимости участия молдавских военнослужащих в операциях, проводимых под эгидой военно-политических блоков, невзирая на конституционно провозглашенный нейтральный статус государства, национальным властям, по сути, предписано не исполнять действующее, в том числе для Молдовы, международное соглашение о принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта (1992 г.).

⁴⁹ Вероятно, также имеет смысл сопоставить это решение с подходами к сходной проблематике других органов конституционного контроля государств — участников МПА СНГ. Так, Конституционный Совет РК, рассмотрев в порядке предварительного контроля законопроект «О языках в Республике Казахстан», указал: закрепленное в нем положение о том, что «языком работы делопроизводства государственных органов, организаций, органов местного самоуправления Республики Казахстан является государственный язык, при необходимости наравне с государственным официально употребляется русский язык» не соответствует Конституции РК, так как словосочетание «при необходимости» корректирует конституционную норму о том, что «наравне с казахским официально употребляется русский язык». При новом рассмотрении парламентом соответствующего законопроекта указанное несоответствие с Конституцией РК было устранено. См. также решение Конституционного Суда РБ по вопросу административной ответственности за нарушение законодательства о равноправии русского и белорусского языков; решение Конституционного Суда КР от 30 декабря 1996 г., создавшее правовую базу для официального использования русского языка в Кыргызстане.

По всей видимости, суждения относительно того, что «хотя Республика Молдова не является членом Европейского союза, европейская интеграция была провозглашена в качестве национального приоритета, таким образом, Республика Молдова должна следовать основным принципам и ценностям Европейского союза», не только встречающиеся в публичных выступлениях судей, но и неоднократно воспроизведимые в решениях органа конституционного контроля, также являются политизированной по своей сути попыткой воспользоваться юридическим арсеналом для прекращения дискуссии о внешнеполитических приоритетах, которая не может не вестись в гражданском обществе⁵⁰.

В свое время В. Пушкаш, возглавлявший на тот момент Конституционный Суд РМ, выражал надежду, что его «от политизации удерживает отсутствие функций предварительного контроля, поскольку осуществляя последующий контроль конституционности нормативных актов, Суд тем самым не включается в деятельность политических сил на раннем этапе подготовки и принятия правовых актов также Конституционный Суд не рассматривает ни один вопрос, отнесенный к его компетенции, по собственной инициативе, а осуществляет юрисдикцию только по запросам субъектов, определенных в законе»⁵¹. Показательно, что все приведенные выше решения принимались в рамках не предварительного, а именно последующего нормоконтроля. Таким образом, сами по себе те или иные процессуальные формы не в состоянии предотвратить использование правовых средств в сугубо политических целях. Гораздо важнее — сознание профессионального долга и гражданская зрелость тех, кто принимает решения.

Генезис конституционного нормоконтроля в государствах — участниках МПА СНГ обладает сходными чертами. Как было показано, не только на союзном, но и на республиканском уровне, в том числе и в *Российской Федерации* (далее также — РФ), на тот момент — РСФСР, в 1988–1989 гг. было отдано предпочтение

⁵⁰ Попа В. Принципы правового государства в постановлениях Конституционного Суда Республики Молдова // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2013: международ. альманах. Ереван: Центр конституционного права Республики Армения, 2013.

⁵¹ Пушкаш В. Роль конституционного правосудия в становлении правового государства: Опыт Конституционного Суда Республики Молдова // Конституционное правосудие: вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2001–2002. № 4 (14) — 1 (15).

специализированному конституционному надзору в качестве организационно-правовой формы охраны Конституции, обеспечения ее верховенства и соответствия ей иных нормативных актов.

Согласно статье 119 Конституции РСФСР (в редакции от 27 октября 1989 г.) Съезд народных депутатов РСФСР должен был избрать Комитет конституционного надзора РСФСР. Организацию и порядок деятельности последнего предусматривалось урегулировать специальным законом.

Однако проблема конституционного контроля (надзора) являлась производной или сопутствующей составляющей при разработке проектов новой Конституции России, союзного и федеративного договоров, изменений и дополнений в действующую Конституцию РСФСР и ряда других законодательных актов. При этом все большую поддержку обретала точка зрения о необходимости создания именно Конституционного Суда РСФСР. Первым нормативным актом, упоминающим этот институт, стал Регламент Верховного Совета РСФСР.

15 декабря 1990 г. Вторым Съездом народных депутатов РСФСР в Конституцию РСФСР была внесено положение, согласно которому Конституционный Суд РСФСР должен избираться Съездом РСФСР, тогда как порядок его деятельности определяется отдельным законом. При этом сфера конституционного регулирования не охватывала главные вопросы статуса учреждаемого органа, его полномочия, что таило определенную угрозу «выхолащивания» сущности этого института либо гиперболизации его полномочий в законодательном порядке. Все это не способствовало устойчивости в правовом положении Конституционного Суда.

12 июля 1991 г. Пятый Съезд народных депутатов РСФСР принял закон «О Конституционном Суде РСФСР». 29–30 октября 1991 г. были выбраны 13 из 15 судей Конституционного Суда.

30 октября 1991 г. состоялось первое рабочее совещание Конституционного Суда РСФСР, а 14 января 1992 г. — первое заседание.

7 октября 1993 г. Указом Президента РФ деятельность Конституционного Суда по рассмотрению дел была приостановлена.

12 декабря 1993 г. на всенародном референдуме была принята действующая Конституция РФ, статья 125 которой заложила новые правовые основы деятельности конституционной юстиции.

Конституционные предписания были детализированы в Федеральном конституционном законе «О Конституционном Суде Российской Федерации», обнародованном 23 июля 1994 г.

Отныне Конституционный Суд уполномочивался на проверку нормативных актов только по запросам или жалобам. Он утрачивал ранее имевшееся у него право рассматривать дела по собственной инициативе, оценивать конституционность действий тех или иных должностных лиц, а также конституционность партий. Численность судей увеличивалась с 15 до 19. В феврале 1995 г. Суд был полностью укомплектован.

В начале XXI в. обновление законодательства, регулирующего деятельность Конституционного Суда, происходит по следующим направлениям:

- расширение компетенции Конституционного Суда;
- распространение юрисдикции Конституционного Суда на проверку конституционности вопросов, выносимых на общероссийский референдум;
- расширение возможностей конституционного правосудия в сфере разрешения коллизий российского законодательства и международных правовых актов в их интерпретации межгосударственными органами по защите прав и свобод человека. Отныне заявитель, считающий (вопреки принятому каким-либо из названных органов решению с констатацией нарушения в РФ прав и свобод человека при применении соответствующего нормативного акта органа государственной власти и необходимости внесения в него изменений, устраниющих отмеченные нарушения) данный акт подлежащим действию, вправе обратиться в Конституционный Суд с запросом о его конституционности. Кроме того, на суды, пришедшие при пересмотре в случаях, установленных процессуальным законодательством, дела в связи с принятием межгосударственным органом по защите прав и свобод человека решения, в котором констатируется нарушение в России прав и свобод человека при применении закона (либо отдельных его положений), к выводу о том, что применение определенного закона возможно лишь после подтверждения его соответствия Конституции РФ, возлагается обязанность обратиться с запросом в Суд о проверке конституционности этого закона. Тем самым закреплена высказанная ранее Конституционным Судом правовая позиция по поводу того, что лишь он вправе разрешать вопросы о применении законодательных норм,

не согласующихся с решением Европейского Суда по правам человека (прежде всего тех, чья конституционность ранее была предметом рассмотрения Суда). В связи с этим к изъятиям из общего правила принятия Судом решения об отказе в принятии обращения к рассмотрению, если по предмету обращения Судом ранее было вынесено постановление, сохраняющее свою силу, отнесена ситуация, когда обращение направлено в связи с принятием решения межгосударственным органом по защите прав и свобод человека. Установление подобного исключения из общего правила закрепляет ключевую роль Суда в ситуации, когда решение международного суда де-факто становится препятствием для применения норм национального законодательства, позволяет средствами конституционного правосудия защитить национальный суверенитет, оградить престиж конституционного правосудия и в то же время — корректировать, при необходимости, содержание правовых позиций Конституционного Суда. Расширению темпорального аспекта юрисдикции Конституционного Суда способствуют новеллы 2014 г., касающиеся проверки конституционности нормативных актов, переставших (юридически или фактически) действовать, но, по мнению заявителей, нарушавших и в определенной степени продолжающих нарушать их права и законные интересы. Согласно внесенным в пункт 4 статьи 43 закона изменениям такая проверка распространяется на все законоположения, вне зависимости от их формальной отмены и фактической утраты силы, воздействие которых на правоприменительную практику ведет к нарушению конституционных прав граждан;

— укрепление принципа независимости судей Конституционного Суда (срок полномочий судей сначала был продлен с 12 до 15 лет (2001 г.), впоследствии же было установлено, что судьи исполняют свои полномочия со дня назначения на должность и до достижения ими 70-летнего возраста (2005 г.), установление Санкт-Петербурга в качестве места постоянного пребывания Конституционного Суда (2007 г.));

— совершенствование конституционного судоустройства: установление нового порядка назначения на должность Председателя Конституционного Суда и его заместителей (назначаются Советом Федерации по представлению Президента Российской Федерации, а не избираются судьями Конституционного Суда); введение должности второго заместителя и упразднение должности судьи-секретаря

(2009 г.); упразднение палат Конституционного Суда, переход к пленарному формату рассмотрения дел (2010 г.);

— совершенствование отдельных механизмов конституционного судопроизводства: предоставление Конституционному Суду права, при определенных условиях, разрешать дела без проведения слушаний, что позволило сократить сроки рассмотрения ряда категорий дел и тем самым повысить эффективность защиты конституционных прав и свобод; введение нового ограничения по вопросу допустимости жалобы от граждан и их объединений (оспариваемый закон должен быть применен в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в суде), нацеленное на увеличение пропускной способности Суда по рассмотрению дел (2010 г.); содействующее процессуальной экономии предоставление в 2014 г. Конституционному Суду большей свободы при отнесении тех или иных дел к категории рассматриваемых без проведения слушаний, если вопрос о конституционности оспариваемого нормативного правового акта может быть разрешен на основании содержащихся в ранее принятых постановлениях Суда правовых позиций (с устраниением ранее действовавшего требования о том, чтобы оспариваемые законоположения были аналогичны нормам, ранее признанным не соответствующими Конституции РФ постановлением Конституционного Суда, сохраняющим силу), а также путем отмены такого ограничительного условия, как необходимость устраниния фактов нарушений конституционных прав и свобод граждан в правоприменительной практике; снижение в 2014 г. кворума, необходимого для правомочности деятельности Конституционного Суда с трех четвертей до двух третей от общего числа судей (т.е. от конституционно установленного количества — 19 судей).

Становление института конституционного нормоконтроля в *Республике Таджикистан* (далее также — РТ) связано с созданием в 1990 г. республиканского Комитета конституционного надзора.

Первая Конституция независимого Таджикистана, принятая в 1994 г., предусматривала среди высших органов государственной власти уже другой специализированный орган нормоконтроля — Конституционный Суд РТ. Она отнесла к полномочиям органа конституционного контроля определение соответствия Конституции законов, других правовых актов парламента и его палат, правовых

актов Президента РТ, Правительства РТ, Верховного Суда РТ, Высшего Экономического Суда РТ и других государственных и общественных органов, не вступивших в законную силу договоров Таджикистана, а также разрешение споров между государственными органами по вопросу их компетенции (часть 3 статьи 89, статья 72).

В 1995 г. был принят Конституционный закон Республики Таджикистан «О Конституционном Суде Республики Таджикистан» и избраны судьи Конституционного Суда.

Этим законом Конституционный Суд РТ утверждался в качестве независимого органа судебной власти, учрежденного в целях защиты, обеспечения верховенства и непосредственного действия Конституции Республики Таджикистан и защиты прав и свобод человека и гражданина.

Если первоначально граждане могли обращаться в Конституционный Суд РТ по вопросу нарушения их конституционных прав и свобод только по законам, примененным в конкретном деле, и только после рассмотрения их вопроса всеми судебными инстанциями, то в результате внесения изменений в базовый закон (2008 г.) они получили возможность ходатайствовать перед Конституционным Судом о проверке конституционности не только закона, но и иных правовых актов и руководящих разъяснений пленумов Верховного Суда РТ и Высшего Экономического Суда РТ, примененных или подлежащих применению в их отношении в конкретном деле, а также о проверке соответствия Конституции РТ закона, других правовых актов и руководящих разъяснений пленумов Верховного Суда и Высшего Экономического Суда РТ, примененными судом в отношении них в конкретном деле⁵². Аналогичными правами были наделены юридические лица, полагающие, что их конституционные права нарушены законом или другим правовым актом, примененным в конкретном правоотношении, а также руководящими разъяснениями пленумов Верховного Суда и Высшего Экономического Суда РТ, примененными судом в отношении них в конкретном деле.

Кроме того, согласно изменениям 2008 г., на Конституционный Суд РТ было возложено определение соответствия Конституции РТ проектов конституционных изменений, а также проектов законов и других вопросов, представляемых на всенародный референдум.

⁵² Холиков К. Н. Субъекты обращения в Конституционный Суд Республики Таджикистан: Особенности и классификация (Анализ законодательства) // Право и политика. 2011. № 1.

Право на обращение по этим вопросам принадлежит Президенту республики и обеим палатам парламента РТ⁵³.

Уполномоченному по правам человека в Республике Таджикистан (омбудсмену) также было предоставлено право на обращение в Конституционный Суд РТ по вопросам о соответствии Конституции РТ законов и других правовых актов, примененных к заявителям, обратившимся к нему.

В 2014 г. был принят ныне действующий Конституционный закон Республики Таджикистан «О Конституционном Суде Республики Таджикистан», способствовавший разрешению ряда проблемных вопросов, возникших в связи с реализацией полномочий Конституционного Суда, и обеспечению непосредственного доступа частных заявителей к конституционному правосудию.

В настоящее время к основным полномочиям Конституционного Суда РТ принадлежат:

а) проверка конституционности проектов изменений и дополнений, вносимых в Конституцию, проектов законов и других вопросов, представляемых на всенародный референдум, нормативно-правовых актов государственных и общественных органов, а также международных и внутригосударственных договоров;

б) разрешение споров между государственными органами власти относительно их компетенции;

в) защита конституционных прав и свобод граждан по их жалобам и запросам судов о неконституционности закона, примененного в конкретном деле;

г) дача заключения в случае совершения Президентом РТ государственной измены.

Поскольку, согласно Конституции, ее толкование осуществляется Маджлиси Оли Республики Таджикистан в форме конституционного закона (часть 3 статьи 61), постольку для Конституционного Суда осуществление соответствующих полномочий (в том числе по толкованию законов) не предусматривается.

Субъектами, имеющими право на обращение в Конституционный Суд РТ, являются Президент РТ, парламент, Правительство РТ, Генеральный прокурор РТ, члены парламента РТ, Уполномоченный по правам человека, суды и отдельные судьи, граждане и юридические лица.

⁵³ Махмудов М., Абдуллаев А. Конституционный Суд Таджикистана — независимый орган судебной власти // Конституционное правосудие: вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2012. № 4 (58).

В контексте защиты конституционных прав несомненно значимым представляется, во-первых, наделение физических и юридических лиц правом обращения по вопросу о соответствии Конституции закона, другого нормативного правового акта, руководящих разъясненийplenумов Верховного Суда и Высшего Экономического Суда, примененных соответствующими государственными или общественными органами, а также судебными органами в отношении их в конкретном деле, которые нарушают, по их мнению, их конституционные права и свободы. Во-вторых, наделение судей Верховного Суда, Высшего Экономического Суда, других судов Республики Таджикистан (кроме судей Конституционного Суда) правом обращения с вопросом о соответствии Конституции РТ закона, других нормативных правовых актов или руководящих разъясненийplenумов Верховного Суда РТ и Высшего Экономического Суда РТ, примененных или подлежащих применению ими в отношении гражданина или юридического лица в конкретном деле⁵⁴.

По своему характеру нормоконтроль, осуществляемый Конституционным Судом РТ, может быть как конкретным, так и абстрактным; как предварительным, так и последующим; как обязательным, так и факультативным (некоторые законы и иные нормативные правовые акты подлежат обязательному контролю, а другие — лишь по инициативе субъектов обращения в Конституционный Суд РТ).

В целом конституционный контроль в Республике Таджикистан, с одной стороны, «способствует приостановлению действия правового акта, противоречащего нормам Конституции и ущемляющего конституционные права и свободы человека и гражданина, путем признания его неконституционным; с другой стороны, раскрывая смысл и содержание положений Конституции, конституционный смысл законов и иных нормативных правовых актов, по существу, корректирует действие правовых актов»⁵⁵.

Появление института конституционного контроля в Республике Узбекистан (далее также — РУ) также связано с созданием

⁵⁴ Поправками 2008 г. правом ходатайствовать о проверке конституционности постановленийplenумов Верховного Суда и Высшего Экономического Суда были наделены трое судей Конституционного Суда.

⁵⁵ Махмудов М. А. Конституционный контроль — основной способ укрепления конституционной законности в Республике Таджикистан // Вестник Конституционного Суда Республики Таджикистан. 2013. № 1.

республиканского Комитета конституционного надзора (1990 г.), который был призван обеспечивать соответствие актов государственных органов и общественных организаций Конституции, охрану конституционных прав и свобод, прав народов республики. Закон «О конституционном надзоре Республики Узбекистан» впервые закрепил основы конституционного нормоконтроля⁵⁶.

Конституция Республики Узбекистан, принятая 8 декабря 1992 г., провозгласив в качестве стратегической цели создание демократического правового государства, учредила новый для национальной правовой системы институт — Конституционный Суд РУ (статьи 107–109) с возложением на него рассмотрения дел о конституционности актов законодательной и исполнительной власти всех уровней⁵⁷.

6 мая 1993 г. был принят Закон Республики Узбекистан «О Конституционном Суде Республики Узбекистан». Полномочия Конституционного Суда РУ были временно возложены на Комитет конституционного надзора, который функционировал вплоть до избрания первого состава Конституционного Суда РУ (декабрь 1995 г.).

В 1995 г. была принята новая редакция Закона «О Конституционном Суде Республики Узбекистан», а в 1996 г. — Регламент Конституционного Суда РУ (в 2015 г. был утвержден новый Регламент), конкретизирующий процессуальные правила, которым подчинена деятельность Суда, и определяющий порядок делопроизводства.

В 2017 г. был принят новый Конституционный закон «О Конституционном Суде Республики Узбекистан», расширивший полномочия Конституционного Суда за счет определения соответствия Конституции конституционных законов, законов о ратификации международных договоров Узбекистана — до их подписания Президентом РУ; рассмотрения обращения Верховного Суда⁵⁸, инициированного судами, о соответствии Конституции РУ нормативных правовых актов, подлежащих применению в конкретном деле;

⁵⁶ 29 ноября 2018 г. Председателем Сената Олий Мажлиса Республики Узбекистан Нигматилой Юлдашевым была подписана Конвенция о Межпарламентской Ассамблее государств — участников Содружества Независимых Государств. Таким образом, Республика Узбекистан стала государством — участником Межпарламентской Ассамблеи СНГ.

⁵⁷ Мирбабаев Б. Компетенция Конституционного Суда Республики Узбекистан // Вестник Конституционного Суда Республики Узбекистан. 1999. Вып. 3. С. 83–86.

⁵⁸ В 2017 г. Высший Хозяйственный Суд и Верховный Суд были объединены в единый высший орган судебной власти в сфере гражданского, уголовного, административного и экономического судопроизводства — Верховный Суд Республики Узбекистан.

ежегодного представления по результатам обобщения практики конституционного судопроизводства палатам парламента (Олий Мажлиса) и главе государства информации о состоянии конституционной законности в стране⁵⁹.

Кроме того, были изменены порядок избрания судей, требования к кандидатам в судьи. Теперь Конституционный Суд РУ избирается Сенатом Олий Мажлиса РУ по представлению Президента Республики Узбекистан из числа лиц, рекомендованных Высшим судейским советом. Характерно, что досрочное прекращение полномочий судьи Конституционного Суда осуществляется решением Сената Олий Мажлиса РУ, т. е. закон не предусматривает необходимости представления Президента республики при досрочном прекращении полномочий судьи Конституционного Суда (в отличие от досрочного прекращения полномочий судей Верховного Суда РУ). Не допускается избрание судей Конституционного Суда РУ более двух раз. Повышен возрастной ценз кандидата в судьи с 30 до 35 лет и закреплен предельный возраст пребывания в должности судьи — 70 лет. Расширены основания для досрочного прекращения полномочий судьи.

Также увеличено число субъектов, уполномоченных вносить вопрос на рассмотрение Конституционного Суда РУ — за счет Кабинета Министров РУ и Уполномоченного Олий Мажлиса Республики Узбекистан по правам человека (омбудсмена).

Получил большую детализацию порядок конституционного судопроизводства.

В настоящее время Конституционный Суд РУ в соответствии с Конституцией Республики Узбекистан (статья 109) и Законом «О Конституционном Суде Республики Узбекистан»:

1) определяет соответствие Конституции Республики Узбекистан законов Республики Узбекистан и постановлений палат Олий

⁵⁹ Подобно остальным органам конституционного контроля государств — участникам МПА СНГ, Конституционный Суд Республики Узбекистан, помимо полномочий в области нормо-контроля, наделен иными прерогативами, определяющими его роль в системе разделения властей. Так, палаты парламента могут быть распущены решением Президента Республики Узбекистан, принятым по согласованию с Конституционным Судом в случае возникновения в них непреодолимых разногласий, ставящих под угрозу их нормальное функционирование, или неоднократного принятия ими решений, противоречащих Конституции, а также возникновения непреодолимых разногласий между Законодательной палатой и Сенатом, ставящих под угрозу нормальное функционирование всего парламента. Принятие такого решения по согласованию с Конституционным Судом является элементом принципа сдержки и противовесов и направлено на обеспечение баланса между главой государства и парламентом.

Мажлиса Республики Узбекистан, указов, постановлений и распоряжений Президента Республики Узбекистан, постановлений Правительства, решений местных органов государственной власти, межгосударственных договорных и иных обязательств Республики Узбекистан;

2) определяет соответствие Конституции Республики Узбекистан конституционных законов Республики Узбекистан, законов Республики Узбекистан о ратификации международных договоров Республики Узбекистан — до их подписания Президентом Республики Узбекистан;

3) дает заключение о соответствии Конституции Республики Каракалпакстан Конституции Республики Узбекистан, законов Республики Каракалпакстан — законам Республики Узбекистан;

4) дает толкование норм Конституции и законов Республики Узбекистан;

5) рассматривает обращение Верховного Суда Республики Узбекистан, инициированное судами, о соответствии Конституции Республики Узбекистан нормативных правовых актов, подлежащих применению в конкретном деле;

6) по результатам обобщения практики конституционного судопроизводства ежегодно представляет палатам Олий Мажлиса Республики Узбекистан и Президенту Республики Узбекистан информацию о состоянии конституционной законности в стране;

7) рассматривает другие дела, отнесенные к его компетенции Конституцией и законами Республики Узбекистан.

При этом конституционный нормоконтроль не распространяется на законы, которые приняты не законодательным органом, но на референдуме.

Наряду со специальными актами (базовым законом и Регламентом), определяющими статус Конституционного Суда РУ, в иных актах также содержатся отдельные нормы, касающиеся его полномочий. Например, в статье 13 Закона «О прокуратуре» зафиксировано, что «приказы и другие акты Генерального прокурора Республики Узбекистан (за исключением актов индивидуального характера) в случае противоречия их Конституции и законам Республики Узбекистан отменяются на основании решения Конституционного суда Республики Узбекистан».

В соответствии со статьей 25 Закона «О Конституционном Суде Республики Узбекистан» правом внесения вопросов на рассмотрение

Конституционного Суда обладают палаты Олий Мажлиса, Президент Республики Узбекистан, Кабинет Министров Республики Узбекистан, Уполномоченный Олий Мажлиса Республики Узбекистан по правам человека (омбудсмен)⁶⁰; Жокаргы Кенес Республики Каракалпакстан, группа депутатов не менее одной четвертой части от общего числа депутатов Законодательной палаты Олий Мажлиса, группа сенаторов не менее одной четвертой части от общего числа членов Сената Олий Мажлиса, Верховный Суд, Генеральный прокурор Республики Узбекистан. Вопрос может быть внесен и по инициативе не менее трех судей Конституционного Суда.

Таким образом, в сфере конституционного нормоконтроля в Республике Узбекистан отсутствует как институт полной конституционной жалобы (определение конституционности актов судебной власти не отнесено к компетенции Конституционного Суда), так и институт индивидуальной конституционной жалобы (частные заявители не являются субъектами конституционного судопроизводства). Вместе с тем частные заявители могут обратиться к уполномоченным государственным органам и должностным лицам в целях внесения конституционного запроса. В том числе они вправе обратиться и в сам Конституционный Суд РУ с учетом того, что его судьи могут по своей инициативе на основе изучения поступивших обращений вносить на рассмотрение суда вопросы, касающиеся защиты прав и свобод человека. Иными словами, «обращения граждан и право внесения вопросов в Конституционный Суд РУ — разные понятия, и каждое из них имеет свою процессуальную окраску»⁶¹. На обращения граждан, считающих, что их конституционные права, свободы или законные интересы нарушены законом либо иным актом, принятым Олий Мажлисом РУ, указом Президента, постановлениями

⁶⁰ В соответствии с действующим между Конституционным Судом и Уполномоченным по правам человека соглашением о сотрудничестве омбудсмен принимает участие в заседаниях Конституционного Суда при рассмотрении вопросов, затрагивающих права и свободы человека, а Председатель Конституционного Суда, в свою очередь, принимает участие в заседаниях, проводимых Уполномоченным по правам человека. Также в целях решения вопросов правового характера, поднимаемых в обращениях граждан, в состав Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека включен эксперт Конституционного Суда. См.: Мухаммадиев У. Сотрудничество Уполномоченного Олий Мажлиса Республики Узбекистан по правам человека с судебной ветвью власти в защите прав человека // Роль Конституционного Суда в реализации принципа разделения ветвей власти и защите прав человека: Опыт Узбекистана и зарубежных стран: Материалы международной научно-практической конференции. Ташкент, 21–22 октября 2015 г. Ташкент: Baktra press, 2016. С. 70–73.

⁶¹ Кариева Н. Конституционный суд и обращения граждан // Вестник Конституционного Суда Республики Узбекистан. 2004. Вып. 10. С. 171–174.

Кабинета Министров РУ и местных органов государственной власти, а также межгосударственными договорными или иными обязательствами Республики Узбекистан, распространяются правила, установленные Законом «Об обращениях физических и юридических лиц» для жалоб и заявлений, направляемых в государственные и общественные органы. Это предоставляет определенные возможности, упрощая формально-процедурные моменты⁶².

Обращения государственных органов изучаются в той же последовательности, что и обращения граждан. Если будет установлено, что вопросы, поставленные в обращении, актуальны и требуют рассмотрения Конституционным Судом, то судья инициирует возбуждение конституционного производства. Например, Институт мониторинга действующего законодательства при Олий Мажлисе РУ обратился с просьбой проверить конституционность применения статьи 118 Трудового кодекса РУ, а также конституционность части 5 пункта 17 «Положения о порядке назначения и выплаты пособий по государственному социальному страхованию»; аналогичная просьба содержалась и в обращении Контрольной инспекции Аппарата Президента РУ, которая отметила неопределенность и противоречивость отдельных правовых норм, регулирующих предоставление инвалидам Второй мировой войны и семьям, получающим пенсию по случаю потери кормильца за погибшего военнослужащего, льгот по оплате жилой площади и коммунальных услуг; Министерство внутренних дел Республики Узбекистан обратилось в Конституционный Суд с просьбой дать толкование пункта 1 статьи 4 Закона Республики Узбекистан «О гражданстве Республики Узбекистан». Эти и другие обращения послужили основанием для проверки конституционности тех или иных правовых актов⁶³.

После предварительного изучения вопроса судья представляет соответствующее заключение председателю или заместителю председателя Конституционного Суда. В случае одобрения тремя или более судьями оно вносится на рассмотрение Конституционного Суда. Так

⁶² Сайдов А. Контроль за конституционностью нормативно-правовых актов законодательной и исполнительной власти — важный механизм защиты прав и свобод человека // Роль Конституционного суда в реализации принципа разделения ветвей власти и защите прав человека: Опыт Узбекистана и зарубежных стран: Материалы международной научно-практической конференции, Ташкент, 21–22 октября 2015 г. Ташкент: Baktra press, 2016. С. 37–43.

⁶³ Базаров У. Конституция Республики Узбекистан и дальнейшая демократизация конституционного судопроизводства // Конституционное правосудие: Вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2015. № 4 (70).

было, например, с делом о толковании пятого абзаца части 1 статьи 6 Закона Республики Узбекистан «Об адвокатуре», инициированном в связи с заявлением адвоката Х. Нурмухамедова; о толковании части 2 статьи 16 Закона РУ «О гарантиях свободы предпринимательской деятельности», рассмотренном после обращения предпринимателя В. Фролова; о толковании статьи 59 Налогового кодекса РУ, инициированном в связи с заявлением гражданина С. Муратходжаева; о толковании части 4 статьи 62 Закона Республики Узбекистан «О судах», рассмотренном после обращения в суд адвоката К. Музafferова, и другими.

Как показывает опыт, на практике обычно именно судьями вносятся вопросы, сформулированные в обращениях частных заявителей (граждан, негосударственных организаций), а также не относящихся к кругу субъектов конституционного запроса государственных органов и должностных лиц. Конечно, в случае, если три судьи Конституционного Суда РУ пришли к выводу о неопределенности, существующей в вопросе конституционности акта, о котором шла речь в поступившем обращении⁶⁴.

Решение Конституционного Суда РУ по существу рассмотренного на заседании дела о конституционности межгосударственного договора и нормативного акта именуется постановлением. В остальных случаях оно называется заключением или может иметь иную форму. Законодательство предусматривает пересмотр решения Конституционного Суда РУ. Это может быть сделано Конституционным Судом РУ только по его собственной инициативе ввиду вновь открывшихся обстоятельств, неизвестных Конституционному Суду в момент вынесения решения; в случае изменения конституционной нормы, на основании которой было принято решение; в случае признания Конституционным Судом принятия данного решения с нарушением установленного порядка производства.

Конституционный Суд РУ обладает правом законодательной инициативы. Пользуясь этим правом, он не раз представлял в Олий Мажлис РУ для рассмотрения проекты Закона «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан» — о совершенствовании законодательства, регулирующего очередность списания денежных средств со счета хозяйствующих субъектов; о внесении изменений в статью 240 Уголовного кодекса

⁶⁴ Джураев Ю. Рассмотрение обращений граждан Конституционным Судом Республики Узбекистан // Вестник Конституционного Суда Республики Узбекистан. 1999. Вып. 3. С. 91–94.

РУ, статью 86 Гражданского-процессуального кодекса РУ и статью 47 Хозяйственно-процессуального кодекса РУ в части ответственности эксперта за уклонение от дачи заключения; об устраниении несоответствия между статьями 53, 54 и 257 Кодекса РУ об административной ответственности; о внесении изменений и дополнений в статью 74 Закона «Об акционерных обществах и защите прав акционеров», на основе которого было отменено положение закона, предусматривающее необходимость нотариального удостоверения доверенности на голосование на общем собрании акционеров от имени юридического лица, и т.д.

История конституционного нормоконтроля в *Украине* начинается с внесения в Конституцию Украинской ССР положений, учреждающих республиканский Комитет конституционного надзора, который так и не был сформирован (1989 г.). Однако внесенные уже в следующем году конституционные поправки предусматривали создание нового органа правовой защиты Конституции — Конституционного Суда.

Первый Закон «О Конституционном Суде Украины», определивший порядок формирования Конституционного Суда и его функции, был принят спустя два года после обретения страной независимости (1992 г.). Тем не менее на протяжении последующих четырех лет ввиду причин политического характера — безрезультатных попыток парламента (Верховной Рады) избрать его состав — Суд фактически бездействовал.

Начало деятельности Конституционного Суда связано с принятием действующей Конституции (1996 г.), за которым последовало и принятие в том же году Закона «О Конституционном Суде Украины».

Вплоть до изменения Конституции Украины (2016 г.) граждане, чьи конституционные права нарушены правовыми актами или действиями со стороны государственной власти либо отдельных должностных лиц, могли реализовать свое конституционное право на защиту этих прав в Конституционном Суде Украины лишь при посредничестве Президента Украины, народных депутатов Украины, Уполномоченного Верховной Рады Украины по правам человека. Такая возможность была гарантирована статьей 40 Конституции Украины, предусматривающей право на индивидуальные или коллективные обращения в органы государственной власти, которые обязаны рассмотреть такие обращения и предоставить

обоснованный ответ в установленный законом срок. Порядок реализации этого конституционного права определялся Законом Украины «Об обращениях граждан» от 2 октября 1996 г.⁶⁵ От граждан требовалось подтверждение фактов неоднозначного применения судами или другими органами государственной власти одного и того же положения Конституции или закона Украины (при одинаковых юридических обстоятельствах). Обычно субъектами обращения прилагались судебные решения, взятые из Единого государственного реестра судебных решений.

В связи с этим в национальной доктрине, в том числе и самими судьями Конституционного Суда, высказывалось мнение, что процедура конституционных обращений (опосредованное обращение в Конституционный Суд частных заявителей) относительно толкования положений Конституции и законов Украины по мотивам нарушения или возможного в будущем нарушения конституционных прав и свобод обладает определенными плюсами в сопоставлении с процедурой конституционной жалобы (непосредственное обращение в Конституционный Суд частных заявителей). В частности, указывалось на то, что конституционное обращение должно быть принято к рассмотрению, даже если права ходатайствующего еще не нарушены. Кроме того, обращалось внимание на то, что если решения по конституционным жалобам носят казуальный характер, т.е. касаются только субъекта обращения, то решения по конституционным обращениям могут касаться широкого круга лиц и являются обязательными к исполнению органами государственной власти и местного самоуправления. Отмечалось также, что граждане имеют право обращаться в Конституционный Суд опосредованно через уполномоченные органы, например Уполномоченного Верховной Рады Украины по правам человека. Подобная процедура исключает возможность попадания в Конституционный Суд обращений, подготовленных ненадлежащим образом, в том числе без достаточной аргументации неконституционности оспариваемого нормативного правового акта (или его отдельного положения)⁶⁶. В процессе толкования положений законов Конституционный Суд может признать

⁶⁵ Гультай М. Особенности индивидуального доступа к конституционному правосудию в Украине и перспективы его усовершенствования // Конституционное правосудие: вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2013. № 2.

⁶⁶ Вдовиченко С. Л. Принцип верховенства права в деятельности Конституционного Суда Украины // Роль органов конституционного контроля в обеспечении верховенства права в нормотворчестве и правоприменении. Минск: СтройМедиаПроект, 2017.

положения законодательства, которые подлежат толкованию, неконституционными и тем самым фактически реализовать право граждан на конституционную жалобу.

К основаниям возбуждения конституционного судопроизводства о соответствии норм законодательства Конституции относилось также возникновение у судей, рассматривающих конкретное дело, сомнений в конституционности актов, подлежащих применению. В подобных случаях производство по делу должно приостанавливаться, а дело, в случае принятия его к рассмотрению Конституционным Судом, разрешаться безотлагательно.

К типичным для конституционного нормоконтроля Украины методам принадлежит нередко встречающееся в его решениях указание о возобновлении действия предыдущей редакции норм проверенного акта (при условии ее конституционности). Данный механизм применяется с 2008 г., а целесообразность его использования аргументируется каждый раз в соответствующем решении. Основной мотив: от признания нормативного правового акта или его отдельных положений неконституционными и возможного вследствие этого образования правового пробела не должны пострадать конституционные права и свободы.

Изменения, внесенные в Конституцию Украины в 2016 г., закрепили ряд новых институтов и механизмов конституционной юрисдикции.

Во-первых, отныне суды Украины обязаны руководствоваться принципом верховенства права, а не только законом, что предполагает при разрешении того или иного дела применение не только законов, но и иных источников права (общих принципов права, прецедентов, обычаяев и др.). Во-вторых, предусматривается институт конституционной жалобы граждан, позволяющий оспаривать неконституционные положения законов и других актов в случае нарушения конституционных прав. В соответствии со статьей 151.1 Конституции Украины Конституционный Суд решает вопрос о соответствии Конституции (конституционности) закона Украины по конституционной жалобе лица, считающего, что примененный при принятии окончательного судебного решения по его делу закон Украины противоречит Конституции Украины. Конституционная жалоба может быть подана в случае, если все другие национальные средства правовой защиты исчерпаны.

Таким образом, Конституционный Суд выполняет функции как предварительного, так и последующего контроля.

Вместе с тем толкование законов из полномочий Конституционного Суда исключено, не будучи передано иному органу государственной власти.

В связи с названными конституционными новеллами был принят новый Закон «О Конституционном Суде Украины» (2017 г.). Он внес существенные изменения институционального плана (отныне в составе органа конституционного контроля действуют Большая палата, два сената и шесть коллегий).

Были расширены и нормоконтрольные полномочия Конституционного Суда. Теперь к ним относится решение вопросов о соответствии Конституции Украины (конституционности) законов Украины и других правовых актов Верховной Рады Украины, актов Президента Украины, актов Кабинета Министров Украины; решение вопросов о соответствии Конституции Украины (конституционности) законов Украины (их отдельных положений) по конституционной жалобе лица, считающего, что примененный в конечном судебном решении в его деле закон Украины противоречит Конституции Украины (статья 7). В соответствии со статьей 55 Закона субъектом конституционной жалобы может быть любое физическое или юридическое лицо (за исключением юридических лиц публичного права).

Таким образом вводится ранее отсутствовавший институт конституционной жалобы, призванный, очевидно, уравновесить изъятое у Суда правомочие толковать законы. Впрочем, у Суда есть возможность, признав сам закон конституционным, указать на его ошибочное толкование правоприменителем, т.е. выявить конституционный смысл, фактически осуществив акт толкования. Субъектами такой жалобы могут быть как юридические, так и физические лица; предметом обжалования являются законы Украины; в качестве обязательного условия допустимости обращения устанавливается исчерпание всех национальных средств правовой защиты и трехмесячный срок с момента предполагаемого нарушения конституционного права.

В связи с введением конституционной жалобы были внесены изменения в процессуальные кодексы в целях уточнения оснований пересмотра дела по вновь открывшимся обстоятельствам. Согласно им по вновь открывшимся обстоятельствам дело может

быть пересмотрено, если Конституционный Суд установил неконституционность закона Украины или другого акта (их отдельных положений), представил официальное толкование положений Конституции Украины, отличное от того, как их применил суд при решении дела.

Кроме того, на Конституционный Суд возложены: официальное толкование Конституции; предоставление по обращению Президента, или не менее 45 народных депутатов Украины, или Кабинета Министров заключений о соответствии Конституции действующих международных договоров Украины или тех международных договоров, которые вносятся в Верховную Раду для дачи согласия на их обязательность; предоставление по обращению Президента или не менее 45 народных депутатов Украины заключений о соответствии Конституции (конституционности) вопросов, предлагаемых для вынесения на всеукраинский референдум по народной инициативе; предоставление по обращению Верховной Рады заключения о соблюдении конституционной процедуры расследования и рассмотрения дела об устраниении Президента с поста в порядке импичмента; предоставление по обращению Верховной Рады заключения о соответствии законопроекта о внесении изменений в Конституцию требованиям статей 157 и 158 Конституции.

В последнем случае имеется в виду законопроект о внесении изменений в Конституцию, который должен отвечать конституционно установленным условиям, как формальным, так и содержательным)⁶⁷. Ранее Конституционным Судом была отнесена к своей юрисдикции оценка посредством предварительного (превентивного) контроля соответствия конституционным требованиям законопроектов о внесении изменений в Основной закон государства (решение от 9 июня 1998 г.). Это обосновывалось тем, что, не ограничивая полномочий парламента вносить изменения в Конституцию, Конституционный Суд обязан обеспечить конституционность их реализации, поскольку это является одной из главных гарантий стабильности Основного закона⁶⁸. Впоследствии из конституционного положения относительно того, что юрисдикция судов

⁶⁷ Баулин Ю. В. Изменения в Конституцию Украины как способ обеспечения стабильности провозглашенных ею основ украинской государственности // Вестник Конституционного совета Республики Казахстан. 2016. № 29.

⁶⁸ Головин А. С. Конституционный контроль как форма защиты прав и свобод человека и гражданина на Украине // Конституционный контроль. М.: Норма, 2012.

распространяется на все правоотношения, возникающие в государстве, а также с учетом того, что законодатель не выделяет нормативные правовые акты, не подлежащие последующему конституционному контролю, не исключая и законы о внесении изменений в Конституцию, Конституционный Суд вывел свою прерогативу осуществления последующего конституционного контроля законов о внесении изменений в Конституцию Украины, но исключительно на предмет соблюдения конституционной процедуры их принятия, рассмотрения и вступления в силу (решение от 26 июня 2008 г.). Данная позиция мотивировалась, в частности, тем, что отсутствие судебного контроля над конституционной процедурой рассмотрения и принятия таких законов может иметь следствием ограничение или упразднение прав и свобод человека и гражданина, ликвидацию независимости или нарушение территориальной целостности, а также изменение конституционного строя способом, не предусмотренным Основным законом государства. В связи с этим укажем и на другую правовую позицию Конституционного Суда, согласно которой наличие его заключения о соответствии законопроекта требованиям Конституции является обязательным условием для рассмотрения данного законопроекта на пленарном заседании парламента. Тем самым подлежащим предварительному нормоконтролю оказывается не только законопроект в целом, но и все поправки, внесенные в него в процессе рассмотрения.

Завершая сюжет о современном состоянии украинского нормоконтроля, упомянем о не имеющем аналогов в конституционно-контрольном опыте других государств — участников МПА СНГ и, вероятнее всего, не только в нем, новшестве, вводимом новым Законом 2017 г. При Конституционном Суде Украины учреждается — «в целях оказания экспертной помощи» — институт специального советника. Для этого Конституционный Суд может запросить судью в отставке иностранного органа конституционной юрисдикции или представителя международной правительственной организации, в уставные задачи которой входит конституционно-правовая проблематика. Примечательно, что обеспечение деятельности специального советника предполагается осуществлять «за счет международной технической помощи или международных организаций»⁶⁹.

⁶⁹ «Забезпечення діяльності спеціального радника здійснюється за рахунок міжнародної технічної допомоги або міжнародних організацій» (раздел IV, пункт 3).

Конституционный нормоконтроль в контексте разделения властей

Разделение властей — необходимое противоядие от злоупотребления властью, непременный атрибут правового государства. Конституционный

нормоконтроль не только охраняет Конституцию, но и легитимирует самое себя через защиту принципа разделения властей, удержания публичных властей в границах конституционно установленной компетенции. С другой стороны, конституционный контроль сам пребывает в рамках разделения властей (обычно институционально принадлежа к судебной власти).

Институт конституционного контроля предполагает отделение учредительной власти от учреждаемых властных институтов и одновременно является гарантом такого отделения. Учредительная власть, непосредственным образом выражая народный суверенитет, вырабатывает и провозглашает учредительный акт (Конституцию), но напрямую не участвует, за исключением референдумов, ни в законодательстве, ни в управлении, ни в управлении правосудия. В свой черед, органы государственной власти, даже взятые во всей их совокупности, не могут ни заменить суверена, ни реализовывать какие бы то ни было учредительные функции, и в частности не могут изменять учредительный акт, т.е. Конституцию.

Как убеждает почти вековой опыт его существования, централизованный конституционный контроль, как никакой другой институт, дисциплинирует публичную власть, сдерживая авторитарные угрозы, гнездящиеся и в самой сути исполнительной власти, и в доктрине верховенства парламента, и в идее народного суверенитета как таковой.

Появлению континентальной модели конституционного контроля предшествовали глубинные изменения коллективного политического сознания. Возобладало принципиально новое представление о Конституции как совокупности системно связанных между собой ключевых норм, которыми в том числе ограничивается воля парламентского большинства.

В свете этого понимания, предопределившего задачи, разрешаемые конституционным контролем, его деятельность прежде всего связана с недопущением превышения полномочий законодательной властью.

Органы конституционного контроля обретают все большее сходство с действующим латентно и *ad hoc*, но на постоянной основе «конституционным собранием». Расхожий тезис о том, что конституционный контроль своим толкованием лишь адаптирует конституционный текст к современности, но не выходит за пределы воли его создателей, является скорее фикцией, чем неопровергимой презумпцией, которой в условиях конституционализма (в качестве господствующего политico-правового режима и преобладающей идеологической парадигмы) легитимируются полномочия конституанты *sui generis*⁷⁰. Однако сказывается ли все это на легитимности института конституционного контроля? Очевидно, нет.

Дело в том, что, в отличие от всенародно избираемых органов публичной власти, легитимация органов централизованного конституционного контроля вообще и конституционных судов в частности проистекает не столько из их происхождения, сколько из их предназначения. Усилиями этих органов основные права и свободы становятся недосягаемыми для тирании большинства, вне зависимости от того, каким именно органом публичной власти, парламентом или главой государства, эта тирания репрезентируется. И пока порядок создания органов конституционного нормоконтроля, а также их процедуры не порождают сомнений в их соответствии названному выше предназначению, из «антимажоритарности» этих институтов не следует ни их «антидемократичность», ни их меньшая легитимность в сравнении с всенародно избранными парламентами и главами государств.

В силу сказанного предоставление частным лицам возможности через обращение в органы конституционного контроля корректировать результаты деятельности парламентского большинства не означает противопоставления институтов конституционного

⁷⁰ В связи с этим важен вопрос о действии решений органов конституционного нормоконтроля, истолковывающих те или иные конституционные положения. Казалось бы, принцип правовой определенности, равно как и интересы стабильного развития правовой системы, диктует выбор в пользу действия *ex tunc* (*pro futuro*). Однако безусловный отказ от обратной силы означал бы, что сначала конституционное положение имело одно значение, но обрело иное после вынесения содержащего истолкование решения. Иными словами, полный отказ от действия *ex tunc* свидетельствовал бы о превышении органом конституционного нормоконтроля своей компетенции, об узурпации им учредительной власти. Избежать названных противоречий в данном случае позволяет сочетание презумпции постоянства смысла конституционных положений, который не устанавливается, но лишь выявляется в процессе истолкования, с прерогативой органа конституционного нормоконтроля устанавливать *порядок применения* этого истолкования, как правило, с учетом требований правовой определенности, но в отдельных случаях допускающий также и ретроактивность.

правосудия и народного представительства. Это — два равноправных и взаимодополняющих компонента современного механизма народовластия. Орган конституционного контроля, защищая ценности, закрепленные в Конституции как учредительном акте, обеспечивает правовое представительство интересов народа. Именно в конституционно-контрольной практике реализуется самообязывание народа (например, закрепленное в преамбуле Конституции Российской Федерации понимание народа как исторического субъекта, образованного непрерывной сменяемостью поколений), которым ограничиваются в том числе и прерогативы парламента. В частности, самообязывание к уважению памяти предков и ответственности перед будущими поколениями с необходимостью исключает идею верховенства парламента, его непогрешимости.

В то же время органы конституционного контроля государств — участников МПА СНГ, очищая правовое поле от неконституционного регулирования, не склонны трактовать конституционный нормоконтроль лишь в качестве арбитра в спорах исключительно между гражданином и властью. Воспринимая себя прежде всего защитниками Конституции, они отстаивают — в том числе и перед самим государством (!) — публичный интерес, к которому не могут не принадлежать конституционные ценности. И именно усилиями конституционно-контрольной практики во многом поддерживается крайне необходимое в эпоху глобализации равновесие между восприимчивостью национальной правовой системы к внешним воздействиям и ее устойчивостью, способностью оградить национальный публичный порядок. Тот самый порядок, который выбирает в себя и гарантии прав человека.

Каково же с учетом сказанного место органов конституционного контроля в системе публичной власти на современном этапе?

Отметим, что уже первые читатели труда Монтескье обращали внимание на то, что теоретические построения, лежащие в основе учения о разделенных властях, далеко не во всем могут быть реализованы полностью и далеко не всегда стыкаются с тем эмпирическим материалом, на который ссылался автор.

В наши дни в свете концепций *good governance*, *soft power*, *actor-network theory* осуществимость модели разделения властей становится еще более проблематичной. Вместе с тем принцип разделения властей сохраняет свою важность и для теории конституционализма, и для правовой государственности в целом.

Как с учетом указанных обстоятельств следует определить то место, которое занимают в XXI столетии в системе публичной власти органы конституционного контроля?

Едва ли не с Платона политическая мысль обдумывает идею рационально действующей власти, способной и к постановке вынятых целей, обусловленных потребностями социума, и к продуманному выбору средств для достижения таких целей, и к их последовательному применению.

Самым масштабным проявлением таких раздумий стала в эпоху модерна модель бюрократического господства, предложенная основоположником политической социологии Максом Вебером.

Но уже Платон столкнулся с ключевой проблемой антропологического свойства. Ведь осуществление власти, которая должна быть компетентной и дальновидной, лежит на людях — существах, легко становящихся рабами своих страстей и пороков. Интеллектуальные и эмоциональные изъяны властующих неминуемо подрывают рациональность власти.

В качестве возможного противоядия обычно предлагались либо институциональные, либо нормативные ограничители. Так, например, в платоновском «Государстве» рисуются строй жестко-иерархический, на грани кастовости; меры по надлежащему воспитанию будущих правителей и поддержанию их в требуемом тонусе. Затем, разуверившись в действенности чисто институциональных противовесов человеческой природе, Платон в «Законах» делает ставку на противовесы нормативные, полагая, что дискрецию властующих должен ограничивать закон.

Этот не слишком богатый выбор актуален и по сию пору.

В сущности, теории «публичного менеджмента», «должного государственного администрирования», «хорошего правительства», «благого управления» предлагают — на общей базе рационально организованной власти — различные комбинации институциональных и нормативных ее ограничителей. В том числе это относится к призывающим к ним концепциям «умного правительства», увязывающим инструменты и ресурсы, коммуникации и технологии, неведомые ранее и появившиеся с наступлением цифровой эры, с задачами дальнейшей демократизации государственного управления.

Увлечение кажущимися бескрайними диджитальными возможностями вполне понятно. Но вместе с тем важно не утратить *aurea mediocritas*, как ее именовали римляне. Золотой середины. Свойства

небесполезного и становящегося бесценным, когда речь заходит о проведении в жизнь каких-либо крупных социально-политических проектов.

Применительно же к рассматриваемому сюжету это означает трезвое сознание безуспешности попыток, предпринимаемых под флагом борьбы с произволом, исключения дискреции из сферы публичной власти. Это будет либо красивая, но совершенно нежизнеспособная утопия, претворение которой, фатально обессиливая публичные институты, неминуемо завершает анархия и усмиряющая ее диктатура. Либо антиутопия, где — на общем фоне дегуманизации управления публичных функций, отчуждения и энтропии — будет править бал неявная, но оттого еще более бесконтрольная власть могущественных «смарт-управляющих», обладателей кодов и скриптов.

С другой стороны, вряд ли нуждается в сколько-нибудь развернутых аргументах обоснование непригодности для многосложного публичного обихода наших дней «ручного управления». Самонадеянный волюнтаризм, какими бы благопожеланиями он ни вдохновлялся, в условиях современной государственности — гибелен.

А потому достойная XXI столетия рациональная организация публичной власти, предполагая на ее нижних и средних уровнях поступательное наращивание ограничителей институциональных (разделение властей и работающих механизмов общего и специального, судебного и административного контроля) и нормативных (незыблемая субординация применяемых актов по их юридической силе, разветвленная сеть административных регламентов, детализованное техническое регулирование), нуждается и даже требует дискреции на ее высшем уровне. И тем самым антимония «благое правление — дискреция», казалось бы, неразрешимая, оказывается преодоленной, снятой.

Здесь очень важно определить тот сегмент высшей публичной власти, которому можно было бы это доверить. Думается, что в этом вопросе следует полагаться на критерий функции (достижению каких целей служит дискреция?) и критерий баланса (предотвращается ли возможный ущерб от применения дискреции достигаемым благом?).

При этом первоочередной дискреционной защите должны подлежать базовые ценности и принципы; публично-властный институт, осуществляющий такую защиту должен быть наделен в этих целях обширной дискрецией, а для избежания злоупотреблений этот институт должен быть не вовлечен в дела текущего управления

и текущего же правоприменения; он также должен быть представлен лишь высшим органом власти (чтобы исключить возможность делегации дискреции нижестоящим и соподчиненным ему органам).

Очевидно, что с учетом этих соображений, существенно смягчающих оппозицию «благое правление vs дискреция», должно определяться место органов конституционного контроля в условиях современной государственности вообще и в странах Межпарламентской Ассамблеи СНГ в частности.

Таким образом, место, занимаемое в системе разделения властей, определяет содержание *компетенции органов конституционного контроля*. Их мандат — совокупность полномочий, которыми они наделены, — имеет строго целевое назначение, будучи выдан для охраны Конституции, неприкосновенности провозглашенных в ней ценностей.

Преодоление методами конституционного контроля акта представительной демократии не всегда встречается с пониманием. Особенно тогда, когда решением затрагивается тот или иной обостренно воспринимаемый широкими кругами общественности вопрос. В качестве примера можно привести постановление Конституционного Суда России о применимости смертной казни. Тем не менее, несмотря на неблагоприятное восприятие его обществом, решение состоялось, и теперь в России никто не может быть казнен.

В этих обстоятельствах особое значение приобретает соблюдение конституционной юстицией пределов своей компетенции.

Об осознании органами конституционного контроля этих границ свидетельствует присутствующее во многих их решениях указание на неподведомственность им тех или иных требующих законодательного урегулирования вопросов.

В частности, при осуществлении контроля за законодательством Конституционный Суд России исходит из *принципа конституционной сдержанности*. Следование этому принципу предполагает в том числе воздержание от использования тех принадлежащих ему полномочий, которые могли бы войти в определенное противоречие с принципом разделения властей. Так, чтобы избежать возможности в будущем ситуации «судьи в своем деле», он не считает возможным использовать право законодательной инициативы. В связи с этим мотивированная часть его решений иногда включает конституционно значимые как для законодателя, так и для иных субъектов права законодательной инициативы ориентиры. В частности, соображениями

конституционной сдержанности продиктован и отказ от прерогативы обращения с ежегодными посланиями к Федеральному Собранию. Для информирования о состоянии конституционной законности и высказывания соображений о желательных направлениях совершенствования отдельных компонентов правовой системы используется более емкий формат «Информации Конституционного Суда», которая обнародуются раз в два года и обращена к более широкой аудитории. В целом, сознавая, что активизм, проявляемый органами конституционного контроля, посягает на принципы разделения властей, стабильности правового регулирования, а также правовой определенности и в конечном итоге делегитимирует эффект конституционного нормоконтроля как такового, Конституционный Суд России следует принципу конституционной сдержанности. В частности, на известное самоограничение направленна сама методология оценки оспариваемой нормы, основанная на презумпции конституционности, когда изначально объект проверки (закон, законоположение, норма) признается конституционным, и только в ходе последующего рассмотрения может быть установлено иное. Однако подобное самоограничение не распространяется на ситуацию, когда затрагиваются основные права и свободы.

При этом сегодня перед действующим в общих рамках правовой системы конституционным нормоконтролем стоит задача не только адекватной оценки рассматриваемой нормы, но и недопущения дисфункций вследствие принятых в отношении этой нормы решений. На авансцену выходит выявление конституционного смысла во имя баланса конституционных ценностей и их верного выражения в контексте конкретной подвергшейся рассмотрению ситуации.

И если раньше урегулирование всех последствий объявления нормативного акта неконституционным не только де-юре, но и де-факто возлагалось на орган, издавший этот акт, то теперь конституционные суды, не скрывая заинтересованности в надлежащем исполнении своих вердиктов, принимают опосредованное участие — в лице своих секретариатов, контактирующих и с парламентом, и с целым рядом исполнительных ведомств, — в выработке необходимого дополнительного регулирования, а также отслеживают проведение этих мер в жизнь.

С учетом того, что именно суд окончательно разрешает спор о праве, судебная власть играет определяющую роль в защите прав

и свобод. За исключением Республики Казахстан, во всех государствах — участниках МПА СНГ конституционный нормоконтроль осуществляют судебные органы, по преимуществу специальные, в Кыргызской Республике — специализированное подразделение Верховного Суда. Отсюда встает немаловажный вопрос об *осуществлении ими правотворческих функций*, если не номинально, то, во всяком случае, фактически.

Введение конституционного нормоконтроля, преимущественно осуществляемого судебной властью, серьезным образом повлияло на ее соотношение с политической системой, способствовав повышению политической значимости этой ветви власти. Суды вправе в ходе рассмотрения конкретного дела констатировать наличие конституционного вопроса. Таким образом, они становятся неотъемлемой частью общего процесса контроля за конституционностью законов, невзирая на то, что данная функция отведена специализированному органу.

Как свидетельствует мировой опыт, правотворчество высших судов реализуется через новое толкование существующих правовых норм с последующим приобретением ими признака общеобязательности.

Сегодня имеются достаточно веские основания для сомнений относительно резонности жесткого разделения современных правовых систем по сугубо формальным критериям и основывающегося на таковом разделении тезиса о недопустимости признания решений высших судебных инстанций источниками права.

Все более усиливающееся сближение англосаксонской и европейско-континентальной правовых семей ведет к проникновению в российскую правовую систему прецедентных начал и тем самым к существенному изменению представлений об источниках права.

Притом что существует профильная правотворческая власть — законодательная, а для других ветвей государственной власти правотворчество не является основным занятием, тем не менее правотворчество является собой универсальный вид юридической деятельности, свойственный органам публичной власти как таковым.

Для России процесс подобной конвергенции принял необратимый характер после утверждения конституционного правосудия и ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Правовые позиции Конституционного Суда РФ, а также транслируемые в его решениях позиции ЕСПЧ знаменуют появление среди

источников права новой категории (отчасти к этой категории призывают и постановления пленумов Верховного Суда РФ).

Выступая гарантом отделения учредительной власти от учреждаемых властных институтов, конституционный нормоконтроль гарантирует каждой ветви власти отсутствие посягательств со стороны иной ветви. В том числе им оберегается конституционно установленная независимость судебной власти. Тем самым органы конституционного нормоконтроля, сами принадлежа, как правило, к судебной системе, вносят немалую лепту в обеспечение подлинной самостоятельности судебной власти.

Успешное решение задач, стоящих перед конституционным нормоконтролем, возможно лишь при условии прочной независимости судов, достигаемой в том числе посредством надежных институциональных гарантий, уменьшающих влияние на судей со стороны иных властных структур и «политического большинства» в целом.

В частности, порядок формирования органов конституционного контроля не должен блокировать решимость членов этих органов противостоять антидемократическим трансформациям конституционных институтов; не должен побуждать их обосновывать не предусмотренные Конституцией действия *ultra vires*, оправдывая таковые соображениями единства и преемственности публичной власти, политической стабильности и т.д.

Ослабление гарантий независимости отрицательно оказывается на легитимности конституционного контроля. Например, там, где назначение судьями высших судов происходит сугубо парламентским образом, конституционное правосудие обычно не расходится в своих подходах — слишком сильно или слишком долго — со взглядами политического большинства, контролирующего представительный орган. Там, где судьи назначаются, а не избираются, попытки субъектов, от которых зависит подобное назначение, пересмотреть свой конституционный статус (например, посредством изменения избирательного законодательства) могут не встретить преграды в лице конституционного суда.

Будучи изначально призваны исправлять ошибки законодательной и отчасти исполнительной власти, конституционные суды все более вовлекаются в контроль за конституционностью судебной практики (прежде всего высших судебных инстанций). При этом снижается роль обращений, подаваемых в рамках конституционного

судопроизводства в защиту интересов неопределенного круга лиц (*actio popularis*) — там, где на это неуправомочены частные лица. Эта тенденция обусловлена как сужением законодательно закрепленного перечня субъектов, обладающих правом на обращение в порядке абстрактного нормоконтроля, так и низкой активностью субъектов, включенных в этот перечень.

Если ранее едва ли не единственной задачей органов конституционного контроля была оценка того, в какой степени проверяемый закон отражает конституцию, то теперь все чаще на них возлагается выяснение того, насколько конституционно не только нормативное регулирование, но и правоприменение.

Совершающийся переход от модели «народной жалобы» к модели «персональной жалобы» (вплоть до института полной конституционной жалобы) порой не вызывает известную напряженность между конституционной юстицией, с одной стороны, и иными судами, с другой стороны, усматривающими в происходящем не только сокращение своей компетенции, но и превращение конституционных судов в высшую по отношении к ним инстанцию.

Следует подчеркнуть, что в государствах — участниках МПА СНГ отсутствует какая-либо субординация высших судов между собой. В этих условиях противоречивость правоприменения, ослабляя действие принципа правовой определенности и иных конституционных принципов, не содействует укреплению авторитета ни одного из формирующих это правоприменение судов, включая и конституционные. Ввиду этого поддержание конституционной законности, требуя конституционности судебной практики, в том числе ее единобразия, нуждается в тщательном разграничении компетенции между конституционными судами и судами иных юрисдикций как в части нормоконтроля, так и в части индивидуальных право-применительных последствий принимаемых конституционными судами решений.

Как ни парадоксально, но в определенной степени причиной создания обособленных конституционных судов в континентальной Европе стало недоверие общества к судам общей юрисдикции, которые общественное мнение прочно связывало с режимами, чей уход в историческое небытие знаменовало принятие конституций, ограничивающих всевластие традиционных правителей.

Времена меняются. И ныне ординарные суды (общей юрисдикции, арбитражные) в случае возникновения сомнений при рассмотрении

конкретного дела относительно конституционности подлежащей применению нормы вправе обратиться с запросом в орган конституционного нормоконтроля. Таким образом, суды становятся институционально связанными с действием общего механизма конституционного нормоконтроля.

Конституционные суды выступают важным каналом передачи передовых доктринальных взглядов судебному сообществу. В частности, благодаря тому, что в континентальной модели членами органов конституционного нормоконтроля, и в том числе судьями конституционных судов, часто являются видные представители академической юриспруденции. С другой стороны, ориентиры конституционного правоприменения, обозначаемые в решениях органов конституционного нормоконтроля, должны быть когнитивно доступны их основным адресатам — судам, а также административным право-применителям. Эта доступность восприятия должна охватывать не только содержание правовых позиций, но и применяемые методы и юридико-технические приемы. В данном аспекте серьезный вклад вносят представители юридической науки государств — участников МПА СНГ — через обобщение конституционной практики, через раскрытие потенциала отдельных решений органа конституционного контроля, через анализ проявления конституционных ценностей и принципов в конкретных правоотношениях.

Глава 2

Механизм конституционного нормоконтроля. Опыт Российской Федерации

Институт индивидуальной конституционной жалобы

Действующее в государствах — участниках МПА СНГ законодательство не предусматривает институт так называемой народной жалобы (*actio popularis*), т.е. права обращения граждан в общественных интересах в тех случаях, когда их конституционные права не были нарушены обжалуемым законодательным актом. Порядок рассмотрения обращений органами конституционного нормоконтроля государств — участников МПА СНГ также существенно отличается от так называемой полной конституционной жалобы, известной ряду европейских стран (Австрия, ФРГ, Испания, Словакия, Чехия). Граждане не могут обжаловать в порядке конституционного судопроизводства нарушение своих прав и свобод судебными решениями и иными правоприменительными актами. Тем не менее выявление конституционно-правового смысла нормы позволяет корректировать правоприменительную практику и способствует в необходимых случаях пересмотру ранее вынесенных судебных решений.

Рассмотрим на примере Российской Федерации механизмы конституционного нормоконтроля и прежде всего действие такого их основополагающего элемента, как институт индивидуальной конституционной жалобы.

В соответствии со статьей 125 Конституции РФ конституционный нормоконтроль осуществляет самостоятельный орган — Конституционный Суд⁷¹.

По запросам уполномоченных органов публичной власти и лиц, замещающих государственные должности, он разрешает дела о соответствии Конституции федеральных нормативных правовых актов и актов субъектов Федерации, договоров между органами

⁷¹ Помимо функций нормоконтроля в полномочия Конституционного Суда также входит разрешение споров о компетенции между органами государственной власти, осуществление официального толкования Конституции, принятие заключения о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения главы государства в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления, разрешение вопроса о возможности исполнения решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека, проверка на соответствие Конституции вопроса, выносимого на общегосударственный референдум.

государственной власти, не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации (абстрактный нормоконтроль). Кроме того, по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан им проверяется конституционность закона, примененного в конкретном деле, и по запросам судов проверяется конституционность закона, подлежащего применению в конкретном деле (конкретный нормоконтроль).

Рассмотрение жалоб граждан и их объединений, а также смежных с этим институтом обращений, равным образом служащих защите прав частных лиц в связи с конкретным делом (запросы судов, жалобы уполномоченных должностных лиц), является главным инструментом воздействия института конституционного нормоконтроля на нормотворчество и правоприменение в области регулирования и защиты конституционных прав и свобод.

В общем виде право на обращение с жалобой, рассматриваемой в порядке конкретного конституционного нормоконтроля, закреплено Конституцией (часть 4 статьи 125). Детальное регулирование осуществляется специальным законодательным актом — Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации» (далее — ФКЗ). Правом на обращение наделены в первую очередь граждане и их объединения, чьи права и свободы нарушаются нормативным актом (законом), примененным в конкретном деле.

Кроме того, правом на обращение с жалобой в Конституционный Суд РФ для защиты конституционных прав и свобод законом, примененным или подлежащим применению в конкретном деле, наделены Генеральный прокурор РФ (пункт 6 статьи 35 ФЗ РФ «О Прокуратуре Российской Федерации») и Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации (подпункт 5 пункта 1 статьи 29 ФКЗ РФ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»). Согласие самого гражданина (объединения) для такого обращения не требуется. И если Генеральный прокурор пользуется своим правом на обращение для направления жалобы сравнительно редко, то Уполномоченный по правам человека проявляет относительно большую активность.

Повышение эффективности конституционного судопроизводства тесно связано с совершенствованием процедуры рассмотрения индивидуальных и коллективных жалоб.

Благодаря внесенным в последние годы изменениям появилась возможность рассмотрения определенной категории жалоб без

проведения слушаний. Для этого Конституционный Суд должен прийти к выводу, во-первых, о том, что вопрос о конституционности оспариваемого акта может быть разрешен на основании правовых позиций, уже им сформулированных и содержащихся в ранее принятых постановлениях, и, во-вторых, что проведение слушания не является необходимым для обеспечения прав заявителя. На новую форму разбирательства распространяются все основные принципы конституционного судопроизводства, включая состязательность и равноправие сторон. При этом заявитель может подать ходатайство с возражением против применения такой процедуры.

Было устранено действовавшее ранее ограничение рассмотрения дел без проведения слушаний — условие о том, что оспариваемые положения нормативного правового акта должны быть *аналогичны* нормам, ранее признанным не соответствующими постановлением Конституционного Суда. Впрочем, и до того он обладал довольно широким диапазоном усмотрения при установлении «аналогичности» (через соотнесение содержания оспариваемого нормативного правового акта либо его отдельных положений со своими ранее сформулированными правовыми позициями, имеющими принципиальное значение для оценки оспариваемой нормы).

Расширение судейской дисcretionии при отнесении тех или иных дел к категории рассматриваемых без проведения слушаний, содействуя процессуальной экономии, значительно увеличило, образно выражаясь, «пропускную способность» органа конституционного контроля. А это означает как гораздо большую, чем прежде, защищенность прав индивидуальных и коллективных заявителей, так и более полное исправление нормотворческих и правоприменительных изъянов, что, в свою очередь, усиливает резонанс, оказываемый деятельностью конституционного правосудия на публично-властные институты, гражданское общество и на политическую систему в целом.

На соблюдение конституционно установленного права на судебную защиту индивидуальных и коллективных заявителей направлены также новеллы, вступившие в силу с лета прошлого года. Речь идет о возможности направлять жалобы в электронном виде посредством заполнения специальной формы на официальном сайте Конституционного Суда, а также в форме электронного документа, подписанного электронной подписью. В случае направления обращения в электронном виде прилагаемые к нему документы и иные

материалы также представляются в электронном виде; приложения копий обращения, документов и иных материалов не требуется. На расширении доступа к конституционному правосудию такое применение современных технологий должно отразиться самым благоприятным образом.

На данном этапе в развитии института жалобы, рассматриваемой в порядке конституционного судопроизводства, прослеживаются две тенденции.

Первая заключается в расширении возможностей защиты конституционных прав и свобод. Институт индивидуальных и коллективных жалоб содействует выявлению органом конституционного нормоконтроля «новых», т.е. не обозначенных текстуально в Конституции, прав и их последующей защите. Так, например, было признано право на осуществление местного самоуправления в качестве реализуемого на основе Конституции коллективного права территориальных объединений граждан.

Вторая тенденция связана с оптимизацией порядка принятия жалоб к рассмотрению: установление требований, которые, не препятствуя реализации права на обращение, сокращали бы количество необоснованных обращений и исключали бы превращение органом конституционного нормоконтроля из экстраординарной в дополнительную апелляционную инстанцию.

Ключевым в этом отношении является критерий допустимости жалобы. В последние годы в законодательные положения, определяющие основания допустимости, был внесен ряд важных изменений. В России граждане и их объединения вправе обращаться в Конституционный Суд с жалобой на нарушение своих прав законом, примененным в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в суде. Ранее же существовала возможность обжаловать любое, а не только судебное применение закона, а также оспорить закон, подлежащий применению.

Впоследствии был установлен дополнительный критерий допустимости: жалоба должна быть подана в срок не позднее одного года после рассмотрения в суде конкретного дела, в котором был применен оспариваемый закон. Окончанием рассмотрения дела, от которого берет отсчет устанавливаемый годичный срок, является дата вступления в законную силу судебного приговора (решения). Будучи нацелено на упрочение правовой стабильности, данное ограничение способствует соблюдению фундаментального принципа правовой определенности.

Новое регулирование, конкретизируя конституционные положения относительно индивидуальных и коллективных жалоб, гармонизирует распределение компетенции между конституционным правосудием и судами иных юрисдикций. На характер конституционного контроля оказывает прямое влияние статус и компетенция органа, осуществляющего контроль; процедуры, которым он следует; круг лиц, способных обратиться с запросом или с жалобой. Эти три показателя могут варьироваться и сочетаться в самых разных комбинациях.

Устойчивый рост обращений от частных заявителей свидетельствует не просто о безусловной востребованности института конституционного нормоконтроля, но и о том, что именно эта функция из всех, осуществляемых органами конституционного контроля, является ведущей.

Многолетний опыт рассмотрения Конституционным Судом жалоб граждан и вынесенные в порядке конкретного нормоконтроля постановления дают основание утверждать, что указанный нормоконтроль, осуществляемый Конституционным Судом, во-первых, способствует лучшему раскрытию содержания конституционных прав и свобод граждан; во-вторых, является эффективным механизмом, с помощью которого Конституционный Суд РФ в состоянии ориентировать действия судебной, исполнительной и законодательной властей в любом вопросе, касающемся регулирования, защиты и реализации основных прав.

Около 90% решений Конституционного Суда РФ принято именно по жалобам физических лиц.

В соответствии с Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации» (статьи 96, 97) правом на обращение в Конституционный Суд с индивидуальной или коллективной жалобой на нарушение конституционных прав и свобод обладают граждане, чьи права и свободы нарушаются законом, примененным в конкретном деле, и объединения граждан, а также иные органы и лица, указанные в федеральном законе.

В 2014 г. был установлен дополнительный критерий допустимости: жалоба в Конституционный Суд РФ должна быть подана в срок не позднее одного года после рассмотрения в суде конкретного дела, в котором был применен оспариваемый закон. Окончанием рассмотрения дела, от которого берет отсчет устанавливаемый годичный срок, является дата вступления в законную силу судебного приговора

(решения). Данное ограничение направлено на обеспечение фундаментального принципа правовой определенности.

При этом конкретным в данном контексте является дело, в связи с которым судом в рамках юрисдикционной или иной процедуры и на основе норм соответствующего закона разрешен вопрос, затрагивающий права и свободы заявителя, а также устанавливаются и (или) исследуются фактические обстоятельства. Под судами понимаются только суды, включенные в судебную систему Российской Федерации; к ним не относятся органы медиации, третейские суды, международные арбитражи, а также квазисудебные органы исполнительной власти (например, Палата по патентным спорам). Рассмотрение дела признается завершенным при условии вступления решения (приговора) суда в законную силу. Этот факт подтверждается заявителем путем приложения к жалобе копии официального документа, подтверждающего применение оспариваемого закона при разрешении его конкретного дела.

Конституционно-судебная практика оказывает на все аспекты конституционного обжалования весьма ощутимое воздействие.

Так, за счет актов, номинально не являющихся законами, был расширен круг нормативных документов, которые вправе обжаловать частные заявители. Например, была признана допустимой проверка конституционности постановления Государственной Думы Федерального Собрания РФ об амнистии, поскольку оно по своему материально-правовому содержанию может быть приравнено к закону, а также с учетом того обстоятельства, что в судебной практике акты об амнистии признаются имеющими для судов такую же юридическую силу, которой обладают нормы закона (постановление от 5 июля 2001 г. № 11-П). Была также обоснована допустимость оспаривания конституционности как федерального закона, так и нормативного акта, принятого Правительством РФ, если имеет место прямая нормативная связь данного акта с проверяемым федеральным законом и если эти акты применены или подлежат применению в конкретном деле в неразрывном единстве (постановления от 27 января 2004 г. № 1-П, от 14 мая 2009 г. № 8-П).

Помимо расширительного понимания круга объектов конституционной проверки, раскрытию потенциала российской модели конституционной жалобы способствует неуклонное расширение круга субъектов, наделенных правом обращения. Так, Конституционный Суд РФ пришел к выводу, что закон не предусматривает

какие-либо специальные требования к правовому статусу гражданина-заявителя с точки зрения дееспособности (постановление от 27 февраля 2009 г. № 4-П).

Кроме того, Конституционный Суд РФ исходит из того, что под гражданами, обладающими таким правом, необходимо понимать не только собственно граждан Российской Федерации, но также иностранных граждан и лиц без гражданства (разумеется, за исключением особо оговоренных конституционными положениями случаев). Далее, достаточно широко толкуется понятие «объединение граждан» как субъекта права на обращение с конституционной жалобой. Таковыми, в частности, признаются: религиозные объединения; акционерные общества, товарищества и общества с ограниченной ответственностью; государственные предприятия; муниципальные образования. При этом названные объединения правомочны использовать конституционную жалобу как для защиты основных прав своих членов, так и для защиты прав собственно объединения.

Повышение эффективности конституционного судопроизводства тесно связано с совершенствованием процедуры рассмотрения индивидуальных и коллективных жалоб.

Помимо того, жалоба признается недопустимой также, если: заявитель обратился не в связи с нарушением его конституционных прав и свобод, а в защиту определенным образом понимаемого им общественного интереса; если заявитель ставит вопрос о проверке конституционности конституционных положений; если заявитель ставит вопрос о проверке соответствия норм одного федерального закона нормам другого федерального закона; если заявитель ставит вопрос об обжаловании незаконных действий государственных органов; если заявитель ставит вопрос о правильности выбора и применения правовой нормы при рассмотрении конкретного дела судом общей юрисдикции.

Несмотря на то что справедливое судебное разбирательство, безусловно, принадлежит к конституционным ценностям, в процедурах конституционного нормоконтроля ввиду гораздо более активной роли суда принцип состязательности проявляется в меньшей мере в сравнении, например, с гражданским или арбитражным процессами.

Определенные проблемы возникают в связи с обжалованием отмененной (утратившей силу) нормы. По общему правилу не принимаются к рассмотрению жалобы на отмененный или утративший

силу закон, так как отмена дефектного законодательного акта самим законодателем защищает конституционные права граждан не менее эффективно, как и признание нормы не соответствующей Конституции.

Однако юрисдикция Конституционного Суда РФ в ее темпоральном аспекте по самой природе этого органа нормоконтроля охватывает все законоположения, вне зависимости от их формальной отмены и фактической утраты силы, воздействие которых на право-применительную практику ведет к нарушению конституционных прав. Поэтому проверка отмененных либо фактически утративших свою силу законов возможна, когда они продолжают применяться в правоотношениях, возникших в период их действия. Распространение конституционной защиты на ультраактивные нормы способствует реализации как конституционного права на судебную защиту (статья 46 Конституции), так и конвенционного права на справедливое судебное разбирательство (статья 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод). Своим решением Конституционный Суд определяет права и обязанности субъектов дляящихся правоотношений, порожденных нормативным актом, который отменен (утратил силу) на момент обращения заявителя в Конституционный Суд РФ. При этом, исходя из поддержания баланса конституционных ценностей, он, оценивая конституционность ультраактивной нормы, по-разному определяет участь такого рода дляящихся правоотношений, признавая или не признавая продолжение их действия.

Порядок рассмотрения индивидуальных и коллективных жалоб предусматривает предварительную стадию, где ведущая роль отведена Секретариату Конституционного Суда РФ. На него возложена оценка содержания поступившей жалобы на соответствие требованиям подведомственности и допустимости. В случае если обращение явно не подведомственно Конституционному Суду, Секретариат Конституционного Суда может направить его в государственные органы или организации, компетентные решать поставленные в нем вопросы. Секретариат Конституционного Суда уведомляет заявителя о несоответствии его обращения установленным законом требованиям. Заявитель вправе потребовать принятия Конституционным Судом РФ решения по этому вопросу.

В целом многолетний опыт рассмотрения Конституционным Судом РФ индивидуальных и коллективных жалоб частных заявителей, а также связанных с конкретными делами обращений иных

управомоченных субъектов дает основание утверждать, что данный вид нормоконтроля, отвечая стандартам конституционной юстиции, способствует в российских условиях не только более полной защите конституционных прав и свобод, но и более полному раскрытию их содержания.

Дефекты конституционности и методы нормоконтроля

актам; во-вторых, что права человека и основные свободы определяют содержание всего нормативного регулирования.

В условиях континентальной модели (а к ней, как известно, принадлежат правовые системы государств Содружества) именно от нормотворческой деятельности во многом зависит благополучие национальной правовой системы в целом.

Допускаемые законодателем различного рода дефекты нормотворчества (недостатки систематизации, фрагментарность, коллизионность, юридико-технические недочеты) оборачиваются в конечном счете неконституционностью как нормативного регулирования, так и правоприменения.

В немалом количестве случаев несовместимые с конституционными предписаниями нормотворческие дефекты, которые выявляются в ходе конституционного нормоконтроля, обусловлены не столько принципиальной позицией законодателя, пусть и идущей вразрез с конституционными императивами, сколько недоработками юридико-технического характера, допускаемыми на стадиях законопроектирования, а также парламентского обсуждения. Именно эти недочеты законодательных актов, как показывает опыт, нередко вызывают грубые нарушения прав и свобод, гарантированных как Конституцией, так и Европейской конвенцией, осложняют право-применение, способствуя разномасштабным отступлениям от конституционной законности: такие нормотворческие дефекты, как логическая сбивчивость, непоследовательность структуры законодательных актов, затрудняющая их системное толкование; отсутствие системности регулирования, проявляющееся в несогласованности законодательных массивов, принадлежащих различным отраслям права, но регулирующим одни и те же объекты; взаимная противоречивость нормативных положений.

Верховенство права предполагает, во-первых, главенство правового закона по отношению к иным нормативным

Помимо создания предпосылок для ущемления субъективных прав, пробелы и иные дефекты законодательства нередко провоцируют различного рода коррупционные проявления.

Применение плохо отредактированных законоположений, таящих в себе неопределенность либо несогласованность нормативного регулирования, приводит, в частности, к значительному снижению общественной поддержки действий государственной власти, даже тогда, когда таковые отвечают публичным интересам.

Принятие отягощенных нормотворческими дефектами законодательных актов ведет к тому, что верховенство закона прекращает быть равнозначно верховенству права, но, наоборот, начинает ему препятствовать. Дефектная норма перестает быть составным элементом правовой государственности.

Единственно возможным легитимным противовесом институтам представительной демократии в случаях, когда те не отвечают своему назначению, является конституционное правосудие, удерживающее законодателя в пределах правового поля. Восстановлению верховенства права служат дисквалификация дефектной нормы либо пресечение неконституционного правоприменения посредством выявления конституционного смысла соответствующей нормы.

Конституционный нормоконтроль призван обеспечивать соответствие действующего законодательства Конституции.

Наибольшую опасность представляют нормотворческие дефекты, влекущие за собой неконституционность законоположений либо применение их в неконституционном смысле.

Допускающий такого рода недостатки, порождающие противоречие между принимаемым законодательным актом и конституционными предписаниями, законодатель выходит за пределы своих полномочий и, действуя *ultra vires*, становится нарушителем конституционной законности.

Следует отметить, что, так как конкретным законоположением (по причине присутствующего в нем дефекта нормотворчества), как правило, нарушается целая совокупность конституционных принципов ввиду существующей между ними системной связи, нередко нормы, ставшие предметом конституционно-контрольного рассмотрения, содержат в себе признаки нескольких нормотворческих дефектов.

Так, дефектом, порождающим несоответствие нормативного регулирования конституционным установлениям, является его

пробельность — формальное и фактическое (по критерию эффективности) отсутствие должного нормативного упорядочения общественных отношений, нуждающихся в этом с точки зрения требований защиты конституционных ценностей и реализации конституционных принципов, либо неурегулированность отдельных, материальных или процедурных, компонентов, значимых для поддержания конституционной законности правоотношения. К этому дефекту, в частности, относится отсутствие нормативно установленных механизмов защиты прав, например, когда, введение законоположений, устанавливающих новые ограничения прав граждан, не подкрепляется установлением переходных положений или не учитываются особенности развития отдельных правоотношений во времени (отсутствуют сокращенные сроки обжалования и рассмотрения дел), что препятствует своевременной защите прав и свобод и т. д.

Другим, также вызывающим неконституционность регулирования, дефектом является *неопределенность регулирования* (размытость терминологии, нечеткость правореализационных механизмов, в том числе финансовых гарантий, и т. д.). Первопричиной нарушений конституционной законности, устанавливаемых решениями органов конституционного контроля, нередко являются допущенные законодателем отступления от принципа формальной определенности. Расплывчатость используемых в законах понятий и определений подрывает единство правоприменения. От точности терминов, которыми оперирует законодатель, не в последнюю очередь зависит адекватное понимание, толкование и исполнение законодательного акта. Между тем многие законы, подвергнутые конституционной проверке, нуждаются в конкретизации, детализации, а иногда и в коренном обновлении используемых в них понятий. С другой стороны, одной из причин неопределенности регулирования являются дефекты темпоральности, нарушающие принципы действия правовых норм во времени (например, введение правоограничительных мер без установления срока их действия либо бессрочно). К существенным изъянам законодательных актов, ставших предметом конституционно-судебного рассмотрения, принадлежит неопределенность возлагаемых на субъектов правоотношений обязанностей (имеющая место нередко в сочетании с неопределенностью распределения между ними ответственности), в частности, при регламентации финансирования социальных обязательств. Допуская противоречивое истолкование и произвольное

применение соответствующих норм, подобные дефекты ослабляют недвусмысленность нормативного упорядочения значимых с точки зрения поддержания конституционной законности правоотношений и их отдельных компонентов. Неопределенность содержания правовой нормы, допуская возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения, ведет к произволу, а значит, к нарушению не только принципов равенства и верховенства закона, но и установленных гарантий государственной защиты прав, свобод и законных интересов граждан, включая судебную защиту.

Под *несогласованностью регулирования* понимаются иные, вызванные недостаточной юридико-технической проработкой, дефекты нормотворчества, не относящиеся к первым двум группам и порождающие противоречия между нормами одной отрасли (внутренняя несогласованность) либо между нормами, принадлежащими к разным отраслям (внешняя несогласованность). Одним из наиболее частых примеров несогласованности регулирования является закрепление в законодательстве произвольных критериев дифференциации, влекущих необоснованные различия в правовом статусе принадлежащих к одной и той же категории субъектов и сообщающих нормативному регулированию признаки дискриминационности. Использование сугубо формальных критериев дифференциации, приобретающих в право-применительной практике характер препятствия в реализации прав граждан, создает необоснованные различия между лицами, фактически относящимися к одной категории (такова, например, необоснованность различий для граждан в зависимости от органа, в котором они были приняты на учет нуждающихся в оказании меры социальной поддержки). В других случаях к несогласованности нормативного регулирования ведет необоснованная либо, напротив, недостаточная дифференциация мер юридической ответственности. В частности, повышение размеров административных наказаний осуществляется без развития способов, позволяющих индивидуализировать наказание: установления правил о назначении наказания ниже низшего предела санкций, введения квалифицированных составов правонарушений и т. п. В целом несогласованность законоположений внутри одного и того же нормативного акта, конфликт между нормами, принадлежащими к различным отраслям права, множественные противоречия между общими и специальными законами открывают широкий простор для неоднозначного истолкования и, следовательно, произвольного применения правовых норм.

Специфические инструменты, которыми располагает орган конституционного контроля, позволяют ему не только выявить дефекты нормотворчества, но и преодолеть их. Так, пробельность регулирования преодолевается посредством «приращения» нормативного материала с помощью его конституционного истолкования. Неопределенность регулирования преодолевается посредством уточнения нормативного содержание проверяемого законоположения, а также выявления системных связей между ним и иными элементами нормативного массива. Несогласованность регулирования, влекущая коллизионность, т. е. внутреннюю конфликтность между несколькими нормами, принадлежащими одной отрасли права или разным отраслям и регулирующими одни и те же правоотношения, преодолевается через установление баланса содержащихся в данных нормах конституционных ценностей, а также выявление иерархических зависимостей между несогласованными между собой нормами (правовыми институтами). Кроме того, это формулирование правовых позиций, определяющих способы преодоления пробельности в процессе подзаконного нормотворчества и правоприменительной деятельности (прямое применение конституционных норм; применение аналогии закона; прямое применение норм международно-правовых актов; «указное» нормотворчество). Но все же окончательное устранение данных дефектов, принадлежа к прерогативам законодателя, составляет его прямую и непреложную обязанность.

Так, например, анализ поступающих в Конституционный Суд РФ жалоб показывает: отнюдь не все требующие нормативного упорядочения отношения охватываются действующим в соответствующей сфере регулированием. И хотя Конституционный Суд РФ не наделен специальным полномочием оценивать конституционность законодательных пробелов, но пробельность регулирования нередко сопутствует основному вопросу, рассматриваемому при проверке конституционности нормативного правового акта. В этой связи Конституционный Суд РФ исходит из того, что пробельность закона может являться основанием проверки его конституционности, когда пробел ведет к правоприменению, угрожающему соблюдению конкретных конституционных прав. По результатам оценки влияния законодательного пробела на конституционность регулирования Конституционный Суд РФ вправе предписать законодателю восполнить соответствующим образом имеющий место пробел.

В ряде случаев признание конституционности оспариваемых положений сопряжено с обращенной к законодателю рекомендацией по совершенствованию нормативного регулирования, в том числе посредством устранения его неопределенности и несогласованности, восполнения имеющих место пробелов. При этом, проявляя уважение к принципу разделения властей, Конституционный Суд РФ в ряде случаев считает целесообразным изложить свои позиции о желательном регулировании в мотивировочной части выносимого им решения, что тем не менее не снимает необходимости их учета законодателем.

Отчасти нормотворческие дефекты восполняются правоприменительной, прежде всего судебно-арбитражной, практикой через толкование пробельных норм в процессе разрешения конкретных споров. Кроме того, судебная практика нередко способствует инициированию внесения изменений в дефектные законодательные акты. Тем не менее судебное толкование далеко не во всех случаях способно предотвратить нарушение конституционных прав, поводом для которого явились те или иные просчеты законодателя. Конституционность правоприменения в существенной степени определяется именно качеством нормотворчества.

Так как повышение качества вновь принимаемых законов способно очевидно благоприятным образом повлиять на решение многих проблем правоприменения, мониторинг правоприменения целесообразно осуществлять в тесной связи с мониторингом нормотворчества. Проведение при создании новых норм, а также при законодательном уточнении содержания норм уже действующих высокопрофессиональной, а не служащей преимущественно лоббистским интересам правовой экспертизы позволяет существенно сократить нежелательные — и с точки зрения защиты конституционных прав, и с точки зрения поддержания на должной высоте авторитета парламента — ситуации, требующие вмешательства конституционного правосудия.

В целом совершенствование законодательства и улучшение качества нормотворчества требуют, во-первых, своевременно и в полном объеме исполнять решения органа конституционного контроля, в которых выявляются дефекты нормативного регулирования и указываются пути их устранения, и, во-вторых, в текущей законопроектной деятельности тщательно учитывать все сформулированные этим органом правовые позиции.

Сама по себе дисквалификация неконституционного нормативного акта (признание его не имеющим юридической силы ввиду противоречия Конституции) не ведет автоматически к совершенствованию законодательства. Более того, в отдельных случаях такая дисквалификация способствует появлению в правовом регулировании нежелательных пробелов. Чтобы избежать этого, органы конституционного контроля все чаще становятся *интерпретаторами законодательства во взаимосвязи с практикой его применения*, блокируя своими решениями не собственно рассмотренную ими норму, но ее неконституционный смысл и обращаясь при этом непосредственно к правоприменителю.

Даже в тех сравнительно нечастых случаях, когда норма целиком признается неконституционной, в решении до внесения необходимых изменений в законодательство может быть установлено *временное регулирование*. Тем самым сегодняшний конституционный нормоконтроль переносит центр тяжести с того, что некогда было названо Гансом Кельзеном «негативным законотворчеством», на более тонкую настройку правовой системы — корректировку правоприменения. С макроуровня на микроуровень правовой системы.

В последнее десятилетие наблюдается устойчивая тенденция конституционно-контрольной практики: избегать «конституционной нуллификации» проверяемого законоположения, в случае если имеется какая-либо возможность очистить его официальное толкование от всего, что не укладывается в рамки Конституции.

Так, Конституционный Суд России обязан принимать решения, оценивая не только буквальный смысл рассматриваемого акта, но также и значение, придаваемое ему *официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой*, а также исходя из его места в системе правовых актов, включая международные договоры Российской Федерации, которые являются составной частью ее правовой системы.

Порой недостаточная четкость формулировки нормы, позволяя правоприменительным органам толковать ее излишне ограниченно или, напротив, чрезмерно расширенno, создает препятствия для реализации конституционных прав. В других ситуациях правоприменительная практика, вне зависимости от дефектов, заложенных в норме, интерпретирует ее необоснованно широко или узко, также осложняя осуществление конституционных прав. В обоих случаях

исправлению правоприменения способствует выявление конституционного смысла соответствующей нормы.

Осуществляя защиту основ конституционного строя, прав и свобод граждан и обеспечивая верховенство Конституции, органы конституционного контроля все реже проявляют себя в роли «негативного законодателя». Их решения все реже сводятся к простой дискалификации проверяемых законоположений и, наоборот, все чаще признают отступление от требований Конституции вызванным не собственно законом, но его правоприменительной интерпретацией. Так, например, воздерживаясь от вердикта о неконституционности соответствующей нормы, Конституционный Суд России выявляет ее действительный конституционно-правовой смысл, становящийся с момента вступления решения в силу общеобязательным.

Иначе говоря, закон признается условно соответствующим Конституции, при этом к правоприменителю обращается требование применять (либо не применять) данное законоположение определенным образом. Содержащееся в решении Конституционного Суда понимание подвергшейся проверке нормы исключает любое иное ее истолкование в правоприменительной практике. Использование *метода выявления конституционно-правового смысла* предотвращает как появление лакун в нормативном регулировании, так и непосредственное вторжение — происходящее при установлении органом конституционного контроля временного порядка регулирования — в компетенции иной ветви государственной власти.

Существенное значение имеет *соотношение между видами решений органа конституционного контроля, устанавливаемыми конституционно-процессуальным законодательством, и формулировками, непосредственно используемыми в резолютивной части таких решений*.

В частности, в Российской Федерации закон предусматривает три вида решений, принимаемых по итогам осуществленного нормоконтроля (статья 87 ФКЗ о КС):

- 1) о признании объекта проверки в целом либо отдельных его положений соответствующим Конституции РФ;
- 2) о признании объекта проверки в целом либо отдельных его положений соответствующими Конституции РФ в данном КС РФ истолковании (далее — выявление смысла);
- 3) о признании объекта проверки в целом либо отдельных его положений не соответствующими Конституции РФ (далее — дискалификация, полная или частичная).

В практике Секретариата Конституционного Суда РФ при разработке заключений о необходимости дополнительного нормативного регулирования (составляются в целях надлежащего исполнения принимаемых Судом решений) возник вопрос: к какому виду решений следует относить признание нормы не соответствующей Конституции с обозначением ограничительных условий установленного несоответствия («не соответствует Конституции поскольку, постольку...»).

В пользу того, что в данном случае имеет место именно выявление конституционно-правового смысла, свидетельствуют как теоретико-методологические, так и догматические доводы.

Негативное выявление смысла восходит к апофатической теологии (познание божественного, основанное на так называемом отрицательном подобии). Своими истоками данный метод интерпретации восходит к философии Платона (см., например, «Тимей») и таких неоплатоников, как Альбин-Алкиной («Учебник Платоновой философии») и Плотин («Эннеады»). В христианском богословии он укоренился благодаря трудам Тертулиана («Апологетик») и Климента Александрийского («Строматы»). У позднейших богословов появляется аферетическая разновидность этого метода, т. е. абстрагирование, отсечение всего лишнего и несущественного (Псевдо-Дионисий Ареопагит «О мистическом богословии»; Иоанн Дамаскин «Точное изложение христианской веры»; Григорий Палама «Сто пятьдесят глав»; Николай Кузанский «Об ученом незнании»). Метод негативной интерпретации был воспринят и рядом крупнейших представителей современной философии (Людвиг Витгенштейн «Логико-философский трактат»).

Осуществляя конституционно-правовую оценку оспариваемых законоположений, Конституционный Суд РФ использует в резолютивной части своих решений конструкции двух типов.

1. Конструкции, содержащие признаки лишь одной из выше-приведенных законодательно установленных разновидностей:

1.1. Выявление смысла (объект проверки «соответствует Конституции поскольку, постольку...»);

1.2. Полная дисквалификация (объект проверки, акт или его часть, признается не соответствующим Конституции; на законодателя возлагается устранение выявленного дефекта; в резолютивной части не поясняется, в каком именно смысле законоположение не отвечает требованиям Конституции);

1.3. Признание объекта проверки соответствующим Конституции (ввиду отсутствия в правовой системе РФ института аутентичного толкования законов функционально играет ту же роль; встречается реже всего).

2. Конструкции, сочетающие в себе признаки нескольких законодательно установленных разновидностей:

2.1. Частичная дисквалификация нормы, когда дисквалификация и выявление смысла сопряжены одной формулировкой (объект проверки «не соответствует Конституции поскольку, постольку...»);

2.2. Сложная конструкция конституционно-правовой оценки одной нормы: частичная дисквалификация нормы в сочетании с выявлением смысла (норма «не соответствует Конституции поскольку, постольку...» и вместе с тем «соответствует Конституции поскольку, постольку...»);

2.3. Сочетание дисквалификации (полной, частичной) и выявления смысла при конституционно-правовой оценке нескольких законоположений: часть проверенных норм дисквалифицируется, тогда как у другой части выявляется конституционно-правовой смысл.

Во всех случаях, когда Конституционный Суд РФ, принимая решение в форме постановления и признавая тем самым наличие значимой конституционно-правовой проблемы, не прибегает к простой дисквалификации оспоренной нормы (т. е. к безусловному исключению ее из регулятивного механизма), но указывает, в какой мере рассмотренная норма не соответствует Конституции либо — в какой мере она ей соответствует, *ipso facto* происходит выявление конституционно-правового смысла.

При этом конструкции второго типа вполне отвечают предписаниям законодательства (статья 87 ФКЗ о КС) и Регламенту Конституционного Суда (параграф 72), поскольку лишь по-разному комбинируют компоненты базовых, установленных законом, разновидностей.

Используемые в подобных решениях обороты «(не) соответствует в той мере, в какой...» либо «(не) соответствует поскольку, постольку...» маркируют выявляемые Судом смыслы, учет которых обязателен как для законодателя, так и для правоприменителя.

Раскрывая причины частичной дисквалификации нормы (по какому-либо содержательному аспекту — по кругу субъектов, кругу объектов, территориальному, временному признакам, в зависимости от иных обстоятельств и т. д.), Конституционный Суд РФ тем самым

разъясняет условия сохранения нормой конституционности и способы преодоления выявленного дефекта конституционности.

Таким образом, частичная дисквалификация нормы всегда сопряжена с выявлением ее смысла. Причем речь идет не только о методологическом приеме, неотъемлемо принадлежащим арсеналу конституционного правосудия, но именно о законодательно определенном понятии «выявление смысла». И в большинстве случаев такое выявление смысла призвано ориентировать не только законодателя, но и правоприменителя.

Констатация «частичной неконституционности» (негативная интерпретация), равно как «частичной конституционности» (позитивная интерпретация), указывая на соответствие нормы Конституции в необходимом, исключающем неконституционность, смысле, вместе с тем обращает внимание на риски неконституционного понимания и применения такой нормы.

Выбор же между конструкциями «частичной неконституционности» и «частичной конституционности» обуславливается во многом тем, чьи усилия — законодателя или правоприменителя — полагаются Судом первостепенными для исправления выявленного дефекта. Конструкция «частичной неконституционности» предполагает, что окончательное преодоление дефекта возможно лишь при изменении действующего регулирования в русле высказанных Судом правовых позиций. Отчего резолютивная часть решения, содержащего подобную конструкцию, включает обычно предписание законодателю предпринять должные меры. Но и в случаях негативной интерпретации решения Конституционного Суда РФ нередко предусматривают порядок исполнения, который носит временный, т. е. до принятия мер законодательного реагирования, характер. Эти указания адресуются напрямую правоприменителю. Впрочем, и конструкция «частичной конституционности» не исключает обращенные к законодателю предписания (например, постановление № 24-П 2017 г.).

Подвергшиеся дисквалификации законоположения не могут применяться (часть 4 статьи 87 ФКЗ о КС), а до внесения изменений применяется Конституция (часть 4 статьи 79 ФКЗ о КС). Помогая выявить конституционно-правовой смысл рассматриваемой нормы, конструкция «частичной неконституционности» позволяет тем самым избежать появления в регулятивном механизме нежелательных лакун. Нормы, подвергшиеся частичной дисквалификации, должны применяться с учетом высказанных Судом правовых

позиций. Частичная дисквалификация одновременно сигнализирует о необходимости законодательной коррекции и, выявляя конституционно-правовой смысл, позволяет правоприменителю действовать в соответствии с обозначенными Судом подходами, даже не дожидаясь реакции законодателя.

Таким образом, обращение к конструкциям второго типа, в том числе к частичной дисквалификации нормы, позволяет органу конституционного контроля, не выходя за пределы его компетенции, применять с учетом особенностей конкретных правоотношений наиболее действенные меры по устраниению дефектов конституционности, включая непосредственную правоприменительную реализацию своих решений.

Значительную роль в методологии конституционного контроля играет тщательное *выявление нормативного смысла принципов*, которые либо непосредственно содержатся в конституционных текстах (например, в Конституции РФ это принципы правового и социального государства; принцип народовластия; принцип верховенства Конституции и федеральных законов; принцип разделения властей; принципы идеологического и политического многообразия; принцип самостоятельности местного самоуправления; принцип равенства перед законом и судом; принцип запрета обратной силы закона, устанавливающего или отягчающего ответственность и др.), либо, будучи имплицитно заложены в тексте Основного закона, выводятся путем системного анализа взаимосвязанных положений (например, в Конституции РФ это принцип уважения достоинства личности во взаимоотношениях с государством; принцип добросовестности участников правоотношений; принцип поддержания доверия граждан к закону, правосудию и действиям государства; принцип правовой определенности и разумной стабильности правового регулирования; принцип пропорциональности допустимых законодательных ограничений прав и свобод человека и гражданина).

Обращение к конституционным принципам позволяет органам конституционного контроля выразить свое понимание смысла права, отстаивать конституционные ценности от натиска далеко не всегда благоприятной нормативной и правоприменительной среды. Эти принципы, отражающие узловые связи и ценностные соотношения, присутствующие в правовой системе, можно образно уподобить отблескам пламени на стене платоновской пещеры.

Выступая в качестве универсальных критериев, эти принципы незаменимы при проверке конституционности оспариваемых законоположений, в том числе по смыслу, придаваемому данным нормам правоприменительной практикой.

Раскрывая в своих правовых позициях содержание конституционных принципов, органы конституционного контроля способствуют их уяснению и усвоению нормотворцами и правоприменителями. Тем самым снижается риск неконституционных проявлений со стороны публичной власти в соответствующих сферах.

В этой связи, в частности, Конституционный Суд России в своих решениях последовательно разъясняет, что реализация принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, вытекающего из конституционно закрепленных требований, подразумевает ответственность законодателя за качество принимаемых решений, обеспечение присущей природе законодательных актов стабильности правового регулирования, недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему правовых норм, надлежащее гарантирование прав и законных интересов субъектов дляящихся правоотношений в случае внесения изменений в условия их реализации, предоставление гражданам и их объединениям адекватных временных и иных возможностей для адаптации к изменившимся нормативным условиям приобретения и реализации соответствующих прав и свобод; при этом значение данного принципа не сводится лишь к сфере собственно законодательного регулирования, а в полной мере распространяется и на действия государства, связанные с заключением и исполнением международных договоров.

Отсутствие ясности в порядке применения правовой нормы создает возможность ее произвольного толкования, в связи с чем основной задачей, лежащей на *правовой определенности* — в качестве конституционного принципа, отстаиваемого посредством конституционного контроля — является защита от произвола, от различного рода дискриминационных проявлений.

Несмотря на отсутствие какой-либо нормативной закрепленности, принцип правовой определенности применяется органами конституционного контроля в качестве одной из непременных составляющих принципа верховенства права, в том числе с учетом высказанных в этой связи межгосударственными органами по правам человека.

В конституционно-контрольной практике с принципом правовой определенности соотносится критерий формальной определенности,

отмечается связь между ним и категорией «разумности» правового регулирования

В плане поддержания надлежащей правовой определенности немалую сложность и вместе с тем особое значение представляет преодоление коллизий, вызванных теми или иными дефектами конституционности и возникающих между такими проявлениями данного принципа как стабильность правового регулирования и неопровергимость вступивших в законную силу судебных решений.

Одной из существенных гарантий защиты прав человека является соблюдение принципа правовой определенности. Так, сознавая всю важность проведения данного принципа в нормотворческой и правоприменительной практике, Конституционный Суд РФ оценил конституционность положений пункта 1 статьи 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», допускающих временное применение международных договоров Российской Федерации, затрагивающих права, свободы и обязанности человека и гражданина и устанавливающих при этом иные правила, чем предусмотренные законом, до их вступления в силу без официального опубликования для всеобщего сведения (постановление от 27 марта 2012 г. № 8-П). Конституционный Суд признал оспариваемое законоположение не противоречащим Конституции, поскольку оно не предполагает возможности применения такого международного договора (или части международного договора) в Российской Федерации без его официального опубликования. В связи с этим любые временно применяемые международные договоры Российской Федерации, которые затрагивают права, свободы и обязанности человека и гражданина и устанавливают при этом иные правила, чем предусмотренные законом, не могут применяться далее, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения.

Отметим, что интенсивность жалоб на то или иное законоположение, как правило, свидетельствует о порождаемой им правовой неопределенности. Так, например, первоначальное принятие Конституционным Судом РФ отказных определений по жалобам на ту или иную норму, не исключает — в случае значительного количества обращений, поступающих на протяжении продолжительного времени — проверки соответствующей нормы с вынесением итогового решения.

Принципом юридического равенства обусловливается необходимость формальной определенности, точности, ясности,

недвусмысленности правовых норм и их согласованности в системе действующего правового регулирования, поскольку юридическое равенство может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания и толкования правовой нормы. Законоположения, не отвечающие указанным критериям, порождают противоречивую правоприменительную практику, создают возможность их неоднозначного истолкования и произвольного применения и тем самым нарушают конституционные гарантии государственной, в том числе судебной, защиты прав, свобод и законных интересов граждан, включая реализуемые в процедурах уголовного преследования за совершение преступления.

К базовым принципам *правового регулирования общественных отношений в практике конституционного контроля* относятся принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства; принцип правовой определенности и разумной стабильности правового регулирования; принцип предсказуемости законодательной политики.

Правовое регулирование, направленное против возможных злоупотреблений в соответствующей области должно отвечать принципам юридической ответственности в публично-правовой сфере, в том числе принципу соразмерности наказания характеру совершенного деяния.

Принципы презумпции невиновности и виновной ответственности, т. е. наличия вины как необходимого элемента субъективной стороны состава правонарушения (и, следовательно, основания привлечения к юридической ответственности), конкретизируют проявление общих принципов права при применении государственного принуждения в сфере публичной ответственности не только в уголовном, но и в административном праве, несмотря на меньшую по степени общественной опасности по сравнению с преступлениями значимость административных правонарушений как особого вида публично-правовых деликтов.

Центральное место в системе конституционных принципов занимает принцип *справедливости*. Означая собой общепризнанную или, по крайней мере, разделяемую большинством иерархию различных ценностей, справедливость предстает не только высшей, но и непреходящей ценностью. Тогда как иные ценности, например парламентаризм или политический плюрализм, оказываются лишь ее исторически обусловленными производными. Несоответствие

этой ценности делегитимирует самые безупречные по своей юридической технике и безукоризненные с точки зрения соблюдения порядка и процедуры принятия законы.

В самом широком плане справедливость можно рассматривать как взаимосогласованное существование всех конституционных ценностей. Но это, собственно говоря, и является сверхзадачей конституционного нормоконтроля. Долг тех, кто его осуществляет, — помнить, что право в первую очередь есть щит справедливости.

Обращение конституционно-контрольной практики к *основным парадигмам справедливости* служит обеспечению целостности права.

Ретрибутивная, или воздающая, справедливость предполагает соразмерность действия. Она требует не ответного воздаяния (злом за зло или добром за добро), а предоставления каждому по его достоинству. Именно требования воздающей справедливости лежат в основе признания неотчуждаемых прав человека и недопустимости их произвольного ограничения. Конституционно-контрольная практика обычно утверждает эту модель в уголовном и административном праве.

Распределительная, или дистрибутивная, справедливость предполагает определенную схему распределения между членами социальной группы (общества) каких-либо благ или тягот. Дистрибутивная справедливость предполагает соразмерность в распределении благ, заслуг, обязанностей, статусных позиций, требует, чтобы всякое юридически значимое статусное различие было обоснованным. В конституционно-контрольной практике эта трактовка справедливости широко реализуется в трудовом праве, а также в праве социального обеспечения.

Меновая (коммутативная) парадигма справедливости построена на теории свободных рыночных обменов. Конституционно-контрольная практика способствует утверждению этого подхода к справедливости в наиболее органичных для нее гражданско-правовых отношениях (автономия воли сторон и свобода договора, установление сроков исковой давности как средство обеспечения правовой определенности и т. п.).

При этом принцип справедливости будет обеспечивать целостность правового регулирования и отвечать назначению права только при условии применения названных выше парадигм в соответствующих им сферах. Между тем на волне моды на экономический анализ права у разработчиков законопроектов бывает соблазн применить, например, коммутативную парадигму к социальным отношениям.

Порой эти законопроекты становятся законами, и, будучи оспоренными, доходят до органа конституционного контроля. Только тогда устанавливается как их непримиримое противоречие основам конституционного строя (характеристики государства в том числе как социального), так и вред, наносимый — через покушение на принцип справедливости — целостности правового регулирования.

В отличие от подходов, связываемых с англо-американской традицией, концепция справедливости, отстаиваемая при осуществлении конституционного контроля, не сводит ее преимущественно к процедуре. Справедливость в равной мере является и правовой ценностью, и принципом правового регулирования.

Какие бы правоотношения ни рассматривал орган конституционного контроля, перед ним всегда встают вопросы аксиологического плана. В каждом разрешаемом в ходе конституционно-контрольной деятельности деле так или иначе происходит согласование позитивных правовых установлений с представлениями о благом, справедливом и должном, исповедуемыми большинством членов общества. Особенно выразительно это проявляется применительно к двум ощущимо влияющим на современный конституционный нормоконтроль факторам.

Во-первых, поступательная конституционализация правоотношений, ранее не бывших предметом конституционного регулирования. Современное конституционное право проникает в сферы, совсем не так давно считавшиеся неподверженными публично-правовому воздействию. Правоотношения, некогда не допускавшие вмешательства публичных начал, ныне конституционализируются, подчиняясь публично-правовой регламентации («горизонтальный эффект основных прав», *Dritt wirkung*). Тем самым ценности, транслируемые в решениях органов конституционного контроля, распространяются все дальше и дальше за пределы собственно конституционного права, охватывая в конечном счете все институты и механизмы правовой системы без исключения. Благодаря постоянно смещающемуся разграничению публичного и частного доменов конституционная юрисдикция — почти что по всем характеризующим ее параметрам — находится в динамическом состоянии.

Во-вторых, появление новейшего поколения прав человека (экологических, информационных, репродуктивных). Именно органы конституционного контроля, как правило, раскрывают в своих решениях содержание этих прав. В частности, права на достоверную

информацию о состоянии окружающей среды, включая круг объектов и субъектов этого права, установление должного баланса интересов субъектов хозяйственной и иной деятельности, связанной с воздействием на окружающую среду, и интересов человека и общества в целом, а также конструирование объемов и механизмов ответственности публичной власти за сохранение природы и окружающей среды, за предупреждение и минимизацию экологических рисков.

Аналогичным образом развивается ситуация и в области новейших информационных прав. Именно конституционный нормо-контроль отвечает на вопросы о разграничении публично-правового и частно-правового режима, в рамках которых должно осуществляться право на информацию (к примеру, доступ к социально значимой информации подчинен публично-правовому режиму, однако законодательно установленные критерии отнесения информации к этой категории, как правило, весьма условны); о порядке доступа к информации, связанной с деятельностью хозяйствующих субъектов и степени подчинения информационных прав субъектов экономической деятельности гражданско-правовым нормам и внутрикорпоративному регулированию; о пределах дискреционных возможностей органов публичной власти по установлению ограниченного доступа к информации и конституционно обоснованных лимитов свободного оборота информации, базирующихся на публичном интересе; об осуществлении прав на ознакомление с информацией, непосредственно затрагивающей права и свободы (преимущественно имеющей значение в рамках уголовно-процессуальных правоотношений); о пределах защиты персональных данных в контексте гарантий права на неприкосновенность частной жизни, а также о мере информационной открытости органов публичной власти и т.д.

В целом, будучи основанными на содержащихся в конституциях государств — участников МПА СНГ принципах, *правовые позиции* органов конституционного контроля раскрывают и детализируют содержание обусловленных требований применительно к конкретным правоотношениям и правовым институтам.

Что касается статуса решений органов конституционного контроля, то их характеристики обусловливает прежде всего юридическая природа конституционного нормоконтроля. Отметим, что в теоретической литературе решениям органов конституционного контроля нередко и, думается, вполне обоснованно придаются свойства особого вида источников права, обладающих нормативно-доктринальным

единством с положениями Конституции. Органам конституционного контроля судебного типа эти качества позволяют быть «больше, чем судом» и, как следствие, осуществляя оценку конституционности законоположений, одновременно расширять нормативное содержание конституционных принципов и ценностей.

Как правило, вынесение итогового решения по жалобам частных заявителей, а также по обращениям иных уполномоченных субъектов, подаваемым в связи с рассмотрением конкретного дела, влечет более чем существенные последствия. Со дня опубликования соответствующего постановления признанный неконституционным акт либо отдельная норма применяться не могут; законодатель же обязан своевременно внести требуемые изменения в правовое регулирование. Вместе с тем, стремясь соблюсти баланс конституционно значимых интересов, обеспечить стабильность правоотношений и не допустить нарушения прав и свобод других лиц, орган конституционного контроля иногда в самом решении определяет порядок его исполнения.

Конституционный нормоконтроль и правоприменение

Состояние конституционной законности во многом определяет качество правоприменения. В том числе и потому, что неисполнение судебных решений лишает какого-либо содержания право на справедливый суд, гарантирующий соблюдение всей совокупности конституционных прав. При этом именно эффективность судебных решений трактуется документами авторитетных международных организаций как важнейший показатель верховенства права («Контрольный список вопросов для оценки соблюдения верховенства права» Европейской комиссии за демократию через право, 2016 г.).

Для поддержания конституционной законности первостепенное значение имеет соблюдение в ходе судебного и административного правоприменения конституционно значимых требований во всей их полноте, включая точное следование правовым позициям органов конституционного контроля, а также выполнение иных, содержащихся в его решениях и обращенных к правоприменителю, предписаний.

Положения о правах и свободах, содержащиеся в тексте национальных конституций, будучи предназначены для оценки конкретных ситуаций с точки зрения критериев, характеризующихся достаточной степенью обобщенности (право на жизнь, уважение частной

жизни, справедливое судебное разбирательство и т. д.), обретают свою конкретизацию прежде всего в рамках конституционного нормо-контроля. Защищая центральный элемент системы субъективных прав — конституционные права, он наполняет предметным содержанием конституционные принципы и ценности.

На современном этапе конституционный нормоконтроль в государствах — участниках МПА СНГ более гибко, чем прежде, воздействует на правовую систему, предпочитая простой дисквалификации подвергающихся проверке законоположений корректировку их применения посредством выявления конституционно-правового смысла соответствующих нормоположений.

Все чаще решениями органов конституционного контроля блокируется не оспариваемая норма как таковая, но — путем обращения непосредственно к правоприменителю — ее неконституционный смысл. В тех же случаях, когда норма подвергается дисквалификации, до внесения необходимых изменений в законодательство для обеспечения фундаментального принципа правовой определенности устанавливается порядок вступления решения в силу (равно как порядок, сроки и особенности его исполнения), который может предусматривать в том числе адресованное правоприменителю временное регулирование.

Выявление конституционного смысла норм материального или процессуального права, снимая противоречия, возникающие между правоприменением и требованиями Конституции, формирует единство правового пространства.

В этих условиях объективно возрастает значение взаимодействия конституционного правосудия и правоприменения во всей совокупности характеризующих такое взаимодействие нормативных и институциональных аспектов.

Конституционное равноправие может быть обеспечено лишь при единообразном понимании и толковании правовой нормы всеми правоприменителями. Прежде всего, неоднозначная правоприменительная практика противоречит конституционному принципу равенства, предлагающему одинаковый подход к лицам, находящимся в равных или сходных условиях, и ослабляет гарантии государственной защиты прав, свобод и законных интересов граждан.

Соответствующее Конституции истолкование, которое должны получать законоположения, применяемые в ходе судебной и административной практики, позволяет преодолевать обнаруживающуюся

в конкретных правовых ситуациях неопределенность нормативного регулирования. Тем самым официальное толкование, субъектами которого выступают правоприменительные органы, устраниет или смягчает те или иные недостатки нормативного регулирования.

Согласно позиции Конституционного Суда РФ, когда в право-применительной практике допускается приданье тем или иным законоположениям смысла, влекущего нарушение реализуемых на их основе конституционных прав, возникающий в связи с этим вопрос о соответствии таких законоположений Конституции подлежит разрешению в рамках конституционного судопроизводства, с тем чтобы исключить применение и истолкование данных законоположений в значении, противоречащем конституционным нормам.

Приоритетную роль по отношению к иным видам правоприменения играет правосудие как основной способ разрешения правовых споров на основе независимости и беспристрастности.

Суд осуществляет судебную власть самостоятельно, независимо от чьей бы то ни было воли; судьи как представители судебной власти независимы и подчиняются только Конституции и закону. Судьи реализуют публично-правовые цели правосудия, что предопределяет закрепление особого конституционного статуса судьи, который включает в себя в том числе обязательства соблюдать установленные законом требования и возлагаемые на судью ограничения.

Поскольку в сфере любых правоотношений личность выступает не как объект государственной деятельности, а как полноправный субъект, который может защищать свои права и свободы всеми не запрещенными законом способами и спорить с государством в лице любых его органов, гарантии судебной защиты должны быть достаточными для того, чтобы обеспечить конституционным правам и свободам эффективное и реальное действие, а суды при рассмотрении дел обязаны исследовать фактические обстоятельства по существу, не ограничиваясь установлением формальных условий применения нормы, для того чтобы право на судебную защиту не оказалось ущемленным.

Ситуация, при которой действительная реализация процессуальных гарантий приносится в жертву простоте организационных решений в сфере судоустройства, недопустима. Цели одной только рациональной организации деятельности органов государственной власти, включая судебную, не должны создавать затруднения при реализации прав граждан и никак не могут оправдывать отступление

от закрепленных в Конституции и конкретизированных в процессуальном законодательстве гарантий права на судебную защиту.

Должной определенности в вопросе подсудности служит также установление четкого разграничения судебной компетенции в сфере нормоконтроля. В частности, в Российской Федерации на начальном этапе установления конституционного правопорядка непосредственное применение судами конституционных норм с отказом от применения противоречащих им нормоположений иного уровня наряду с положительными моментами вело к недостаточному разграничению компетенции в сфере судебного нормоконтроля, прямого и косвенного, что усугублялось несовершенством законодательства, определяющего порядок оспаривания региональных законов и актов Правительства РФ. Впоследствии были учтены указания Конституционного Суда РФ относительно того, что соответствующие суды, наделенные полномочиями по осуществлению прямого нормоконтроля, при проверке оспоренных нормативных актов на предмет их соответствия нормативным актам большей юридической силы не вправе вторгаться в компетенцию Конституционного Суда РФ, чьи суждения о конституционности нормативных актов окончательны.

Юридическое значение решений органов конституционного контроля для правоприменения предполагает их общеобязательность, что, в свою очередь, означает своевременность и правильность исполнения. Правоприменительная реализация этих решений выражается в применении содержащихся в них правовых позиций (общие правоприменительные последствия), а также в пересмотре правоприменительных решений, которые были ранее вынесены в отношении заявителей и некоторых иных лиц (индивидуальные правоприменительные последствия).

Органом конституционного контроля может быть установлен временный порядок исполнения принятого им решения, обязывающий правоприменительные органы действовать определенным образом вплоть до внесения в оспоренное правовое регулирование требуемых изменений. Кроме того, может быть установлен особый порядок исполнения путем отсрочки исполнения решения, что может быть обусловлено необходимостью обеспечения стабильности правоотношений в целях недопущения нарушения прав и свобод других лиц при осуществлении прав и свобод человека и гражданина. В таких исключительных случаях, когда в целях соблюдения баланса конституционно значимых интересов в итоговом решении

указывается момент, с которого признанное неконституционным нормоположение утрачивает силу, индивидуальных правоприменительных последствий (пересмотр дела) обычно не возникает. Однако особый порядок исполнения может быть установлен не только в целом, но и в отношении непосредственно заявителя, с отсрочкой пересмотра вынесенных по его делу правоприменительных решений до установления правового регулирования в соответствии с правовыми позициями, выраженными органом конституционного контроля.

В части общих правоприменительных последствий дисквалификация проверенного органом конституционного контроля законо- положения, т. е. признание его неконституционности без выявления конституционно-правового смысла, возлагает на правоприменителя обязательство не применять данную норму либо, если решением органа конституционного контроля установлен временный порядок ее применения, следовать этому порядку вплоть до внесения законодателем необходимых изменений.

К общим правоприменительным последствиям относится также применение законов в точном соответствии с их конституционным смыслом, выявлением органом конституционного контроля. Это означает, что такая норма не должна толковаться каким-либо иным образом и применяться в каком-либо ином смысле, а правоприменительные органы с момента вступления в силу соответствующего решения органа конституционного контроля следовать содержащимся в нем выводам относительно того, соответствует ли Конституции данная норма по смыслу, придаваемому ей правоприменительной практикой.

Как уже отмечалось, решение органа конституционного контроля не может быть пересмотрено другими органами или преодолено путем повторного принятия отвергнутого неконституционного акта либо посредством применения нормативного правового акта в истолковании, расходящемся с его конституционно-правовым смыслом, а также обязывает всех правоприменителей, включая суды общей юрисдикции и арбитражные суды, действовать в соответствии с высказанными органом конституционного контроля правовыми позициями. Данные позиции, раскрывающие содержание конституционных прав, ни при каких условиях не могут быть изменены решением правоприменительного органа, в том числе судом. Иное означало бы, что суд общей юрисдикции или арбитражный суд могут осуществлять истолкование акта, придавая ему иной смысл, нежели

выявленный в результате проверки в конституционном судопроизводстве, и тем самым подменять орган конституционного контроля, чего они делать не вправе.

Решение органа конституционного контроля, которым подтверждается конституционность нормы в данном им истолковании и таким образом исключается любое иное, т. е. неконституционное, ее истолкование и применение, имеет в этой части такие же юридические последствия, как и решение, которым норма признается не соответствующей Конституции, что влечет утрату ею юридической силы, и такую же сферу действия во времени, в пространстве и по кругу лиц, как решения нормотворческого органа, а значит, такое же, как нормативные акты, общее значение, не присущее правоприменительным по своей природе актам судов общей юрисдикции и арбитражных судов.

Выявление конституционно-правового смысла нормы означает приведение правового регулирования, предусмотренного этой нормой, в соответствие с Конституцией, что по правовым последствиям сопоставимо с изменением правовой регламентации отношений, относящихся к предмету регулирования данной нормы и предусмотренных в законоположениях, которые являлись предметом рассмотрения органа конституционного контроля, а также в законоположениях, которые воспроизводят проверенные органом конституционного контроля нормы закона или основаны на них, либо в таких же, как являвшиеся предметом рассмотрения, законоположениях данного или иного нормативного правового акта. Выявленному конституционно-правовому смыслу обязаны следовать правоприменительные органы при принятии к производству обращений граждан, поступивших к ним после вступления в силу решения органа конституционного контроля, содержащего конституционно-правовое истолкование правовой нормы, и основанных на выраженных в нем правовых позициях.

Таким образом, качественное исполнение решений органа конституционного контроля требует от правоприменителя проявления должного внимания к ранее выраженным правовым позициям по аналогичным либо смежным вопросам, что, обеспечивая результативность конституционно-судебной защиты, снижает вероятность новых обращений к органу конституционного контроля.

Очевидно, что в силу принципа правовой определенности суды обязаны руководствоваться правовыми позициями, сформулированными органом конституционного контроля, и в тех случаях, когда

подлежит применению норма, аналогичная признанной неконституционной или получившей конституционное истолкование, либо основанная на ней, либо воспроизведяющая ее. Поскольку же сходство нормы с другой, ранее признанной неконституционной или получившей конституционное истолкование нормой не всегда является безусловно очевидным, заключаясь как в полном тождестве всех элементов регулируемого правоотношения, так и в использовании схожей регулятивной модели в несколько иных правоотношениях, постольку при возникновении сомнений относительно соответствия подлежащей применению нормы названным категориям суд должен иметь возможность принять процессуальное решение — приостановить производство по делу и обратиться с преюдициальным запросом в орган конституционного контроля о проверке конституционности акта, содержащего соответствующую норму.

В то же время граждане и их объединения, полагающие, что их права и свободы нарушаются законом, примененным в конкретном деле судом с учетом распространения (или нераспространения) на соответствующие нормы ранее сформулированной в отношении подобных законоположений правовой позиции органа конституционного контроля, должны обладать правом обратиться в установленном порядке в орган конституционного контроля, который, обладая исключительной прерогативой по устранению неопределенности в вопросе о том, нарушаются ли нормой закона — в свете приданного ей судебным толкованием смысла — конституционные права и свободы человека и гражданина, и по оценке правовой нормы на соответствие Конституции, окончательно решает вопросы, связанные с основаниями и пределами универсализации выработанных им правовых позиций.

Законодательством некоторых государств — участников МПА СНГ, в частности, России, судам, гражданам и их объединениям предоставляются соответствующие возможности.

Кроме того, в случаях признания уголовно-правовых норм неконституционными судам, применяющим соответствующие правовые позиции органа конституционного контроля, следует, очевидно, учитывать его природу как органа, решения которого не должны приводить к ухудшению правового положения граждан в отношениях с государством. Содержащееся в решении органа конституционного контроля указание на сохранение такими нормами юридической силы в пределах определенного периода предполагает их применение судами в течение этого срока (а с учетом правил действия уголовного

закона во времени — и после утраты ими силы) при соблюдении правовых позиций, отраженных в соответствующем решении.

В части индивидуальных правоприменительных последствий решения органа конституционного контроля, как правило, создают основания для возобновления дела, пересмотра судебных актов, вступивших в законную силу, ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств в отношении соответствующих лиц, если для этого нет других препятствий, обусловленных конкретными фактическими обстоятельствами, и если такие предписания включены в резолютивную часть решений органа конституционного контроля. Подобные предписания могут присутствовать в решениях как о признании норм не соответствующими Конституции, так и о признании положений конституционными в выявленном конституционно-правовом смысле. Юридические последствия таких указаний о пересмотре правоприменительных решений равнозначны независимо от конкретной разновидности итогового решения.

В России, согласно правовой позиции Конституционного Суда, лица, которые не являлись участниками конституционного судопроизводства, но в отношении которых также были применены нормативные положения, получившие в решении Конституционного Суда конституционно-правовое истолкование, отличное от придававшегося им сложившейся правоприменительной практикой, могут рассчитывать на пересмотр (изменение или отмену) судебных актов, вынесенных в их отношении и основанных на данных нормативных положениях, если такой акт не вступил в законную силу или вступил в законную силу, но не был исполнен или был исполнен частично. Такой подход обусловлен целями соблюдения баланса принципов правовой определенности в спорных материальных правоотношениях, стабильности гражданского оборота и справедливого судебного разбирательства, не совместимого с ошибочным судебным актом. Тем самым признание законоположения неконституционным либо конституционным в выявленном смысле имеет обратную силу в отношении дел граждан и организаций, обратившихся в Конституционный Суд РФ, а также в отношении неисполненных правоприменительных решений, вынесенных до принятия соответствующего решения Конституционным Судом РФ. Пересмотр осуществляется безотносительно к истечению пресекательных сроков обращения в эти органы и независимо от того, имеются или отсутствуют иные основания для пересмотра.

Важно отметить, что право на процессуальный пересмотр не обязательно означает материальный пересмотр, т. е. последующее удовлетворение притязаний заявителя судом общей юрисдикции или арбитражным судом. Применяя норму в смысле, выявленном Конституционным Судом РФ, эти суды с учетом фактических обстоятельств могут не обнаружить оснований для удовлетворения соответствующих притязаний заявителя. В тех же случаях, когда подобное удовлетворение оказывается фактически невозможным — в связи с завершением соответствующего этапа правоотношений, что зачастую бывает при проверке конституционности норм уголовно-процессуального, избирательного законодательства, — суды, осуществляя пересмотр соответствующего дела, компетентны воспользоваться предусмотренным действующим законодательством компенсаторным механизмом.

Полное и своевременное выполнение содержащихся в решениях органов конституционного контроля и обращенных к правоприменителю требований во многом зависит от исправно действующего межведомственного механизма, осуществляющего распределенный контроль надлежащего исполнения актов конституционного правосудия.

Прямой контроль исполнения принимаемых им решений к их непосредственной компетенции, как правило, не относится. Вместе с тем обычно секретариаты (аппараты) органов конституционного контроля взаимодействует с государственными органами и должностными лицами, ответственными за надлежащее исполнение актов конституционного правосудия правоприменителями.

Основной формой его участия в обеспечении исполнения решений, вынесенных в порядке конституционного нормоконтроля, выступает мониторинг исполнения решений, требующих дополнительного нормативного регулирования, в том числе тех из них, в которых устанавливается наличие правоприменительного дефекта, что предполагает возможность до внесения необходимых законодательных изменений непосредственного осуществления соответствующих решений правоприменительными органами.

В плане исполнения решений органа конституционного контроля в правоприменительной деятельности ключевое значение имеет деятельность высших органов судебной власти, несущих ответственность за единообразие судебной практики. Так, например, в России взаимодействие, наложенное между Конституционным Судом РФ и Верховным Судом РФ, позволяет с определенной регулярностью осуществлять

мониторинг исполнения содержащихся в решениях Конституционного Суда РФ предписаний о пересмотре правоприменительных решений, принятых по делам заявителей. На постоянной основе, дважды в год, в Секретариат Конституционного Суда РФ поступает информация о результатах рассмотрения обращений по вопросу пересмотра судебных актов по новым обстоятельствам, а также о возобновлении производства по уголовным делам — ввиду признания примененного в конкретном деле закона не соответствующим Конституции либо выявления иного конституционно-правового смысла примененного в конкретном деле закона с приложением копий необходимых судебных актов. Как следует из представляемых материалов, удовлетворяется большая часть такого рода обращений.

Право органа конституционного контроля выявлять конституционный смысл закона означает проверку закона в смысле, придаваемом ему правоприменительной практикой, позволяя даже в тех случаях, когда конституционность буквального смысла оспариваемого законоположения не вызывает сомнения, оценивать конституционность через призму практического применения.

Направленное на устранение дефектов правоприменительной практики выявление конституционно-правового смысла законоположений в первую очередь обращено к правопримениителю.

Решение, выявляющее конституционно-правовой смысл, который ранее в процессе правоприменения рассматриваемой норме не придавался, устраняет ее действие в неконституционном истолковании.

При осуществлении наиболее тесно связанного с защитой субъективных прав вида конституционного нормоконтроля — последующего и конкретного — учету не может не подлежать также и правоприменение. Правоприменительная практика, учитываемая конституционно-судебным контролем при выявлении дефектов конституционности, характеризуется рядом значимых особенностей. Для того чтобы наличие таковых дефектов было признано в соответствующем правоприменении, оно не может сводиться к эпизодическим правоприменительным решениям, но должно, умаляя конституционные права, обладать определенной устойчивостью и распространенностью. Наличие в конкретной правоприменительной ситуации предпосылок для конституционно-судебного вмешательства в целях преодоления противоречия между Конституцией и тем смыслом, который правоприменитель придает соответствующему законоположению, устанавливается органом конституционного контроля.

В этих целях при предварительной оценке соответствующих обращений устанавливается, имело ли место нарушение конституционных прав вследствие неправильного правоприменения, а также носит ли нарушение единичный характер или имеет место сложившаяся правоприменительная практика.

Проверяя конституционность оспариваемых законоположений, орган конституционного контроля оценивает как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием, а также сложившейся правоприменительной практикой и исходя из их места в системе правовых норм. Фактически осуществление оценки конституционности в процедуре конкретного нормоконтроля невозможно без учета смысла, придаваемого соответствующему законоположению правоприменительной практикой.

Помимо того, внимание к правоприменительным аспектам оспариваемой нормы предопределяет допустимость конституционной жалобы ввиду ультраактивного действия этой нормы. По общему правилу, не принимаются к рассмотрению жалобы на отмененный или утративший силу закон, так как отмена дефектного законодательного акта самим законодателем защищает конституционные права граждан не менее эффективно, чем признание его не соответствующим Конституции. Однако юрисдикцией органа конституционного контроля в ее темпоральном аспекте по самой природе института конституционного нормоконтроля должны охватываться все законоположения вне зависимости от их формальной отмены и фактической утраты силы, сохраняющееся воздействие которых на правоприменительную практику ведет к нарушению конституционных прав. Поэтому проверка отмененных либо фактически утративших свою силу законов возможна, когда они продолжают применяться в правоотношениях, возникших в период их действия. Распространение конституционно-судебной защиты на нормы, обладающие ультраактивным действием, способствует реализации как конституционного права на судебную защиту, так и конвенционного права на справедливое судебное разбирательство (статья 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод).

Такова, в частности, практика Конституционного Суда РФ по делам о гражданстве, связанным с правоотношениями, возникшими на основе Закона Российской Федерации от 28 ноября 1991 г. № 1948-І «О гражданстве Российской Федерации». В соответствии с его правовыми позициями лица, которые приобрели по собственному

свободному волеизъявлению гражданство иностранного государства, утрачивают право на приобретение гражданства Российской Федерации по основаниям, установленным Законом Российской Федерации «О гражданстве Российской Федерации», в частности в порядке признания (статья 13 названного Закона), и могут приобрести гражданство Российской Федерации в соответствии с действующим Федеральным законом «О гражданстве Российской Федерации», что, однако, не может рассматриваться как нарушение их конституционных прав. О сохранении актуальности данного вопроса свидетельствуют продолжающие поступать на сегодняшний день в Конституционный Суд жалобы, в которых оспариваются формально утратившие силу положения Закона Российской Федерации от 28 ноября 1991 г. № 1948-І «О гражданстве Российской Федерации».

При осуществлении последующего конкретного конституционного нормоконтроля орган конституционного контроля исследует исключительно вопросы права, воздерживаясь от установления фактических обстоятельств во всех случаях, когда это входит в компетенцию ординарного правоприменителя. В его полномочия не входит осуществление контроля решений правоприменительных органов, включая оценку правильности выбора норм права и их применения в деле заявителя, проверку законности и обоснованности судебных постановлений, решений и действий (бездействия) правоприменительных органов и должностных лиц.

Соответственно, он не вправе непосредственно квалифицировать то или иное судебное решение как незаконное и (или) необоснованное или как-либо процессуально участвовать в пересмотре судами дел в связи с вынесенными органом конституционного контроля решениями. Иное фактически означало бы конкуренцию юрисдикционно самостоятельных звеньев судебной системы и смешение конституционного судопроизводства с другими видами судопроизводства, что недопустимо. Ввиду этого, указывая на подлежащие исправлению дефекты правоприменения, орган конституционного контроля не оценивает законность и обоснованность состоявшихся в конкретном деле правоприменительных решений, воздерживаясь от исследования вопроса о возможности наступления конкретной правоприменительной ситуации, удовлетворяющей материально-правовые притязания заявителя.

Поскольку в значительной части поступающих жалоб заявили, формально требуя проверить конституционность тех или иных

законоположений по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, по существу просят орган конституционного контроля дать оценку фактическим обстоятельствам их дел, в соответствующих случаях в ответах об отказе в рассмотрении жалобы указывается на то, что оценка законности и обоснованности решений судебных и иных органов не входит в его сферу ведения.

Таким образом, в качестве способа защиты прав и свобод жалоба, рассматриваемая в порядке конституционного судопроизводства, приобретает свойство допустимости лишь тогда, когда неопределенность относительно конституционности оспариваемых норм, в том числе в истолковании, придаваемом им сложившейся правоприменительной практикой, может быть устранена, а нарушенные права и свободы — восстановлены только в рамках данной юрисдикционной процедуры. Если же нарушенные права и свободы заявителя могут быть защищены вне зависимости от признания оспариваемого законоположения не соответствующим Конституции, в том числе по смыслу, придаваемому правоприменением, а также вне зависимости от признания конституционности этих законоположений по смыслу, выявляемому в решении органа конституционного контроля, подобное обращение должно рассматриваться в рамках других юрисдикционных и иных процедур.

Поскольку в значительной своей части рассмотрение дел в ускоренном, не предусматривающем публичные слушания, порядке вызвано недостаточным учетом правоприменителем ранее высказанной Конституционным Судом РФ правовой позиции, итоговые решения, принимаемые в рамках письменного производства, способствуют исправлению данных правоприменительных дефектов. В контексте реализации решений Конституционного Суда в правоприменительной практике обращения, обычно рассматриваемые в подобном порядке, фактически сигнализируют о неполной реализации подходов органа конституционного контроля, о неприменении их к законоположениям, аналогичность которых нормам, проверенным ранее, прямо следует из соответствующей правовой позиции Конституционного Суда РФ.

Введение в конституционный процесс письменного производства, будучи обусловлено в том числе принципом процессуальной экономии, повысило защищенность прав индивидуальных и коллективных заявителей, прежде всего благодаря возможностям более масштабного устранения дефектов судебной и административной

практики, влекущих применение законоположений в неконституционном смысле, что, в свою очередь, усиливает положительный резонанс, оказываемый деятельностью конституционного правосудия на публично-властные институты и на правовую систему в целом. В целом введение процедуры рассмотрения дела без проведения слушания существенно расширило возможности Конституционного Суда по устраниению нарушений конституционных прав и свобод в правоприменительной практике.

В соответствии с выраженной Конституционным Судом РФ правовой позицией, даже если конституционно-правовой смысл соответствующих законоположений был им ранее уже выявлен, новая жалоба на нарушение конституционных прав теми же нормами может быть принята к рассмотрению, если судебные решения по делу заявителя основаны на иной — неконституционной — их интерпретации, вступили в законную силу и прошли проверку в Верховном Суде РФ, а признание этих законоположений не соответствующими Конституции (с учетом процессуальных последствий этого решения) остается единственным средством восстановления нарушенных прав заявителя.

Таким образом, если в жалобе заявителя оспаривается конституционность законоположения, конституционно-правовой смысл которого ранее был выявлен в сохраняющем свою силу решении Конституционного Суда, но которому в правоприменительной практике был придан иной смысл, притом что у заявителя исчерпаны все другие возможности судебной защиты, Конституционный Суд вправе принять такую жалобу к рассмотрению и рассмотреть в порядке статьи 47.1 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ФКЗ о КС) вопрос о конституционности оспариваемого законоположения в его истолковании, отличном от истолкования, ранее данного Конституционным Судом. Так, например, Конституционный Суд РФ посчитал необходимым признать неконституционность законоположений в их правоприменительной интерпретации, позволяющей правоприменителям, в том числе судам общей юрисдикции, включая Верховный Суд РФ, уже после вступления в силу постановления от 7 февраля 2012 г. № 1-П отказывать в назначении инвалидам вследствие чернобыльской катастрофы из числа лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел, которые получают пенсию за выслугу лет, увеличенную на сумму минимального размера пенсии по инвалидности, но не обращались

за установлением соответствующих выплат до вступления соответствующего закона в силу, ежемесячной денежной компенсации в том же размере, в каком им были исчислены неполученные суммы возмещения вреда здоровью (постановление от 18 сентября 2014 г. № 23-П).

Поскольку правоприменительные, включая судебные, акты основаны на законодательстве, конституционно обусловленное качество правоприменения в немалой степени зависит от усилий законодателя.

В правоприменительной деятельности требование формальной определенности, предполагающее точность и ясность законодательных предписаний, будучи неотъемлемым элементом верховенства права, выступает в качестве необходимой гарантии обеспечения эффективной защиты как от произвольных преследования, осуждения и наказания, так и от несоразмерного, избыточного ограничения прав и свобод. Неясность и противоречивость правового регулирования, препятствуя адекватному уяснению его содержания и предназначения, допускают возможность неограниченного усмотрения правоприменителя, создают предпосылки для административного произвола и неправосудных судебных решений. Тем самым ослабляются гарантии защиты конституционных прав и свобод, ввиду чего само по себе нарушение требования определенности правовой нормы может быть достаточным основанием для признания такой нормы не соответствующей Конституции.

Как показывает опыт, не соответствующий конституционным предписаниям буквальный смысл нормы, как правило, не исправляется, но усугубляется истолкованием, получаемым в правоприменительной практике. Так, например, негативный эффект от использования законодателем неопределенного понятийного аппарата усиливается произвольным толкованием этих понятий право-применительными органами.

В целях исключения возможности несоразмерного ограничения прав и свобод человека и гражданина в конкретной правоприменительной ситуации законодательство должно обладать формальной определенностью, четкостью, не допускать расширительного толкования установленных ограничений и, следовательно, произвольного их применения.

Таким образом, неопределенность содержания правовой нормы ведет к нарушению не только принципов равенства и верховенства закона, но и конституционно установленных гарантий государственной, в том числе судебной, защиты прав, свобод и законных интересов граждан. В связи с этим из принципов правового государства и справедливости вытекает обращенное к законодателю требование

недвусмысленности, ясности и непротиворечивости правового регулирования, взаимной согласованности предметно связанных между собой норм различной отраслевой принадлежности.

Единство правоприменительной практики в том числе поддерживает доверие граждан к действиям государства, обеспечивая тем самым соблюдение данного конституционного принципа. Законодателю следует стремиться к разумной стабильности правового регулирования и не допускать внесения произвольных изменений в действующую систему норм. Во избежание резкого разрыва со сложившейся устойчивой правоприменительной практикой лицам, правовое положение которых неблагоприятно затрагивает изменение ранее установленных правил, должен быть предоставлен адаптационный переходный период, в частности посредством временного регулирования.

Согласно правой позиции Конституционного Суда РФ, не имеющая объективного и разумного оправдания дифференциация прав и обязанностей лиц, относящихся к одной и той же категории субъектов юридической ответственности, порождает — в нарушение конституционных принципов равенства и справедливости, охватывающих своим воздействием законодательное регулирование как прав и свобод, закрепленных непосредственно в Конституции, так и прав, приобретаемых на основании закона, — предпосылки для дискриминационного правоприменения. Тот факт, что Конституция не ограничивает перечень признаков, по которым исключается дискриминация граждан, а, напротив, предполагает его дальнейшую конкретизацию в правоприменительной практике, обозначается Конституционным Судом РФ в качестве весьма существенного обстоятельства, определяющего генеральную направленность судебного и административного правоприменения.

Кроме того, вводя то или иное регулирование, законодатель не должен создавать предпосылки для несовместимого с конституционными началами чрезмерного правоприменительного усмотрения, затрудняющего единообразное применение правоприменительными органами нормативно установленных правил. Структурно обособленное в отраслевой системе законодательства и систематизированное правовое регулирование минимизирует риски искажения воли законодателя в процессе правоприменения, в особенности при высоком уровне кодификации отраслевых норм.

Анализ поступающих в Конституционный Суд РФ жалоб на законоположения по смыслу, придаваемому им правоприменительной

практикой, как судебной, так и административной, показывает, что часть из этих обращений вызвана ненадлежащим откликом законодателя на ранее вскрытый Конституционным Судом и подлежащий устраниению системный дефект нормативного регулирования.

Отдельным видом обусловливаемых пробельностью нормативного регулирования дефектов, вступающих в противоречие с конституционными нормами, является отсутствие либо недостаточность в правоприменительной практике, в том числе основанной на правовом регулировании, осуществляемом субъектами Российской Федерации в порядке конкретизации федерального законодательства, специальных организационно-правовых механизмов и процедур, необходимых для реализации законодательно гарантированных прав и обеспечения законных интересов.

Помимо отрицательно сказывающихся на правоприменении нормотворческих дефектов в ходе конституционно-судебного контроля устанавливаются и собственно правоприменительные дефекты, также влекущие за собой правоприменение в противоречащем Конституции смысле. В этих случаях правовое регулирование в его истолковании правоприменительной практикой — вопреки цели, преследуемой федеральным законодателем при установлении нормы (чей смысл, придаваемый в ходе правоприменения, становится предметом рассмотрения органа конституционного контроля), — расходясь с буквальным смыслом соответствующего законоположения, оказывается несогласованным с конституционными предписаниями.

На текущем этапе, как показывает анализ, наряду с названными выше правоприменительными дефектами, достаточно распространено вступающее, как устанавливается решениями Конституционного Суда РФ, в противоречие с конституционными положениями правоприменение *stricti juris*, когда суды воздерживаются от реализации — в целях восполнения неопределенности и пробельности закона — дискреционных полномочий, предпочитая сугубо узкую трактовку применяемых законоположений их широкой интерпретации, более отвечающей конституционным принципам и правовым позициям Конституционного Суда.

В контексте требования единства правоприменения и приоритетной роли судебного правоприменения особую важность приобретает поддержание единообразия судебной практики, конституционно возложенного на высший орган судебной власти, а также стабильности

и непротиворечивости практики высшего судебного органа в качестве непременного условия поддержания такого единства.

В ряде своих решений Конституционный Суд РФ обращал внимание на не отвечающую конституционным требованиям противоречивость правоприменительной практики судов, принимающих расходящиеся с более ранней позицией решения. Между тем правовая определенность является одним из фундаментальных аспектов верховенства права, предполагая уважение к принципу *res judicata* (окончательный характер судебных решений).

Признание соответствующего нормативного акта либо отдельных его положений, включая нормативные акты субъектов Российской Федерации, соответствующими Конституции в данном Конституционным Судом истолковании исключает любое иное их истолкование, равно как и любое иное истолкование положений других нормативных актов, основанных на признанных неконституционными полностью или частично нормативном акте либо воспроизводящих их или содержащих такие же положения, какие были признаны неконституционными в данном Конституционным Судом истолковании (статья 87 ФКЗ о КС).

В надлежащем применении судами правовых позиций Конституционного Суда РФ значительную роль играют акты, принимаемые высшим органом судебной власти в целях поддержания единства судебной практики,— постановления Пленума Верховного Суда РФ. Хотя Пленум Верховного Суда сравнительно редко ссылается непосредственно на содержащие позиции Конституционного Суда конкретные его решения, тем не менее при подготовке постановлений, как правило, происходит учет высказанных Конституционным Судом правовых позиций по соответствующему кругу вопросов.

В целом стоит отметить, что сложившийся механизм взаимодействия высших судов, способствуя очищению правовых систем государств — участников МПА СНГ от дефектов конституционности правоприменительного характера, вместе с тем еще не исчерпал потенциал своего совершенствования.

В связи с этим следует учитывать, что, вынося решение по делу, поводом для рассмотрения которого явилась не согласующаяся с конституционными требованиями устойчивая правоприменительная практика, орган конституционного контроля имеет целью защиту конституционных прав не только заявителя, но и неопределенного круга лиц, в отношении которых могут быть применены

рассматриваемые нормативные положения, а также обеспечение верховенства Конституции на всей территории государства. В силу этого применение либо реализация каким-либо иным способом нормативного правового акта или отдельных его положений, признанных не соответствующими Конституции, равно как их применение либо реализация каким-либо иным способом в истолковании, расходящемся с их выявленным конституционно-правовым смыслом, недопустимы. Суды, рассматривающие дела после вступления в силу соответствующего решения органа конституционного контроля, не могут руководствоваться нормативным правовым актом или отдельными его положениями, признанными не соответствующими Конституции, либо применять их в истолковании (в том числе приданном им высшими судебными инстанциями), расходящемся с их выявленным конституционно-правовым смыслом.

Присущие решениям Конституционного Суда юридические свойства обязывают суды всех уровней, инстанций и юрисдикций неукоснительно выполнять все содержащиеся в данных решениях предписания (относительно временного регулирования, особого порядка исполнения, по пересмотру дел заявителей), тщательно учитывать все выраженные в них правовые позиции. Стоит отметить, что состоявшееся в 2016 г. обновление ФКЗ о КС способствовало своевременной и адекватной реакции судов на решения Конституционного Суда РФ, выявляющие конституционно-правовой смысл соответствующих законоположений, и создало условия для формирования непротиворечивой правоприменительной практики в части исполнения всех итоговых решений, в том числе содержащих только интерпретирующую резолюцию (резолютивная часть постановления, выявляющая конституционно-правовой смысл оспариваемой нормы). В частности, были усилены гарантии права на пересмотр; устранена неопределенность в понимании судами юридических последствий решений Конституционного Суда, содержащих интерпретирующую резолюцию; закреплена обязательность пересмотра в случаях признания нормативного акта либо отдельных его положений соответствующими Конституции в данном Конституционным Судом истолковании, а также аналогичность правоприменительных последствий решений о признании нормы соответствующей Конституции в выявленном конституционно-правовом смысле и решений о признании нормы неконституционной. Помимо прочего, указанные изменения исключили восприятие правоприменительными

органами выявления конституционно-правового смысла в качестве свидетельства отсутствия в проверенном Конституционным Судом законоположении дефекта (нормотворческого, правоприменительного), обладающего конституционной значимостью и нуждающегося в исправлении, в том числе посредством пересмотра ранее вынесенных правоприменительных решений (если нормативные положения были ранее применены в смысле, расходящемся со смыслом, выявленным Конституционным Судом).

К правоприменительным дефектам, связанным с исполнением решений Конституционного Суда, относится и ошибочное толкование — неоправданно узкое либо, напротив, излишне широкое — выраженных им правовых позиций.

Исполнение решений Конституционного Суда осложняет и неполный учет правоприменителем выраженных им позиций. В случае если соответствующая правовая позиция развивалась в нескольких решениях, очевидной судебной ошибкой является учет только одного из них, тем более раннего.

В отдельных случаях ненадлежащий учет правоприменителем правовой позиции Конституционного Суда связан с изъянами восприятия данной правовой позиции законодателем, вводящим во исполнение соответствующего решения Конституционного Суда новое нормативное регулирование.

Наконец, наряду с упомянутыми случаями ошибочного толкования либо неполного учета правоприменителями правовых позиций, сформулированных Конституционным Судом к правоприменительным дефектам, связанным с исполнением решений Конституционного Суда, относятся попытки правоприменителя действовать в обход выраженных Конституционным Судом правовых позиций, т. е. фактически игнорировать их посредством иной правовой квалификации спорных правоотношений.

Наряду с проблемами реализации решений Конституционного Суда в судебной практике имеют место неточные, а иногда и явно неверные подходы к осуществлению этих решений и в рамках административного правоприменения, которые проявляются в том числе и в содержании исходящих от соответствующих ведомств разъяснений, включая интерпретационные акты федеральных органов исполнительной власти.

Не учитывающее правовые позиции Конституционного Суда истолкование законоположений, чей конституционный смысл был

ранее выявлен, вызывая в отдельных случаях потребность в принятии нового решения Конституционного Суда, являет собой угрозу конституционной законности и как таковое подлежит безоговорочному устраниению из правоприменительной практики.

Вынесение Конституционным Судом итогового решения, как было отмечено выше, оказывает непосредственное воздействие на рассмотрение дел со схожими фактическими обстоятельствами в апелляционной, кассационной и надзорной инстанциях. Закон обязывает правоприменительные органы учитывать правовые позиции Конституционного Суда относительно того, соответствует ли Конституции смысл нормативного правового акта или отдельного его положения, придаваемый им правоприменительной практикой, с момента вступления в силу соответствующего постановления Конституционного Суда (часть 5 статьи 79 ФКЗ о КС).

Норма, признанная постановлением Конституционного Суда не соответствующей Конституции, утрачивает силу с момента провозглашения либо со дня официального опубликования данного постановления. Это правило в полной мере распространяется и на решения Конституционного Суда, в которых подтверждается конституционность нормы именно в истолковании, данном Конституционным Судом, и тем самым исключается любое иное, т. е. неконституционное, ее истолкование, а следовательно, и применение. С момента провозглашения либо со дня официального опубликования постановления Конституционного Суда такая норма в неконституционной интерпретации, по сути, утрачивает силу (постановление от 8 ноября 2012 г. № 25-П).

Соответственно, если при рассмотрении дела апелляционной или кассационной инстанцией либо в порядке надзора будет установлено, что суд нижестоящей инстанции при вынесении судебного акта либо применил законоположения, которые впоследствии, уже после вынесения этого судебного акта, были признаны Конституционным Судом не соответствующими Конституции, либо применил их в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявлением Конституционным Судом, то такие судебные акты — исходя из того обстоятельства, что суды общей юрисдикции, арбитражные суды не вправе оценивать законность и обоснованность решений, принимаемых Конституционным Судом, равно как и не исполнять его решения и содержащиеся в них предписания,— подлежат отмене.

Таким образом, поддержание конституционной законности в судебной и административной практике требует надлежащего отношения правоприменителя к предписаниям, которые содержатся в решениях органа конституционного контроля, принимаемых в порядке последующего нормоконтроля. Наряду с безусловным — с точки зрения полноты и своевременности — следованием правовыми позициями, высказанным в соответствующих решениях, важен отложенный процессуальный механизм пересмотра правоприменительных решений в связи с принятыми органами конституционной юстиции актами, без которого нет и не может быть конституционного единства судебной власти.

Не только в среде юристов, но и в американском обществе в целом известно понятие «решения Верховного Суда, которые изменили правовую систему страны». Назовем решения Конституционного Суда России, оказавшие, на наш взгляд, наиболее существенное влияние на национальную правовую систему.

1. Совокупность решений, утвердивших верховенство Конституции РФ, приоритет ее положений над актами международных органов по защите прав человека в случаях, когда они приходят в прямое противоречие⁷². В частности, решение, соотнесшее объем ограничений избирательных прав заключенных с международными обязательствами России и задачами защиты основ конституционного строя⁷³.

2. Совокупность решений Конституционного Суда, защитивших институциональные гарантии демократии, государственное единство и конституционно закрепленные политические права:

⁷² Постановление от 6 декабря 2013 г. № 27-П по делу о проверке конституционности положений статьи 11 и пунктов 3 и 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Ленинградского окружного военного суда; постановление от 14 июля 2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона “О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней”, пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона “О международных договорах РФ”, частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса РФ, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса РФ, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства РФ и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы».

⁷³ Постановление от 19 апреля 2016 г. № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу “Анчугов и Гладков против России” в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации».

— «Дело КПСС» (раздел собственности КПСС на партийное имущество и государственную собственность; утверждение территориального принципа построения политических партий): прецедент цивилизованного, на почве права, разрешения острого политического конфликта⁷⁴;

— «Чеченское дело» (признание антиконституционности проводимых в рамках контртеррористической операции депортаций из Чечни не проживающих там граждан; лишения аккредитации журналистов без суда): установление пределов дискреции исполнительной власти и защита прав человека в чрезвычайных условиях⁷⁵;

— решения о несоответствии законов субъектов федераций федеральному законодательству, создавшие правовую основу преодоления последствий «парада суворенитетов»;

— признание возможности судебного оспаривания избирателями результатов выборов по мотивам допущенных в ходе проведения голосования фальсификаций⁷⁶;

⁷⁴ Постановление от 30 ноября 1992 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности Указов Президента РФ от 23 августа 1991 года № 79 “О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР”, от 25 августа 1991 года № 90 “Об имуществе КПСС и Коммунистической партии РСФСР” и от 6 ноября 1991 года № 169 “О деятельности КПСС и КП РСФСР”, а также о проверке конституционности КПСС и КП РСФСР».

⁷⁵ Постановление от 31 июля 1995 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 года № 2137 “О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики”; Указа Президента Российской Федерации от 9 декабря 1994 года № 2166 “О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта”, постановления Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1994 года № 1360 “Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа”, Указа Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 года № 1833 “Об Основных положениях военной доктрины Российской Федерации”».

⁷⁶ Постановление от 22 апреля 2013 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности статей 3, 4, пункта 1 части первой статьи 134, статьи 220, части первой статьи 259, части второй статьи 333 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, подпункта “з” пункта 9 статьи 30, пункта 10 статьи 75, пунктов 2 и 3 статьи 77 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”, частей 4 и 5 статьи 92 Федерального закона “О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации” в связи с жалобами граждан А. В. Андронова, О. О. Андроновой, О. Б. Белова и других, Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и регионального отделения политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ в Воронежской области».

— подтверждение конституционного запрета действующему президенту баллотироваться на пост главы государства на третий срок подряд⁷⁷.

3. Совокупность решений, обеспечивших фундаментальные личные права и свободы. В частности:

— свободу передвижения посредством признания неконституционности ограничений на регистрацию в собственном доме⁷⁸; на регистрацию в дачном доме, построенном на садовом участке, относящимся к землям населенных пунктов⁷⁹; на регистрацию в дачном доме, построенном на садовом участке, относящимся к землям сельскохозяйственного назначения⁸⁰;

— личные права отдельных категорий лиц, в том числе ограниченно дееспособных с признанием возможности дифференциации гражданско-правовых последствий нарушения психических функций при решении вопроса о признании его недееспособным, соразмерных степени фактического снижения способности понимать значение своих действий или руководить ими⁸¹, а также лиц, в отношении которых осуществляется производство по применению принудительных мер медицинского характера⁸².

⁷⁷ Определение от 5 ноября 1998 г. № 134-О «По делу о толковании статьи 81 (часть 3) и пункта 3 раздела второго “Заключительные и переходные положения” Конституции Российской Федерации».

⁷⁸ Постановление от 4 апреля 1996 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности ряда нормативных актов города Москвы и Московской области, Ставропольского края, Воронежской области и города Воронежа, регламентирующих порядок регистрации граждан, прибывающих на постоянное жительство в названные регионы».

⁷⁹ Постановление от 14 апреля 2008 № 7-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго статьи 1 Федерального закона “О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан” в связи с жалобами ряда граждан».

⁸⁰ Постановление от 30 июня 2011 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго статьи 1 Федерального закона “О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан” в связи с жалобой гражданина А. В. Воробьев».

⁸¹ Постановление от 27 февраля 2009 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 37, 52, 135, 222, 284, 286 и 379.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и части четвертой статьи 28 Закона Российской Федерации “О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании” в связи с жалобами граждан Ю. К. Гудковой, П. В. Штукатурова и М. А. Яшиной»; Постановление от 27 июня 2012 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 29, пункта 2 статьи 31 и статьи 32 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И. Б. Деловой».

⁸² Постановление от 20 ноября 2007 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 402, 433, 437, 438, 439, 441, 444 и 445 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С. Г. Абламского, О. Б. Лобашовой и В. К. Матвеева».

4. Совокупность решений, обеспечивших осуществление права на правосудие, в частности разграничивших компетенцию судов общей юрисдикции и арбитражных судов⁸³; способствовавших введению суда присяжных⁸⁴; признавших возможность судебного оспаривания актов федеральных органов исполнительной власти, содержащих разъяснения законодательства, формально не являющихся нормативными правовыми актами, но фактически обладающих нормативными свойствами⁸⁵.

⁸³ Постановление от 16 июня 1998 г. № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации»; постановление от 11 апреля 2000 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 2 статьи 1, пункта 1 статьи 21 и пункта 3 статьи 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с запросом Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации»; постановление от 18 июля 2003 № 13-П «По делу о проверке конституционности положений статей 115 и 231 ГПК РСФСР, статей 26, 251 и 253 ГПК Российской Федерации, статей 1, 21 и 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с запросами Государственного Собрания — Курултая Республики Башкортостан, государственного Совета Республики Татарстан и Верховного Суда Республики Татарстан»;

⁸⁴ Постановление от 2 февраля 1999 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях»» в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан»; постановление от 6 апреля 2006 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации», федеральных законов «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации», «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Президента Чеченской Республики, жалобой гражданки К. Г. Тубуровой и запросом Северо-Кавказского окружного военного суда»; постановление от 19 апреля 2010 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части второй статьи 30 и части второй статьи 325 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Р. Р. Зайнагутдинова, Р. В. Кудаева, Ф. Р. Файзулина, А. Д. Хасанова, А. И. Шаваева и запросом Свердловского областного суда»; Постановление от 20 мая 2014 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. А. Филимонова»; постановление от 25 февраля 2016 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. С. Лымарь»; Постановление от 16 марта 2017 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 части второй статьи 30 и пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, части второй статьи 57 и части второй статьи 59 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. Д. Лабусова».

⁸⁵ Постановление от 31 марта 2015 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части 4 статьи 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» и абзаца третьего подпункта 1 пункта 1 статьи 342 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой открытого акционерного общества «Газпром нефть»».

5. Совокупность решений, отстаивавших конституционные принципы юридической ответственности, в том числе нацеленных на гуманизацию уголовной и административной репрессии, в частности легитимировавших мораторий на смертную казнь⁸⁶; признавших неконституционность административной преюдиции, когда неоднократность возложения административной ответственности сама по себе служит основанием ответственности уголовной⁸⁷; признавших возможность назначения административного наказания ниже низшего предела соответствующей санкции, позволяющую учесть характер совершенного административного правонарушения, имущественное и финансовое положение юридического лица и тем самым — обеспечить назначение справедливого и соразмерного наказания⁸⁸.

6. Совокупность решений, защитивших социальные права многих категорий граждан. В частности:

⁸⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р «О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР»», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях»».

⁸⁷ Постановление от 10 февраля 2017 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина».

⁸⁸ Постановление от 17 января 2012 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положения части 5 статьи 19.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью “Маслянский хлебоприемный пункт”»; постановление от 25 февраля 2014 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 7.3, 9.1, 14.43, 15.19, 15.23¹ и 19.7² Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Арбитражного суда Нижегородской области и жалобами обществ с ограниченной ответственностью “Барышский мясокомбинат” и “ВОЛМЕТ”, открытых акционерных обществ “Завод «Реконд»”, “Эксплуатационно-технический узел связи” и “Электронкомплекс”, закрытых акционерных обществ “ТЕОТЕХНИКА П” и “РАНГ” и бюджетного учреждения здравоохранения Удмуртской Республики “Детская городская больница № 3 «Нейрон»” Министерства здравоохранения Удмуртской Республики»; постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2014 года № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 2 и пункта 7 статьи 32 Федерального закона “О некоммерческих организациях”, части шестой статьи 29 Федерального закона “Об общественных объединениях” и части 1 статьи 19.34 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, фонда “Костромской центр поддержки общественных инициатив”, граждан Л. Г. Кузьминой, С. М. Смирнского и В. П. Юкечева».

- правовое определение чернобыльской катастрофы, особый порядок возмещения государством причиненного вреда⁸⁹;
- защита работников от недобросовестных работодателей, не перечислявших страховые взносы в Пенсионный фонд, чем при признанном неконституционным регулировании сокращалась длительность страхового стажа и, соответственно, размер трудовой пенсии)⁹⁰;
- недопустимость выплаты пенсий в размере ниже прожиточного минимума⁹¹;

— расчет больничного не должен зависеть от стажа⁹²;

— государство не вправе отказываться от выполнения взятых на себя обязательств и понижать уровень социальных гарантий⁹³.

7. Совокупность решений, защитивших право собственности, в частности права добросовестных приобретателей (обеспечение возможности добросовестным покупателям приобретать квартиры

⁸⁹ Постановление от 1 декабря 1997 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 1 Федерального закона от 24 ноября 1995 года «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС»».

⁹⁰ Постановление от 10 июля 2007 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 10 и пункта 2 статьи 13 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» и абзаца третьего пункта 7 Правил учета страховых взносов, включаемых в расчетный пенсионный капитал, в связи с запросами Верховного Суда Российской Федерации и Учалинского районного суда Республики Башкортостан и жалобами граждан А. В. Докукина, А. С. Муратова и Т. В. Шестаковой».

⁹¹ Определение от 15 февраля 2005 г. № 17-О «По жалобе гражданки Енборисовой Прасковьи Федоровны на нарушение ее конституционных прав пунктом 8 статьи 14 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации»».

⁹² Определение от 2 марта 2006 г. № 16-О «По жалобе гражданина Корнилова Владимира Петровича на нарушение его конституционных прав положениями Указа Президента Российской Федерации от 15 марта 2000 года № 508 «О размере пособия по временной нетрудоспособности», Правил исчисления непрерывного трудового стажа рабочих и служащих при назначении пособий по государственному социальному страхованию, Основных условий обеспечения пособиями по государственному социальному страхованию и Положения о порядке обеспечения пособиями по государственному социальному страхованию».

⁹³ Определение от 4 апреля 2006 г. № 89-О «По запросу Сормовского районного суда города Нижнего Новгорода о проверке конституционности положений пунктов 9, 10 и 19 статьи 44 Федерального закона от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и статьи 14, пункта 2 статьи 15 и статьи 23.1 Федерального закона «О ветеранах», а также по жалобе граждан Волкова Анатолия, Вотякова Бориса Васильевича, Галагана Григория Семеновича и Голикова Александра Васильевича на нарушение их конституционных прав указанными законоположениями».

без угрозы реституции их собственности⁹⁴; недопустимость возложения на гражданина — добросовестного приобретателя жилья рисков, возникших ввиду упущений государства, в частности при регистрации в ЕГР⁹⁵; защита прав автовладельцев, являющихся добросовестными приобретателями⁹⁶.

8. Совокупность решений, создавших, по существу, российское налоговое право в его нынешнем, обеспечивающем баланс публичных и частных интересов, виде, в частности указавшие на допустимость наказания лишь за виновное деяние, принцип дифференциации ответственности и т. д⁹⁷.

9. Решение Конституционного Суда, признающее постановления ЕСПЧ, установившее нарушение положений ЕКПЧ при рассмотрении конкретного дела, по которому было вынесено данное судебное постановление, послужившее поводом для обращения заявителя в ЕСПЧ, в качестве основания пересмотра по заявлению гражданина ранее вынесенных российским судом постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам в случае⁹⁸.

10. Решение Конституционного Суда, обосновавшее конституционную значимость охраны ценных градоформирующих объектов, что позволило сохранить историко-культурный ландшафт Санкт-Петербурга⁹⁹.

⁹⁴ Постановление № 6 от 21 апреля 2003 г. «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О. М. Мариничевой, А. В. Немировской, З. А. Скляновой, Р. М. Скляновой и В. М. Ширяева».

⁹⁵ Постановление от 22 июня 2017 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. Н. Дубовца».

⁹⁶ Определение от 12 мая 2006 г. № 167-О «По жалобе гражданина Кириллова Владимира Сергеевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 15 Таможенного кодекса Российской Федерации».

⁹⁷ Постановление № 11-П от 15 июля 1999 г. «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона РСФСР «О Государственной налоговой службе РСФСР» и законов Российской Федерации «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» и «О федеральных органах налоговой полиции»».

⁹⁸ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. А. Дорошка, А. Е. Кота и Е. Ю. Федотовой».

⁹⁹ Определение от 15 июля 2010 г. № 931-О-О «По жалобе гражданки Андроновой Ольги Олеговны на нарушение ее конституционных прав положениями статей 39 и 40 Градостроительного кодекса Российской Федерации, статьи 13 Закона Санкт-Петербурга «О градостроительной деятельности в Санкт-Петербурге», статей 7 и 8 Закона Санкт-Петербурга «О порядке организации и проведения публичных слушаний и информирования населения при осуществлении градостроительной деятельности в Санкт-Петербурге»».

Конституционный нормоконтроль и общество

В условиях демократии те огромные возможности, которыми наделены органы конституционного контроля, не могут не обуславливать необходимость постоянного взаимодействия

между ними и гражданским обществом. Вместе с тем и принцип судебной независимости, и в целом специфика работы высших органов государственной власти (за исключением парламентов) налагают достаточно жесткие ограничения на выбор конкретных вариантов подобной коммуникации.

В этой ситуации, как убеждает опыт Конституционного Суда Российской Федерации, наиболее предпочтительной формой выступает, наряду с общей информационной открытостью, внимание, проявляемое к мнению экспертного сообщества.

Уникальность статуса органов конституционной юстиции выражается, в частности, в окончательности и бесповоротности принимаемых ими решений. Но эти исключительные свойства актов конституционного правосудия влекут за собой предъявление к ним исключительных же требований, не позволяющих органу конституционной юстиции почивать на лаврах презюмируемой безошибочности своих решений (предполагаемой невозможности их пересмотра), но обязывающих стремиться к высказыванию предельно обоснованных правовых позиций.

Применительно к Конституционному Суду России можно, полагаем, с известной долей уверенности сказать, что не столько формальные моменты (высшая юридическая сила), сколько концептуальные и юридико-технические достоинства сообщают решениям Суда авторитет в глазах членов юридического цеха и всего российского общества.

Информационная открытость в том числе предполагает готовность к откровенному разговору с обществом о подходах, которых придерживается Суд по ключевым вопросам правового развития страны,— подходах, неизбежно отражающихся в принимаемых им решениях.

На реализацию этой принципиальной установки нацелена и повседневная работа Секретариата Конституционного Суда по учету и анализу ведущегося в обществе обсуждения решений, принимаемых Судом, которое естественным образом не избавлено и от критических нот.

Соответствующая информация поступает в Секретариат по нескольким каналам.

Во-первых, это обращения в форме конституционной жалобы (т. е. связанные с конкретными спорами о праве), содержащие критику решений Суда. Сюда же следует отнести повторные жалобы по вопросам, уже рассмотренным Судом, однако с изложением новых доводов, так или иначе противостоящих линии аргументации, которой держался Суд в вынесенном ранее решении.

Во-вторых, это содержащие критику решений Суда обращения на имя высших должностных лиц Суда (председатель и его заместители), поступающие не в связи с конкретными спорами о праве.

В-третьих, это критика решений Суда со стороны юридического сообщества (академические круги, профессиональные ассоциации), нередко осуществляемая в рамках научных и экспертных мероприятий, в том числе проходящих с участием судей Конституционного Суда и сотрудников Секретариата.

Наконец, аналитическая служба Секретариата регулярно проводит мониторинг общественно-политических и специальных изданий на предмет выявления и изучения реакции общества и экспертов, а также выработки соответствующих рекомендаций по мерам, которые было бы желательно принять Секретариату в этой связи. Текущему мониторингу, предпринимаемому ежемесячно в целях выявления и последующего анализа откликов на решения Конституционного Суда, подвергаются ведущие издания юридической периодики; общероссийские СМИ, располагающие наибольшей читательской аудиторией; сайты, являющиеся наиболее популярными среди юридического сообщества дискуссионными площадками в киберпространстве.

Кроме того, выступления нескольких десятков крупнейших правоведов автоматически включаются в подлежащий мониторингу массив вне зависимости от места публикации.

Наконец, в некоторых случаях аналитическая служба специально проводит посвященные оценке принятых решений экспертные опросы *a posteriori*.

Раз в четыре месяца проводится углубленный мониторинг. Он охватывает вышедшие в России и за рубежом монографии, диссертационные исследования, сборники научных статей, материалы научных конференций, так или иначе касающиеся деятельности Конституционного Суда.

В ходе текущего и углубленного мониторингов определяется существование критических высказываний в связи с принятыми Конституционным Судом решениями (согласно разработанной аналитической службой типологии); анализируется аргументация; устанавливается частотность критических высказываний применительно к конкретным решениям, а также принадлежность критических отзывов (по процессуальным и социально-профессиональным критериям).

Завершив сбор и обработку полученных данных, аналитическая служба Секретариата готовит обзорные записки общего и специального характера (по отдельным наиболее дискутируемым решениям).

Следует сказать и еще об одном инструменте, эффективно используемом в практике Секретариата. Параллельно с выработкой решений, которые, будучи приняты, станут, как предполагается, заведомо «резонансными», составляется подробный комментарий к ним. Этот комментарий, детально раскрывая мотивы, которыми руководствовался Суд, позволяет осветить аспекты, обычно не включаемые в резолютивную часть и в тоже время обладающие значимостью и для правоприменителя и для граждан.

Как уже было отмечено, важно определить действительные мотивы критики. Их диапазон довольно обширен. Часто это просто выражение недовольства решением Суда одним из участников конституционного судопроизводства, не подкрепленное сколько-нибудь серьезным обоснованием. Нередко встречается и ошибочное убеждение, что происходящее ущемление прав и законных интересов напрямую вызвано решениями Суда, тогда как в реальности его обуславливают дефекты (пробелы) законодательства, а также недостатки правоприменения. К данной группе примыкают неудачные с точки зрения соблюдения прав и свобод граждан меры, принятые законодателем во исполнение того или иного решения Суда.

Бывает также, что после констатации Судом неконституционности того или иного законоположения, законодатель не счел целесообразным проверить законодательство для выявления норм, также содержащих признанное неконституционным положение. Когда же последующие решения Суда, базирующиеся на том решении, где впервые была сформулирована соответствующая правовая позиция, все более активно начинают проникать в правоприменение, возникает и начинает обсуждаться коллизия с не подвергшимся исправлению нормативным регулированием.

Едва ли не большинство критических отзывов, адресуемых Конституционному Суду, порождают пробелы в регламентации тех или иных правоотношений, когда после установления неконституционности соответствующей нормы законодатель продолжительное время не восполняет образовавшуюся лакуну.

Иными словами, недовольство по существу вызывают не столько предполагаемые несовершенства решения Суда, сколько их несвоевременное исполнение.

Обобщение и анализ откликов подобного рода выявляют системные сбои, к сожалению, существенно осложняющие исправную работу механизмов правового регулирования. Соответствующие выводы включаются в ежегодно подготавливаемую аналитической службой Секретариата «Информацию об исполнении решений Конституционного Суда». Кроме того, эти данные используются в обращениях, направляемых Секретариатом уполномоченным органам государственной власти в целях принятия надлежащих мер по выполнению решений Суда.

Другая распространенная причина негативных отзывов — недостаточная осведомленность обо всем спектре выработанных и применяемых Судом правовых позиций, с опорой на которые принимаются решения по схожим делам. Отсюда порой возникает впечатление «неожиданности» от решений, которые на самом деле последовательно развиваются уже давно сформулированные правовые позиции.

В качестве оптимальной меры реагирования иногда избираются выступления сотрудников Секретариата на различного рода академических форумах и медиа-площадках, а также меры, принимаемые по линии пресс-службы (организация пресс-конференций, серии интервью, составление пресс-релизов с разъяснением смысла и действительного значения решений Суда, ставших предметом дискуссии).

В последние годы важное значение получили в рассматриваемом аспекте непропцессуальные публичные документы о деятельности Конституционного Суда — тематические «Информации», одобряемые решением Конституционного Суда и посвященные наиболее крупным проблемам нормотворчества, а также правоприменения (2009, 2012, 2014, 2016, 2018 гг.).

Тем самым окончательность решений Конституционного Суда никак не влечет за собой невосприимчивость к критическим отзывам. Более того, вдумчивый и беспристрастный их анализ несомненно продуктивен. Ведь, например, немалая часть критических откликов,

исходящих из академической среды, сосредотачивается не на резолютивной, а на мотивировочной части решений, затрагивая не суть решения, а концептуальные или юридико-технические аспекты его обоснования, и содержит полезные замечания и наблюдения.

Осуществляемый Секретариатом анализ откликов на принимаемые решения в некоторых случаях ведет к тому, что последующее обращение по вопросу, внешне схожему с тем, решение по которому было вынесено ранее, тем не менее не признается повторным (а следовательно, не подлежащим рассмотрению) и принимается к производству.

Наконец, анализ критических отзывов на определения, отказывающие заявителю в рассмотрении его обращения, дает материал для предложений по совершенствованию конституционного судопроизводства.

Понятно, что информационная открытость, равно как и чуткость Секретариата к внешним оценкам деятельности Суда, имеют свои объективные пределы. Можно с большой долей вероятности предположить, что в здании Конституционного Суда никогда не будут проводиться ток-шоу, равно как и блиц-опросы среди посетителей его официального сайта. Но вряд ли это можно считать проявлением безучастности к общественному мнению. В той мере, в какой диалог с гражданским обществом и, частности, профессиональным сообществом, содействует большей прозрачности конституционного правосудия и в конечном счете укрепляет его авторитет, Секретариат готов к всестороннему участию в обсуждении состоявшихся решений со всеми заинтересованными субъектами.

Разумеется, изучение Секретариатом отзывов на решения Конституционного Суда не имеет и не может иметь прямых процессуальных последствий. Однако это работающий механизм взаимодействия. Поддерживая обратную связь с обществом, это взаимодействие препятствует замыканию Суда в некой «башне из слоновой кости» и тем самым улучшает качество конституционного нормоконтроля.

Глава 3

Конституционный нормоконтроль: защита прав и свобод

Претворение в жизнь верховенства права, демократии, разделения властей, равно как и действительное признание прав и свобод человека высшей ценностью, неотделимы от готовности заинтересованных субъектов отстаивать свои конституционно защищенные права с использованием всех имеющихся в их распоряжении средств. Одним из наиболее результативных средств правовой защиты является конституционный нормоконтроль.

Содержание обращений, поступающих в органы конституционного контроля, убеждает в соответствующем стремлении граждан государств — участников МПА СНГ. С одной стороны, рост таких обращений свидетельствует о имеющихся дефектах нормативного регулирования, в том числе по смыслу, придаваемому ему правоприменительной практикой. Но, с другой стороны, это показатель восприятия конституционных прав в качестве неотъемлемой принадлежности правового статуса и решимости защищать этот статус от любых покушений.

Усвоение нормативным регулированием и правоприменением подходов, которые формулируются органами конституционного контроля в ходе проверки законов (а в системной связи с ними — и практики) на конституционность, получило название конституционализации. Наиболее глубоко данным процессом оказалась затронута сфера субъективных прав и свобод.

На отстаивании *основных (личных) прав и свобод* сосредоточено приоритетное внимание органов конституционного контроля. Их решениями последовательно защащаются право на жизнь и право на свободу и личную неприкосновенность; право на неприкосновенность частной жизни и право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства; свобода мысли и право на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов публичной власти или их должностных лиц.

Конституционная защита личных прав распространяется на всех лиц, находящихся на территории государств — участников МПА СНГ, включая иностранных граждан.

Эти права и свободы неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения. Соотнесение их возникновения и принадлежности с естественным явлением — рождением — утверждает их естественно-правовую природу, их безусловный и первичный характер. Признание прирожденных и неотчуждаемых прав и свобод человека в качестве непосредственного источника действующего права, а также защита этих прав и свобод органами конституционного контроля, оказывают весомое влияние на развитие правовых систем государств — участников Межпарламентской Ассамблеи.

В частности, естественно-правовая конструкция неотчуждаемых прав закреплена в статье 2 Конституции РФ, провозгласившей права и свободы человека высшей ценностью; в статье 17, гарантирующей права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией РФ закрепляющей положение о прирожденном характере прав человека и определяющей конституционные пределы их действия; в статье 18, в соответствии с которой эти права человека являются непосредственно действующими и определяют содержание деятельности государства и т.д.

Так, например, с учетом того, что *свобода совести является непременным компонентом личных прав*, Конституционный Суд РФ оценил конституционность положений Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», согласно которому публичные богослужения, другие религиозные обряды и церемонии, проводимые вне культовых зданий и сооружений и относящихся к ним территории, иных мест, предоставленных религиозным организациям для этих целей, вне мест паломничества, учреждений и предприятий религиозных организаций, кладбищ и крематориев, а также жилых помещений, осуществляются в порядке, установленном для проведения митингов, шествий и демонстраций (постановление от 5 декабря 2012 г. № 30-П). Рассмотренные положения были признаны не соответствующими Конституции в той мере, в какой они распространяют на такие публичные религиозные мероприятия, как молитвенные и религиозные собрания, проводимые в иных, помимо указанных в законе местах, установленный законодательством порядок проведения митингов, демонстраций и шествий без учета различий между теми молитвенными и религиозными собраниями, проведение которых может потребовать от органов публичной

власти принятия мер, направленных на обеспечение общественного порядка и безопасности как самих участников религиозного мероприятия, так и других граждан, и теми, проведение которых не сопряжено с такой необходимостью. Правоприменителям предписано не применять порядок проведения митингов, демонстраций и шествий к молитвенным и религиозным собраниям, проводимым в нежилом помещении, если ни содержание самого религиозного мероприятия, ни местонахождение нежилого помещения не требуют от органов публичной власти принятия мер, направленных на обеспечение общественного порядка, безопасности и спокойствия граждан.

Приведем еще несколько примеров из конституционно-контрольной практики, посвященной соответствующей проблематике.

В 2009 г. Конституционный Совет РК признал не соответствующим Конституции РК принятый Парламентом РК и представленный на подпись Главе государства Закон «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам свободы вероисповедания и религиозных объединений». Было обращено внимание на то, что в нем в нарушение конституционного принципа равенства всех перед законом неправомерно сужен круг лиц, наделяемых льготами, а также лиц, законные интересы которых должны защищаться уполномоченным органом, необоснованно ограничена конституционно признанная свобода совести, созданы неравные правовые условия для лиц, принадлежащих к разным конфессиям.

Конституционной палатой ВС КР было отмечено, что Закон «О свободе вероисповедания и религиозных организациях в Кыргызской Республике» не определяет критерии согласования списка граждан — членов Учредительного совета, являющихся инициаторами создания религиозной организации, несоблюдение которого инициаторами при согласовании с местным кенешем (местным представительным органом) может привести к отказу в учетной регистрации. «Такая правовая неопределенность в вопросах порядка, сроков, критерии согласования приводит к различному толкованию и применению местными кенешами оспариваемой заявителем нормы. В то же время отсутствие закрепленной законом процедуры отказа при согласовании списка инициаторов для создания религиозной организации местным кенешем лишает обращающихся лиц защиты своих прав в судебном порядке. Это, в свою очередь,

приводит к нарушению права на свободу объединения, закрепленного в Конституции» (решение от 4 сентября 2014 г.)¹⁰⁰.

К категории личных прав и свобод относится *и свобода передвижения, право выбирать место пребывания и жительства, включая право на выезд за пределы территории государства*. Будучи существенным элементом свободы личности и одновременно неотъемлемой составляющей нормативного механизма реализации основных прав и свобод личности, свобода выбора места пребывания и жительства с необходимостью предполагает участие государства в отношениях, опосредующих их осуществление.

С учетом этого обстоятельства Конституционный Суд РФ указал, в частности, что принятие решения о временном ограничении права гражданина на выезд из Российской Федерации не может основываться на установлении одного лишь факта допуска к сведениям особой важности или совершенно секретным сведениям, отнесенными к государственной тайне, и, во всяком случае, требует выяснения характера конкретной информации, к которой гражданин имел доступ в рамках своей профессиональной деятельности, и степени ее секретности, в том числе на момент обращения в уполномоченные органы в связи с предполагаемым выездом за пределы страны, а также целей выезда и других обстоятельств, наличие которых позволяет сделать вывод о необходимости применения указанного ограничения (постановление от 7 июня 2012 г. № 14-П). В каждом конкретном случае — и в отношении военнослужащих, и в отношении граждан, не проходящих военную службу, — такому решению должны предшествовать установление наличия у лица не только формального допуска к сведениям особой важности или совершенно секретным сведениям, отнесенными к государственной тайне, но и фактического доступа к ним, а также оценка всех других связанных с этим обстоятельств, обуславливающих в совокупности необходимость временного ограничения его прав в конституционно защищаемых целях.

Со своей стороны, Конституционный Суд РБ рассмотрел конституционность норм, предусматривающих проставление отмечок в паспортах граждан Республики Беларусь для временного выезда за границу. В соответствии с Законом «О порядке выезда

¹⁰⁰ Бобукеева М. Роль и значение решений Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики в преодолении законодательных пробелов и правовой неопределенности // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2016: междунар. альманах. Ереван: Центр конституционного права Республики Армения, 2016.

из Республики Беларусь и въезда в Республику Беларусь граждан Республики Беларусь» и иными нормативными правовыми актами гражданин, прежде чем выехать за рубеж, должен был не только получить визу, оформить другие документы, но и поставить в паспорте отметку (штамп), свидетельствующую о том, что у него нет ограничений на выезд за границу. Признавая возможность определенных ограничений для выезда за рубеж, защищающих публичные интересы, а также законные интересы иных лиц, орган конституционного контроля отметил, что эти ограничения должны определяться только законом, не искажать природу соответствующих прав, быть разумными и справедливыми. Тем самым такое основание для ограничения временного выезда за рубеж как предъявление к лицу любого гражданского иска является неприемлемым. Согласно статье 30 Конституции РБ граждане имеют право свободно передвигаться и выбирать место жительства в пределах Республики Беларусь, покидать ее и беспрепятственно возвращаться обратно. Как отметил Конституционный Суд РБ, содержание указанной статьи свидетельствует о неотъемлемости данного конституционного права, его принадлежности каждому гражданину. Установленное же в законодательстве требование об обязательности проставления отметки в паспорте всеми гражданами, желающими временно выехать за границу, абсолютное большинство которых не имеет ограничений на выезд, умаляет их права и несоразмерно защищаемым Конституцией РБ ценностям. Государство, как это предусмотрено в статье 59 Конституции РБ, обязано принимать все доступные ему меры для создания такого внутреннего и международного порядка, при котором наиболее полно осуществляются права и свободы личности, прежде всего предусмотренные Конституцией РБ, включая и право на свободу выезда из Республики Беларусь, и беспрепятственного возвращения обратно. Дополнительное проставление отметок (штампов) в паспорте, которое объясняется необходимостью контроля за лицами, имеющими временное ограничение на выезд, является не только излишним обременением для граждан, но и несоразмерным провозглашенным в Конституции РБ целям (решение Конституционного Суда РБ от 27 сентября 2002 г.)¹⁰¹.

¹⁰¹ Василевич Г. Конституционно-правовые основания ограничения прав и свобод человека в Республике Беларусь // Конституционное правосудие в новом тысячелетии 2003: международ. альманах. Ереван: Центр конституционного права Республики Армения, 2003.

Приведем совсем недавний пример, также относящийся к конституционной защите права на свободу передвижения. В декабре 2016 г. Конституционным Советом РК рассмотрено обращение районного суда о признании неконституционным положения Правил оформления документов на выезд за пределы Республики Казахстан на постоянное место жительства, утвержденных постановлением Правительства республики, предусматривающего представление выезжающим в органы миграционной полиции нотариально удостоверенного заявления от всех лиц, имеющих по закону право на получение с него алиментов, об отсутствии у них возражений на выезд. Конституционный Совет РК указал на ряд недостатков в правовом регулировании данных вопросов и предписал Правительству инициировать поправки в законодательные акты в сфере миграции населения с целью более полного обеспечения прав и свобод человека и гражданина.

Отдельное направление конституционной правозащиты связано с обеспечением *права на свободу и личную неприкосновенность*. Оно, в частности, означает право не подвергаться ограничениям, которые связаны с применением таких принудительных мер, как задержание, арест, заключение под стражу или лишение свободы во всех иных формах, без предусмотренных законом оснований, санкции суда или компетентных должностных лиц, а также сверх установленных либо контролируемых сроков. Вместе с тем, будучи неотчуждаемым и принадлежащим каждому от рождения, право на свободу может быть правомерно ограничено при аресте, заключении под стражу и содержании под стражей.

Так, например, Конституционный Совет РК, осуществив толкование статье 16 Основного закона, раскрыл сущность понятия «задержание» и определил правила исчисления его срока; под задержанием в конституционно-правовом значении следует понимать меру принуждения, выражющуюся в кратковременном, не более 72 часов, ограничении личной свободы человека в целях пресечения правонарушения или обеспечения производства по уголовным, гражданским и административным делам, а также применения иных мер принудительного характера, и осуществляемую уполномоченными государственными органами, должностными и иными лицами на основании и в порядке, предусмотренным законом (2012 г.). Началом срока задержания является момент, когда ограничение свободы задержанного лица, включая свободу передвижения, принудительное

удержание в определенном месте, принудительное доставление в органы дознания и следствия (захват, закрытие в помещении, принуждение пройти куда-либо или оставаться на месте и т. д.), а также какие-либо иные действия, существенно ограничивающие личную свободу человека, стало реальным, независимо от признания задержанному какого-либо процессуального статуса или выполнения иных формальных процедур. В соответствии с указанием Конституционного Совета РК моментом окончания этого срока является истечение 72 часов, исчисляемых непрерывно со времени фактического задержания. В последующем данные правовые позиции были положены в основу нормативного регулирования применения соответствующих мер в Уголовно-процессуальном кодексе РК, а также в Кодексе об административных правонарушениях РК.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Украины, высказанной относительно сроков административного задержания с опорой на принцип верховенства права, включающего такие элементы, как соразмерность и правовая определенность, административное задержание лица без мотивированного решения суда не может превышать 72 часов. Между тем ранее Кодекс Украины об административных правонарушениях предусматривал случаи, когда лицо могло быть задержано до 10 суток (решение от 11 октября 2011 г)¹⁰².

В качестве примера защиты права на свободу и личную неприкосновенность в сочетании с защитой свободы передвижения и права на выбор места жительства можно привести другое решение Конституционного Суда Украины по конституционному представлению Уполномоченного Верховной Рады Украины по правам человека. Согласно положению Закона Украины «О милиции» органам милиции предоставлялось полномочие задерживать и в течение 30 суток содержать под стражей лиц, подозреваемых в бродяжничестве. Между тем целью такого задержания являлось выяснение причастности лица к занятию бродяжничеством, т. е. к совершению преступления или другого правонарушения. Наличие данного права у милиции было обусловлено уголовной ответственностью за такое деяние (статья 214 УК УССР 1960 г.) Однако данный состав преступления впоследствии был декриминализирован и состава бродяжничества как правонарушения не содержит ни действующий Кодекс

¹⁰² Вдовиченко С. Л. Принцип верховенства права в деятельности Конституционного Суда Украины // Роль органов конституционного контроля в обеспечении верховенства права в нормотворчестве и правоприменении. Минск: СтройМедиаПроект, 2017.

Украины об административных правонарушениях, ни иные законы. Конституционный Суд Украины пришел к выводу о неконституционности оспариваемого законоположения, поскольку задержание в любом случае не может быть признано обоснованным, если действия, инкриминируемые задержанному, во время их совершения не могли расцениваться или не признавались законом в качестве правонарушения (решение от 29 июня 2010 г.).

Конституционным Судом РТ положения УПК РТ, устанавливающие, что не подлежит обжалованию и опротестованию вынесенное в ходе судебного разбирательства определение (постановление) в отношении избрания, изменения или отмены меры пресечения, были признаны неконституционными. Было подчеркнуто, что любой порядок, который ограничивает права участников уголовного процесса по защите их процессуальных прав и становится преградой для осуществления, в частности, их прав на обжалование судебных актов, считается ограничивающим гарантию на судебную защиту и право обращения в государственные органы, установленные Конституцией РТ (постановление от 27 сентября 2013 г.). В дальнейшем на основании данного постановления парламентом страны были внесены изменения в УПК РТ, в результате которых норма, ограничивающая права на обжалование и опротестование вынесенного в ходе судебного разбирательства определения (постановления) относительно избрания, изменения или отмены меры пресечения, была исключена¹⁰³.

Решением Конституционного Суда РТ был также признан неконституционным и утратил силу указ Президиума Верховного Совета РТ от 15 ноября 1993 г. о приостановлении действия ряда статей УПК РТ, которыми запрещалось обжалование в суде ареста или продления срока содержания под стражей и судебной проверки обоснованности ареста. Было возобновлено действие приостановленных статей УПК РТ, тем самым у граждан появилась возможность беспрепятственно обращаться в суд по указанным вопросам.

Немалое количество поступающих жалоб касается вопросов осуществления оперативно-разыскной деятельности, что свидетельствует о законодательных и правоприменительных проблемах, связанных с соблюдением *права на неприкосновенность частной жизни*,

¹⁰³ Хошимзода Д. Конституционный Суд и принцип разделения властей в Таджикистане // Конституционное правосудие: вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2015. № 4 (70).

а также *права на тайну телефонных переговоров*, при проведении соответствующих мероприятий. Вместе с тем использование результатов оперативно-разыскной деятельности в процессе доказывания в рамках уголовного судопроизводства предполагает повышенные требования к соблюдению принципов законности и обоснованности при проведении оперативно-разыскных мероприятий. В связи с этим, в частности, Конституционный Суд РФ неоднократно обращал внимание судов общей юрисдикции на необходимость при принятии ими соответствующих правоприменительных решений оценивать законность и обоснованность оперативно-разыскных мер при тщательном учете конкретных обстоятельств дела.

Так, Конституционный Суд Украины дал толкование статье 62 Конституции Украины в аспекте соблюдения права граждан на свободу и личную неприкосновенность, определив, что обвинение в совершении преступления не может основываться на фактических данных, полученных в результате оперативно-разыскной деятельности без соблюдения конституционных положений или с нарушением порядка, установленного законом, а также путем совершения целенаправленных действий по их сбору и фиксации с применением мер, предусмотренных Законом Украины «Об оперативно-разыскной деятельности», лицом, не уполномоченным на осуществление такой деятельности (решение от 20 октября 2011 г.).

В соответствии с положениями конституций государств — участников МПА СНГ каждому гарантируется *свобода слова*, т. е. возможность беспрепятственно выражать свои суждения. Вместе с тем эта свобода имеет ограничения, обусловленные запретом пропаганды и агитации, возбуждающих социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду.

Реализация *свободы слова* имеет свои особенности и в сфере осуществления государственной службы. На некоторые из них Конституционный Суд РФ обратил внимание в постановлении от 30 июня 2011 г. № 14-П. В нем отмечено, что свобода слова есть также условие эффективности общественного контроля действий публичной власти. Конституционное требование о недопустимости принуждения к отказу от своих мнений и убеждений адресовано государственным органам, органам местного самоуправления, политическим партиям, другим общественным объединениям, их должностным лицам, всем членам общества. Специфика государственной службы как профессиональной деятельности по обеспечению исполнения

полномочий государственных органов предопределяет правовой статус государственных служащих, особенности которого обусловлены характером выполняемой ими деятельности и предъявляемыми к ним квалификационными требованиями. Законодатель вправе в рамках своей дискреции определять с помощью специального правового регулирования права и обязанности государственных служащих, налагаемые на них ограничения, связанные с государственной службой, а также предоставлять им соответствующие гарантии с учетом задач, принципов организации и функционирования того или иного вида государственной службы. Опираясь на подходы Европейского Суда по правам человека, касающиеся реализации статьи 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, которая, по общему правилу, обязывает государственных служащих к лояльности и осмотрительности в части публичных высказываний, Конституционный Суд РФ пришел к выводу о неконституционности безусловного запрета государственным гражданским служащим и сотрудникам правоохранительных органов каких бы то ни было публичных высказываний, суждений и оценок, связанных с деятельностью органов государственной власти,— без учета их содержания и общественной значимости, мотивов, побудивших к соответствующему выступлению, затрагиваемых в нем проблем, возможности использования иных — предусмотренных законом — способов их решения, соотношения причиненного (могущего быть причиненным) соответствующими действиями государственного служащего ущерба для государственных или общественных интересов с ущербом, предотвращенным в результате таких действий.

Право каждого на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц, гарантируется обязанностью государства в случае нарушения органами публичной власти и их должностными лицами охраняемых законом прав обеспечивать потерпевшим доступ к правосудию, компенсацию причиненного ущерба и государственную, в том числе судебную, защиту прав и свобод человека и гражданина. Тем самым институт реабилитации служит фундаментальной гарантией, основой обеспечения личных прав. О недостаточном качестве законодательного регулирования отношений в сфере обеспечения права на реабилитацию свидетельствуют решения Конституционного Суда РФ, устраняющие законодательные и правоприменительные препятствия, которыми

затрудняется действие института реабилитации или искажается его сущность. Была высказана важная правовая позиция: предусматривая специальные механизмы восстановления нарушенных прав для реализации публично-правовой цели — реабилитации каждого, кто незаконно и (или) необоснованно подвергся уголовному преследованию, законодатель не должен возлагать на гражданина, как более слабую сторону в этом правоотношении, излишние обременения, связанные с произвольными решениями и действиями органов исполнительной власти, а, напротив, обязан создавать процедурные условия для скорейшего определения размера причиненного вреда и его возмещения, во всяком случае не подвергая сомнению принцип исполняемости принятых решений о выплатах компенсации вреда реабилитированным лицам (постановление от 2 марта 2010 г. № 5-П).

Развитие биомедицинских, в том числе репродуктивных, технологий, включая суррогатное материнство, ставит новые, до настоящего момента не возникавшие, вопросы в области конституционной защиты личных прав и свобод. В связи с этим, в частности, Конституционным Судом РФ была выражена позиция, согласно которой право суррогатной матери давать согласие на то, чтобы при государственной регистрации рождения ребенка его родителями были записаны генетические родители, означает имеющуюся у нее возможность в записи акта о рождении ребенка записать себя матерью ребенка, что фиксируется и в свидетельстве о его рождении, обусловливая тем самым для женщины, родившей ребенка, права и обязанности матери (определение от 15 мая 2012 г. № 880-О).

Вклад органов конституционного контроля в укрепление правовой демократии связан прежде всего с *защитой политических прав*. Ограждая интересы граждан как участников политического процесса, политические права содействуют утверждению подлинного народовластия. Полноценное осуществление политических прав: права формировать публичную власть через участие в выборах и осуществлять гражданский контроль над нею; права доступа к публично-властным должностям; права объединяться в партии и союзы для защиты своих интересов; права свободно выражать свое мнение, в том числе посредством собраний, митингов, шествий, демонстраций, обращения с петициями к органам публичной власти; права получать и распространять информацию; права участвовать

в отправлении правосудия и т. д. — гарантирует действительное соблюдение всех остальных прав и свобод.

Так, Конституционным Судом КР были признаны неконституционными норма Закона «О статусе столицы Кыргызской Республики» и принятые на его основе постановление «Об утверждении Правил проведения в городе Бишкек собраний, митингов, шествий, демонстраций, манифестаций и пикетов», которым устанавливался ряд условий для получения разрешения, чтобы проводить в столице подобные акции, несмотря на то, что согласно Конституции КР регулирование порядка и условий проведения таких акций является прерогативой законов, а не подзаконных актов. Тем самым орган конституционного контроля воспрепятствовал нарушению права граждан на непосредственное выражение своих убеждений, включая обращение с призывами и требованиями в целях привлечения внимания публичной власти к общественно значимым проблемам¹⁰⁴.

При рассмотрении обращений относительно соблюдения политических прав и свобод, вызванных как несовершенством законодательства, так и недостатками правоприменительной деятельности, органы конституционного контроля государств — участников МПА СНГ исходят из того, что, определяя баланс частных и публичных интересов, законодатель обязан учитывать, что цели ограничения прав и свобод должны быть не только юридически, но и социально оправданы, а сами ограничения — адекватны этим целям, отвечать требованиям справедливости и не искажать саму суть конкретного политического права или свободы. И даже применение допустимого ограничения того или иного политического права обязывает к использованию строго обусловленных названными целями правовых средств. В том числе потому, что цели одной только рациональной организации деятельности органов публичной власти не могут служить основанием для ограничения прав и свобод, публичные интересы могут оправдывать ограничения прав и свобод, не исключая и политических, лишь если такие ограничения соразмерны социально необходимому результату и обусловлены его достижением.

Правовые позиции, формулируемые конституционно-контрольной практикой, устраниют стоящие на пути политических прав

¹⁰⁴ Сыдыкова С. Практика конституционного правосудия в Кыргызской Республике: Доклад на первой Всемирной конференции органов конституционного правосудия, Кейптаун, 22–24 января 2009 г. // Конституционное правосудие: вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2009. № 1 (43).

и свобод препятствия. В них развиваются и конкретизируются конституционные предписания относительно свободных выборов, свободы деятельности общественных объединений, политического и идеологического многообразия, обозначаются ориентиры для текущей законодательной деятельности и правоприменения.

В частности, демократическое формирование органов публичной власти основывается на реализации избирательных прав во всей их полноте. Поэтому неотъемлемым аспектом рассматриваемой проблемы выступает *совершенствование избирательного законодательства, согласование его с конституционными принципами*.

Речь идет в том числе о праве местных сообществ самостоятельно решать, по какой модели им проводить выборы — по пропорциональной, мажоритарной или смешанной; о недопущении граничащей с произволом широты усмотрения партийного руководства по исключению кандидатов из партийных списков, а также таких методов распределения депутатских мандатов, которые, нарушая требование пропорциональности распределения мандатов, подрывают само существование права на свободные выборы.

Но прежде всего важно создание надлежащего механизма защиты избирательных прав, качественное и своевременное рассмотрение электоральных споров. В связи с восстановлением нарушенных прав в ходе судебного рассмотрения избирательных споров особенно острый становится вопрос о процессуальном обеспечении справедливого правосудия, и прежде всего о создании условий для своевременного устранения судебной ошибки.

Требования граждан в области защиты избирательных прав носят по своей природе публичный характер. Возникшая из публичных правоотношений, эти требования обладают не только индивидуальным, но и общественным смыслом, т. е. затрагивают интересы значительного числа граждан. Отсюда столь важно установление такого порядка судебной защиты избирательных прав, который был бы адекватен выражаемым этими правами конституционным ценностям.

В этой связи особенное значение приобретает должностное исполнение Постановления Конституционного Суда РФ от 22 апреля 2013 г. № 8-П, признавшего возможность обжалования избирателями, не являющимися кандидатами либо представителями участвующих в выборах партий, итогов голосования на своем избирательном

участке. В этом решении было признано, что подобный подход ставит под сомнение конституционную ценность свободных выборов и легитимность избранного должностного лица или коллегиального органа власти. Согласно заявленной Конституционным Судом позиции законный и подлежащий судебной защите интерес, присутствующий у каждого избирателя, отнюдь не заканчивается опусканием бюллетеня в урну, но распространяется и на надлежащее подведение итогов выборов. Законодательно устанавливаемые условия такого обжалования не должны парализовать эту возможность.

В качестве примера конституционно-судебной защиты избирательных прав можно также назвать решение Конституционной палаты ВС КР, в котором было отмечено, что правоотношения, связанные с предвыборной агитацией против всех, требуют отдельного правового регулирования, поскольку являются производным от признаваемой законодателем возможности избирателей выразить свою волю путем заполнения графы «против всех» в избирательном бюллетене. В связи с этим парламенту было предписано устраниТЬ правовую неопределенность в вопросе проведение гражданами предвыборной агитации против всех кандидатов (решение от 27 ноября 2015 г.).

Осуществление большинства политических прав напрямую связано с институтом гражданства и обладанием статусом гражданина. Согласно указанию Конституционного Суда РФ, эффект «переживания», т. е. действия после утраты юридической силы Закона Российской Федерации «О гражданстве Российской Федерации», распространяется на имевших ранее гражданство СССР лиц, которые хотя и не обращались за оформлением гражданства Российской Федерации по рождению в течение срока действия указанного Закона Российской Федерации, но и не приобрели по своему свободному волеизъявлению гражданство другого государства. Иные категории лиц с момента вступления в силу Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» реализуют право на приобретение гражданства Российской Федерации в установленном данным законом порядке.

С учетом того, что *свобода собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирования является значимой гарантией реализации политических прав*, Конституционный Суд РФ разъяснил, что несоответствие реального количества участников публичного мероприятия предполагаемому их количеству, указанному в уведомлении о проведении данного публичного мероприятия, может служить

основанием привлечения его организатора к административной ответственности за нарушение установленного порядка проведения публичного мероприятия только в том случае, если будет установлено, что именно это несоответствие, возникшее по вине организатора публичного мероприятия, создало реальную угрозу для общественного порядка и (или) общественной безопасности, безопасности участников данного публичного мероприятия, равно как и лиц, в нем не участвовавших, причинения ущерба имуществу физических и юридических лиц (постановление от 18 мая 2012 г. № 12-П).

К обязательным предпосылкам демократической государственности относится *право на обращение*. Принимая во внимание это обстоятельство, Конституционный Суд РФ указал, что положения Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» должны распространяться на отношения, связанные с рассмотрением органами государственной власти и местного самоуправления обращений объединений граждан, в том числе имеющих статус юридического лица, и не препятствовать распространению предусмотренного порядка рассмотрения обращений на отношения субъектов обращения с государственными и муниципальными учреждениями и другими организациями, на которые возложено осуществление публично значимых функций.

В поле зрения органов конституционного контроля государств — участников МПА СНГ находятся вопросы реализации активного и пассивного избирательного права, права на участие в референдуме, осуществления политических свобод, прежде всего права граждан собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование, а также права на местное самоуправление.

Залогом устойчивого демократического развития являются *гражданское общество* как сфера автономной активности граждан и беспрепятственная деятельность его институтов, также обеспечивающие решениями органов конституционного контроля.

Так, например, рассмотрев положения Закона «Об Адвокатуре Кыргызской Республики и адвокатской деятельности», Конституционный Суд КР выявил, что они не предусматривают организационно-правовой формы адвокатских организаций, дающих возможность самостоятельного ведения адвокатской деятельности, не преследуя коммерческих целей. В связи с этим некоторые предусмотренные в законе обязанности оказываются невыполнимыми. В свою очередь,

согласно Закону «О некоммерческих организациях» некоммерческие организации отличаются такими особыми признаками, как общность интересов и преследование целей удовлетворения духовных и других нематериальных потребностей, что не соответствует сущности адвокатской деятельности. Ввиду этого законодателю предписано внести необходимые изменения в закон об адвокатуре с соблюдением принципа соразмерности государственного вмешательства и с учетом оценки реальных возможностей самого профессионального сообщества, не допуская нарушения его независимости.

Неуклонный рост поступающих в органы конституционного контроля и посвященных *соблюдению экономических прав* обращений говорит об усиливающейся заинтересованности граждан и их объединений (хозяйствующие субъекты) в отстаивании этой категории прав.

Защита права частной собственности, свобода собственности и договора, добросовестная конкуренция и предотвращение монополизации образуют конституционную основу рыночной экономики. Ее становление и развитие требуют прочных гарантий имущественных прав, свободы экономической деятельности на основе принципов юридического равенства и социальной справедливости. Следование конституционным принципам свободы экономической деятельности и свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств гарантирует стабильность, предсказуемость и надежность гражданского оборота.

Будучи одним из неотчуждаемых прав, право собственности принадлежит к основам основ конституционного правопорядка, представляя собой фундамент всех экономических прав. В государствах — участниках МПА СНГ конституционно признаются и равным образом защищаются все формы собственности.

Вместе с тем принцип неприкосновенности собственности не может рассматриваться как препятствие для правомерного публичного вмешательства, реализующего в том числе начало социальной справедливости. Право собственности не абсолютно, а его осуществление неотъемлемо от обременений, обусловленных теми функциями, которые возлагает на собственность социальное государство.

Поэтому при выявлении конституционно-правового смысла законоположений, предполагающих те или иные публичные обременения права собственности (и тем самым затрагивающих осуществление данного права), в задачу органов конституционного контроля

входит установление баланса между ценностями свободы собственности и социальных обязательств, с этой собственностью соотносимых.

Так, например, решением Конституционного Суда КР были признаны неконституционными отдельные статьи Закона «О государственном пенсионном социальном страховании», предусматривающие, что «работающим пенсионерам, заработка плата которых выше средней заработной платы, сложившейся в республике, с 1 января 1999 года пенсия выплачивается в размере 50 процентов общей пенсии» и «начисленные суммы пенсий, не востребованные пенсионером своевременно, выплачиваются за прошлое время, но не более чем за один год», как нарушающие конституционные права граждан на собственность¹⁰⁵.

Конституционный Суд РБ, рассмотрев конституционность положений Гражданского кодекса о договоре займа иностранной валюты, обратил внимание Верховного Суда РБ как органа, направляющего судебную практику и изменившего ее в 2001 г. (суды стали ориентироваться на взыскание иностранной валюты, причитающейся по договорам займа, заключенным между гражданами Республики Беларусь, в доход государства) при сохранении действия тех же норм законодательства, на то, что изменение данной практики было осуществлено вопреки интересам участников договора займа иностранной валюты, которые рассчитывали на защиту своих интересов со стороны государства. Появившиеся изменения вносили также неопределенность в содержание правовых норм, на основании которых государственные органы применяли меры по справедливому разрешению споров. Для вынесения законных решений следовало использовать все возможности, включая и совершение актов законодательства, и возможности Конституционного Суда РБ. Период развития судебной практики, направленной Верховным Судом РБ по пути, противоречащему законодательству, должен быть исключен из расчета срока исковой давности (заключение от 30 марта 2004 г.)¹⁰⁶.

Конституционный Суд РМ проверил конституционность положений Уголовного кодекса РМ, по которым использование кредитных средств не по назначению, указанному в кредитном договоре, или

¹⁰⁵ Баекова Ч. О конституционном правосудии в Кыргызской Республике // Конституционное правосудие: вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2001, 2002. № 4 (14) — 1 (15).

¹⁰⁶ Василевич Г. Реализация принципа равенства перед законом и судом в практике Конституционного Суда Республики Беларусь // Единое правовое пространство Европы и практика конституционного правосудия. М., 2007.

невозврат кредита и процентов в сроки и на основаниях, оговоренных в кредитном договоре, если такими действиями финансовому учреждению причинен материальный ущерб в крупных размерах, наказывается лишением свободы на срок от трех до семи лет с конфискацией имущества или без таковой и лишением права занимать определенные должности. Конституционный Суд РМ подчеркнул, что прямой смысл ответственности за невозврат кредита и процентов в сроки и на условиях, оговоренных в кредитном договоре, состоит в том, что она относится к гражданским договорным обязательствам, следовательно, спор подлежит разрешению в соответствии с положениями Гражданского кодекса. Предусмотрев для такого рода споров уголовное наказание в виде лишения свободы сроком от трех до семи лет, законодатель проигнорировал положения международных актов, одной из сторон которых является Республика Молдова. Ввиду этого Конституционный Суд установил, что невозврат кредита и процентов в сроки и на условиях, оговоренных в кредитном договоре из части 1 статьи 155 Уголовного кодекса РМ противоречит Конституции РМ (постановление от 2 апреля 2002 г. № 17).

В другом случае Конституционный Суд РМ указал на вытекающее из принципа свободы договоров правило соразмерности, по которому договор частного права, заключенный по обоюдному согласию сторон, имеющих равные права, может быть расторгнут только с согласия сторон. Лишь судебная инстанция по обращению заинтересованных лиц вправе вмешиваться в договорные отношения для отмены решения и расторжения договора при наличии для этого законных оснований. В этом аспекте законодатель не вправе вмешиваться в договорные отношения. Он может регламентировать порядок расторжения договоров, но не расторгать их, поскольку расторжение договора может быть осуществлено только на основании решения судебной инстанции. Между тем при принятии дополнений в закон «О рынке ценных бумаг» Парламент нарушил принцип разделения властей (статья 6 Конституции РМ) и, вмешавшись в полномочия судебной власти, проигнорировал принцип законности и принцип соблюдения прав, приобретенных законным путем, закрепленные в Конституции РМ (постановления от 3 октября 2000 г. № 34 и от 5 августа 2003 г. № 17)¹⁰⁷.

¹⁰⁷ Райлян П. Разделение и взаимодействие властей в Республике Молдова и роль конституционного контроля // Конституционное правосудие: вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2013. № 2 (60).

В связи с рассмотрением законопроекта по вопросам принудительного изъятия имущества для государственных нужд Конституционный Совет РК указал, что принудительное изъятие имущества для государственных нужд может иметь место только при наличии потребности в переходе такого имущества в государственную собственность или для удовлетворения государственных интересов, вытекающих из функций государства и преследующих общественно значимые цели. При этом исключительность случаев принудительного изъятия имущества предполагает отсутствие иного способа удовлетворения государственных нужд без такого изъятия. Обязательным условием принудительного отчуждения имущества для государственных нужд в исключительных случаях является представление собственнику равноценного возмещения этого имущества. Принудительное отчуждение имущества для государственных нужд производится не иначе, как по решению суда (нормативное постановление от 28 мая 2007 г. № 5). В последующем Парламентом РК были внесены необходимые поправки в Земельный кодекс РК¹⁰⁸.

Также Конституционный Совет РК признал не соответствующей Конституции норму Закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», согласно которой пропуск установленного данным законом шестимесячного срока подачи документов на государственную регистрацию являлся основанием для отказа в приеме документов, поступающих на государственную регистрацию. Конституционный Совет РК постановил, что пропуск срока подачи документов на государственную регистрацию не должен препятствовать реализации гражданами и юридическими лицами своих имущественных прав и обязанностей. Совет констатировал, что принципы и нормы Конституции РК провозглашают и закрепляют гарантии права собственности на всех этапах его возникновения, изменения и прекращения, распространяются на все процедуры вынесения соответствующих решений государственными органами и должностными лицами.

Тем самым Конституционным Советом РК был сформулирован ряд правовых позиций, раскрывающих конституционный смысл права собственности, допустимые его ограничения и способы защиты. В частности, указав, что нормы Конституции, провозглашающие

¹⁰⁸ Темербеков А. А. Реализация потенциала Конституции — главная задача Конституционного Совета Республики Казахстан // Вестник Конституционного Совета Республики Казахстан. 2010. № 16.

и закрепляющие гарантии права собственности на всех этапах его возникновения, изменения и прекращения, распространяются на все процедуры вынесения соответствующих решений государственными органами и должностными лицами, обеспечивая стабильное и поступательное развитие общества и государства (постановления Конституционного Совета РК от 23 апреля 2008 г. и от 7 декабря 2011 г.)¹⁰⁹

В свою очередь, Конституционным Судом РТ было обращено внимание на несовершенство законодательной регламентации обеспечения права на собственность и жилище. Рассмотрев вопросы, связанные с признанием членом семьи собственника, существующим порядком вселения членов семьи и их правами на пользование жилищем собственника и признав статью 121 «Члены семьи собственника» и статью 122 «Права и обязанности членов семьи и бывших членов семьи собственника» Жилищного кодекса РТ соответствующими Конституции РТ, он выявил их конституционный смысл, и, обращаясь к законодателю, указал на причины, по которым применение данных законоположений на практике стало проблематичным.

С учетом роли, которую играет в условиях современной экономики качественное, не ущемляющее законных интересов налогоплательщиков и в то же время согласованное с публичными интересами налоговое законодательство, одним из центральных направлений конституционной защиты экономических прав является нормоконтроль в области *налогового права*. Нормы налогового законодательства проверяются в контексте защиты конституционного права собственности.

В частности, Конституционный Суд РФ, устанавливая при проверке налогового законодательства необоснованное ограничение прав налогоплательщиков путем возложения на них излишних обременений, неоднократно указывал в своих решениях на недопустимость чрезмерного вмешательства государства в сферу экономической деятельности, не отвечающего принципам справедливости, равенства и соразмерности, которые должны соблюдаться при ограничении в конституционно значимых целях свободы договора, свободного использования гражданами своих способностей для

¹⁰⁹ Рогов И. И. Конституция Казахстана — основа поступательного развития общества и государства // Право и государство: научно-информационный журнал Казахского гуманитарно-юридического университета. 2015. № 3.

предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, с тем чтобы обеспечивался баланс конституционно защищаемых ценностей.

Также было признано неконституционным проведение повторной выездной налоговой проверки налогоплательщика вышестоящим налоговым органом в порядке контроля деятельности налогового органа, проводившего первоначальную выездную налоговую проверку, по итогам которой может быть вынесено решение, влекущее изменение прав и обязанностей налогоплательщика, определенных не пересмотренным и не отмененным в установленном процессуальным законом порядке судебным актом, принятым по спору того же налогоплательщика и налогового органа, осуществлявшего первоначальную выездную налоговую проверку, и тем самым вступающее в противоречие с ранее установленными судом фактическими обстоятельствами и имеющимися в деле доказательствами, подтвержденными данным судебным актом (постановление от 17 марта 2009 г. № 5-П). Как было подчеркнуто, повторная выездная налоговая проверка, проводимая вышестоящим налоговым органом в порядке контроля деятельности налогового органа, осуществлявшего первоначальную выездную налоговую проверку, должна отвечать критериям необходимости, обоснованности и законности, с тем чтобы не превращаться в неправомерное обременение для налогоплательщика. В противном случае налоговый контроль превращается из необходимого инструмента налоговой политики в инструмент подавления экономической самостоятельности и инициативы, чрезмерного ограничения свободы предпринимательства и права собственности. Превышение налоговыми органами (их должностными лицами) своих полномочий либо использование их вопреки законной цели и охраняемым правам и интересам граждан, организаций, государства и общества несогласимо с принципами правового государства, в котором осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц.

Судебный акт, принятый по спору между действующим от имени государства налоговым органом и налогоплательщиком впредь до его опровержения в судебном же порядке не может быть отвергнут никаким другим налоговым органом, в том числе вышестоящим. Иная — не судебная — процедура ревизии судебных актов принципиально недопустима, поскольку означала бы возможность — вопреки обусловленным природой правосудия и установленным

процессуальным законом формам пересмотра судебных решений и проверки их правосудности исключительно вышестоящими судебными инстанциями — замещения актов органов правосудия административными актами, что является безусловным отступлением от необходимых гарантий самостоятельности, полноты и исключительности судебной власти.

Кроме того, критерий законно установленного налога — применительно к конкретным правоотношениям — предполагает разрешение этого спора не только в соответствии с устанавливающим тот или иной налог законом, но и в законных процедурах. Если же налогопательщик обязывается к уплате налоговых платежей на основании административного решения, принятого вопреки действующему судебному акту, то такие платежи не могут считаться соответствующими данному критерию. Принудительное изъятие имущества в виде сумм налога и иных платежей, осуществленное в ненадлежащей процедуре, нарушает также судебные гарантии защиты конституционно закрепленного права собственности. В результате имеет место несоразмерное конституционно значимым целям ограничение указанных прав.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РБ, важнейшим элементом принципа верховенства права является соблюдение законности в налоговых правоотношениях. В частности, поскольку обязательные страховые взносы по своей правовой природе сходны с налоговыми платежами и имеют с ними одинаковую правовую конструкцию, поскольку основные элементы обязательных страховых взносов, как и налогов (а именно: плательщики, объект, налогооблагаемая база и др., включая предельные размеры ставок), необходимо определять на уровне закона, четко и ясно по каждому виду налога, сбора и иного обязательного платежа. Поэтому при установлении обязательных страховых взносов законодателем должен обеспечиваться такой же подход, как и при регулировании налоговых отношений. Так как вопросы состава объекта обязательных страховых взносов, установления видов выплат, на которые не начисляются страховые взносы, затрагивают такие конституционные права граждан, как право собственности (статьи 13 и 44 Конституции РБ), право социального обеспечения (статья 47 Конституции РБ), а также конституционную обязанность граждан принимать участие в финансировании государственных расходов путем уплаты государственных налогов, пошлин и иных платежей (статья 56 Конституции РБ), то регулирование этих вопросов должно осуществляться на основе

законодательных актов, а не актов министерств и других республиканских органов государственного управления (заключение Конституционного Суда РБ от 24 сентября 1998 г.) При осуществлении предварительного нормоконтроля Конституционный Суд РБ постоянно ссылается на эту имеющую универсальный характер позицию¹¹⁰.

На защиту права собственности направлены также решения, принимаемые в связи с проверкой конституционности не только гражданского, но и уголовно-процессуального и административного законодательства.

На установление баланса между различными конституционными ценностями в сфере экономических прав направлено указание Конституционного Суда РФ о том, что в силу принципа справедливости, проявляющегося, в частности, в необходимости поддержания равновесия прав и обязанностей всех участников рыночного взаимодействия, свобода, признаваемая за лицами, осуществляющими предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность, равно как и гарантуемая им защита, должны быть уравновешены обращенным к этим лицам (прежде всего — к тем из них, кто занимает доминирующее положение в той или иной сфере) требованием ответственного отношения к правам и свободам тех, кого затрагивает их хозяйственная деятельность (постановление от 24 июня 2009 г. № 11-П).

В целом решения, посвященные защите экономических прав, свидетельствуют о поиске органами конституционного контроля государств — участников МПА СНГ непротиворечивого соотношения интересов личности, общества и государства в сфере хозяйствования.

Обращения *по вопросам трудовых и социальных прав*, в том числе по вопросам социальной защиты отдельных категорий граждан, жилищных прав, права на пенсионное обеспечение, по своему удельному весу составляют (наряду с обращениями, затрагивающими вопросы уголовного и уголовно-процессуального права) большую часть из рассматриваемых органами конституционного контроля государств — участников МПА СНГ.

Не будучи тождественными понятиями, правовая государственность и государственность социальная тем не менее глубоко связаны

¹¹⁰ Бойко Т. С. Реализация принципа верховенства права в налоговом законодательстве через призму правовых позиций Конституционного Суда Республики Беларусь // Роль органов конституционного контроля в обеспечении верховенства права в нормотворчестве и правоприменении. Минск: СтройМедиаПроект, 2017.

между собой. В частности, распространение принципа юридического равенства на социальную сферу предполагает справедливость в распределении социальных благ и общественного благосостояния, утверждая конституционно обусловленное содержание социального законодательства как совокупности компенсационных мер, направленных на выравнивание стартовых возможностей индивидов, необходимых для реализации ими своей правоспособности. В связи с этим конституционно-контрольная практика противостоит неправовым действиям законодателя в сфере социального обеспечения, внесению произвольных изменений в социальное законодательство, ведущим к снижению уровня социальной защиты населения, попыткам превращения — со ссылкой на недостаток экономических возможностей — конституционного императива в сугубую декларацию.

Согласно позиции Конституционного Суда РФ, изменение содержания и формы ранее установленных льгот и социальных гарантий должно осуществляться законодателем таким образом, чтобы соблюдался принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства. Данный принцип предполагает правовую определенность, сохранение разумной стабильности правового регулирования, недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм, предсказуемость политики в социальной сфере, иначе новое правовое регулирование, по существу, будет означать произвольную отмену прав, приобретенных гражданами в соответствии с ранее действовавшим законодательством и реализуемых в конкретных правоотношениях.

Так, Конституционный Суд РМ признал неконституционными положения закона, согласно которым пенсионерам, имеющим доходы, подлежащие государственному социальному страхованию, назначенная пенсия выплачивалась только в размере, не превышающем двух минимальных пенсий по возрасту. В связи с этим было отмечено, что ограничение права на выплату назначенных пенсий пенсионерам, имеющим другие доходы, противоречит целевому назначению и сущности пенсий, установление данной ограничительной нормы ущемляет право получателей пособий на труд — право, которое закреплено в Конституции РМ и не подлежит ограничению (постановление от 18 мая 1999 г.)¹¹¹.

¹¹¹ Сафалер Е. Основные критерии оценки ограничений прав человека в практике Конституционного Суда Республики Молдова // Конституционное правосудие в новом тысячелетии 2003: международ. альманах. Ереван: Центр конституционного права Республики Армения, 2003.

Конституционной палатой ВС КР был рассмотрен вопрос о конституционности повышения сумм возмещения вреда в связи с повышением размера расчетного показателя. Индексация в связи с повышением стоимости жизни проводилась в соответствии с Законом «Об индексации доходов и сбережений населения с учетом изменения цен на потребительские товары и услуги». В объекты индексации, согласно указанному закону, в том числе входили и суммы, выплачиваемые в возмещение вреда. Однако законодатель впоследствии признал этот закон утратившим силу, не предусмотрев новое правовое регулирование данного вопроса. Ввиду этого установленная Трудовым кодексом КР индексация сумм по возмещению вреда в связи с повышением стоимости жизни стала носить неопределенный характер, не позволяя повышать размеры денежных компенсаций в связи с инфляцией. Конституционная палата ВС КР предписала Правительству КР инициировать внесение законопроекта, устраняющего правовую неопределенность в применении соответствующих положений Трудового кодекса КР (решение от 19 февраля 2014 г.)¹¹².

Изменение правового регулирования может быть связано с углублением дифференциации условий предоставления тех или иных мер социальной защиты. Такая дифференциация должна иметь разумное оправдание, быть обоснованной. В противном случае возникает опасность нарушения прав граждан — вразрез с целями, ради достижения которых допускается ограничение прав и свобод.

В большинстве случаев нарушение конституционно защищенных прав связано с изменением правового регулирования, в результате которого была допущена необоснованная дифференциация условий социального обеспечения граждан, относящихся к одной категории.

Так, Конституционный Суд РТ признал противоречащей Конституции РТ норму трудового законодательства, запрещавшую определенной категории работников государственного аппарата, а также судьям, прокурорам, их заместителям и помощникам, следователям прокуратуры обращаться в суд в связи с увольнением и иными трудовыми спорами и предполагавшую рассмотрение лишь вышестоящими органами в порядке подчиненности. Теперь все работники государственных структур имеют возможность обращения в суд

¹¹² Бобукеева М. Роль и значение решений Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики в преодолении законодательных пробелов и правовой неопределенности // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2016: международ. альманах. Ереван: Центр конституционного права Республики Армения, 2016.

за защитой своих трудовых прав. В другом случае Конституционный Суд РТ признал положения Правил аттестации и регистрации патентных поверенных Республики Таджикистан, в соответствии с которыми «должностные лица и служащие Патентного ведомства в период работы в Патентном ведомстве и в течение трех лет после увольнения из Патентного ведомства не могут быть аттестованы и зарегистрированы в Реестре в качестве патентных поверенных», не соответствующим Конституции РТ (постановление от 28 марта 2013 г.)¹¹³.

Практика деятельности Конституционного Суда РУ показывает, что к нему обращаются за толкованием норм законов и органы, не имеющие на то право согласно Конституции и Закону «О Конституционном Суде Республики Узбекистан». Так, Институт мониторинга действующего законодательства при Президенте Республики Узбекистан обращался в Конституционный Суд по двум вопросам: 1) о толковании статьи 118 Трудового кодекса РУ о возможности установления сокращенной продолжительности рабочего времени для отдельных категорий работников; 2) о проверке конституционности норм, регулирующих порядок назначения и выплаты пособия в связи с уходом за заболевшим членом семьи. Оба вопроса были признаны судьями Конституционного Суда РУ заслуживающими рассмотрения на судебном заседании. Их правильное разрешение позволило существенно расширить права работников на сокращенную продолжительность рабочего времени и получение пособия в связи с уходом за заболевшим членом семьи. В частности, в деле о проверке конституционности пункта 17 части 5 Положения о порядке назначения и выплаты пособий по государственному социальному страхованию Конституционный Суд РУ пришел к выводу, что норма этого Положения, ограничивающая права работника, находящегося в очередном или дополнительном трудовом отпуске, на получение пособия по уходу за заболевшим членом семьи не соответствует Конституции РУ¹¹⁴.

Помимо того, при осуществлении социальных выплат и предоставлении льгот в условиях федеративного государства, каким

¹¹³ Каримов К. М. Конституционный суд и социальное государство: Идеи о формировании социального государства // Вестник Конституционного суда Республики Таджикистан. 2013. № 3.

¹¹⁴ Мухамеджанов А. З. Судебно-правовая реформа и развитие конституционного правосудия в Республике Узбекистан // Государство и право. 2018. № 2. С. 84–92.

является Россия, немало трудностей вызывает вопрос об объеме дискреционных полномочий регионального законодателя, что связано с неопределенностью разграничения полномочий по предметам совместного ведения.

Заметим, что незначительные, казалось бы, проблемы нормативного регулирования, проецируясь на правоприменительную плоскость, нередко создают зиркульную угрозу осуществлению конституционных прав. Поэтому конституционный нормоконтроль ограждает конституционно гарантированный объем прав и свобод от посягательств со стороны публичной власти, в том числе от возможных угроз, связанных с неконституционной трактовкой законодательства правоприменителями. В частности, осуществляемое методами конституционного нормоконтроля преодоление дефектов конституционности в области трудового законодательства сочетается с устранением находящихся с ними в системной связи дефектов конституционности, носящих правоприменительный характер.

В рамках конституционного нормоконтроля происходит и обеспечение *процессуальных гарантит соблюдения прав и свобод*.

Независимое и действенное правосудие — непреложное условие правового государства, признающего, соблюдающего и защищающего права человека.

Поскольку непременной гарантией прав и свобод является свободный доступ к правосудию, поскольку законодатель не вправе посягать на него ни прямо (путем ограничения имеющего абсолютный характер права на судебную защиту), ни косвенно (например, нечетко формулируя критерии подсудности или понижая требования, предъявляемые к объективности судебного рассмотрения и выносимых по его результатам решений).

Государство, нарушающее право на справедливое судебное разбирательство, перестает быть правовым.

Суду и только суду дано окончательно разрешать споры о праве. Без отвечающей своему назначению судебной защиты никакие демократические достижения в любых других областях не могут быть надлежащим образом обеспечены. Состояние правосудия оценивается прежде всего по его способности обеспечивать развитие общества в пределах правового поля и в первую очередь — успешно защищать субъективные права.

Конституции государств — участников МПА СНГ гарантируют каждому судебную защиту его прав и свобод, а также осуществление

правосудия только судом на основе принципов верховенства права, юридического равенства и справедливости.

В своей деятельности органы конституционного контроля государств — участников МПА СНГ исходят из нераздельности права, свободы и независимого суда, сознавая, что там, где не вершится правосудие, воцаряется произвол. Правовые позиции, выраженные ими по вопросам судебной системы, существенным образом влияют и на судоустройство, и на судопроизводство. В их решениях детализируется содержание права на судебную защиту, на справедливое судебное разбирательство, на пересмотр судебных актов, определяются гарантии независимости судей, в том числе при реализации мер дисциплинарной ответственности и при лишении судейских полномочий.

Верховенство права и гарантирующий его принцип конституционной законности предполагают единообразное понимание и применение закона не только в каждой из судебных подсистем, но и в масштабе всей судебной системы.

В связи с этим, как было подчеркнуто Конституционным Судом РФ, суды общей юрисдикции и арбитражные суды, независимо от того, в какой процессуальной стадии находится на рассмотрении конкретное дело, с момента вступления в силу постановления Конституционного Суда, содержащего конституционно-правовое истолкование нормы (примененной или подлежащей применению в данном деле), опровергающее прежнее ее истолкование, в том числе приданное ей разъяснениями высших судебных инстанций, обязан исполнять постановление Конституционного Суда (постановление от 8 ноября 2012 г. № 25-П).

В Российской Федерации проверка конституционности норм процессуальных кодексов затронула, в частности, такие проблемные вопросы, как надзорное производство, производство по пересмотру судебных постановлений в связи с вновь открывшимися обстоятельствами, требование о разумном сроке судебного разбирательства и компенсации за его нарушение.

Одним из знаковых решений, вызвавших повышенный интерес в профессиональном сообществе и имевших немаловажное значение для развития правовой системы, стало постановление от 21 января 2010 г. № 1-П, в котором Конституционный Суд РФ определил условия, при наличии которых толкование норм права в рамках обобщения судебной практики может получать характер имеющей обратную силу правовой позиции. Было разъяснено, что приданье правовой позиции

обратной силы, позволяющей пересматривать уже вступившие в силу судебные акты, допустимо лишь при наличии в постановлении Президиума или Пленума высшего судебного органа ясного и недвусмыслинного указания на это. Кроме того, недопустимо приданье обратной силы вне учета характера спорных правоотношений и конституционных ограничений действия правовых норм с обратной силой. Так, не может иметь обратную силу постановление, содержащее толкование нормы права, которым ухудшается положение подчиненной (слабой) стороны в публичном правоотношении. Таково, в частности, возможное ухудшение положения лица, привлеченного или привлекаемого к административной ответственности. В силу конституционного требования о недопустимости придания обратной силы законам, ухудшающим положение налогоплательщиков, в результате толкования не может ухудшаться положение налогоплательщиков по сравнению с толкованием, устоявшимся в судебной практике.

В соответствии со статьей 5 Закона от 18 июля 2000 г. «О введении в действие Уголовного кодекса Республики Беларусь» подлежат пересмотру приговоры, по которым лица были осуждены согласно Уголовному кодексу РБ 1960 г. и не отбыли наказания и если назначенное судом наказание является более строгим, чем установлено верхним пределом санкции соответствующей статьи УК. В своем решении от 21 октября 2003 г. «Об основаниях пересмотра приговоров в соответствии с правилом об обратной силе уголовного закона» Конституционный Суд РБ указал, что правило об обратной силе более мягкого уголовного закона должно распространяться на все случаи смягчения новым законом ответственности лица, совершившего преступление. Это относится и к тем случаям, когда снижается минимальный предел наказания, назначенного по ранее действовавшему закону, либо иным образом изменяется санкция соответствующей статьи УК в сторону смягчения наказуемости деяния. Суды должны пересматривать приговоры, определения или постановления в случаях, когда УК иным образом, чем предусмотрено этим Законом, улучшает положение лиц, совершивших преступления. Конституционный Суд РБ признал, что в соответствии с правилом об обратной силе уголовного закона имеются основания для пересмотра приговоров в отношении осужденных, не отбывших наказание. Это относится к тем случаям, когда новым законом снижен нижний предел наказания, которое было ранее назначено лицу, либо когда иным образом изменена в сторону смягчения наказуемости

деяния санкция статьи Уголовного кодекса РБ, по которой лицо было осуждено.

Проведение *оперативно-следственных действий, а также уголовное судопроизводство* требует повышенных процессуальных гарантий соблюдения прав и свобод, что в полной мере учитывается конституционно-контрольной практикой.

Уголовно-процессуальные механизмы, в том числе обеспечивающие меры, будучи направлены на обеспечение публичных интересов, неизбежно ограничивают права и свободы, в связи с чем в решениях органов конституционного контроля подчеркивалось, что подобное ограничение должно быть обоснованным и строго пропорциональным.

В частности, Конституционным Судом РФ было отмечено, что, поскольку рассмотрение судом вопроса о проведении оперативно-разыскных мероприятий до начала производства по уголовному делу непосредственно связано с возможными ограничениями конституционных прав и представляет собой одну из форм предварительного судебного контроля, изменение его параметров должно осуществляться не произвольно, а с соблюдением общих принципов, регулирующих судебную деятельность, и фундаментальных процессуальных гарантий прав лиц, в отношении которых намечается проведение оперативно-разыскных мероприятий (постановление от 9 июня 2011 г. № 12-П).

В Азербайджане, по словам судьи Конституционного Суда АР Д. Гараджаева, в отличие от предварительного судебного контроля в отношении проводимых оперативно-разыскных мероприятий, последующий судебный контроль оставался формальным и несущественным средством защиты прав человека. Например, рассматривая обращение районного суда Конституционный Суд АР установил, что после принятия неотложных оперативных мер отсутствует необходимое единообразие как в том, что касается порядка оповещения суда о принятых мерах, так и в части осуществления последующего судебного контроля. Причина — формальный подход правоприменителя.

Так, согласно требованиям УПК АР, в случаях, предусмотренных Законом «Об оперативно-разыскной деятельности», ряд оперативно-разыскных мероприятий мог быть проведен без постановления суда по мотивированному постановлению уполномоченного лица органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность.

В этом случае уполномоченное лицо данного органа после проведения соответствующего мероприятия в течение двух суток должно представить суду, осуществляющему судебный контроль, и прокурору, осуществляющему процессуальное руководство предварительным расследованием, мотивированное постановление о проведении оперативно-разыскного мероприятия. Осуществляя такой контроль, суду следует вынести соответствующее решение, при этом проверив и целесообразность проведения оперативно-разыскного мероприятия, и его законность. Однако на практике суды не получали достаточной информации об обоснованности проведения оперативно-разыскных мероприятий и неотложности их проведения без решения суда. В связи с этим Конституционный Суд АР указал, что судья при осуществлении судебного контроля на досудебном этапе обладает следующими полномочиями: разрешать проведение оперативно-разыскного мероприятия и удовлетворять или отклонять ходатайство, выдвинутое в связи с проведением мероприятия; продлевать срок действия постановления о законном ограничении конституционных прав и свобод лица; истребовать дополнительные материалы об основаниях проведения оперативно-разыскных мероприятий; выслушивать лицо, права и свободы которого ограничены, и при необходимости (в зависимости от скрытого или открытого проведения оперативно-разыскных мероприятий) информировать заявителя о причинах проведения в отношении него оперативно-разыскных мероприятий; принимать другие меры с целью гарантии конституционных прав и свобод лица.

Таким образом, Конституционный Суд АР пришел к ключевому выводу о том, что при поступлении в суд постановления о проведении оперативно-разыскного мероприятия в соответствии со статьей 445.2 УПК АР в порядке судебного контроля должна быть проверена его законность, неотложность и обоснованность с точки зрения обеспечения конституционных прав и свобод. В связи с этим при соблюдении надлежащей конфиденциальности могут быть истребованы материалы, полученные в результате оперативно-разыскной деятельности (постановление «О толковании некоторых положений статей 137 и 445.2 УПК Азербайджанской Республики» от 12 февраля 2015 г.).¹¹⁵

¹¹⁵ Гараджаев Д. Право на частную жизнь: вопросы конституционного контроля // Защитата на основните права на гражданите и националната сигурност в съвременния свят: ролята на конституционните съдилища. София. 2017.

Органами конституционного контроля осуществляется проверка ключевых положений уголовно-процессуального законодательства. Так, например, Конституционный Суд РФ указал, что признание при рассмотрении уголовного дела преюдициального значения фактических обстоятельств, установленных вступившим в законную силу судебным актом, разрешившим дело по существу в порядке гражданского судопроизводства, не может препятствовать рассмотрению уголовного дела на основе принципа презумпции невиновности лица, обвиняемого в совершении преступления, которая может быть опровергнута только посредством процедур, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, и только в рамках уголовного судопроизводства; фактические обстоятельства, не являвшиеся основанием для разрешения дела по существу в порядке гражданского судопроизводства, при наличии в них признаков состава преступления против правосудия подлежат проверке на всех стадиях уголовного судопроизводства, включая возбуждение и расследование уголовного дела, в том числе на основе доказательств, не исследованных ранее судом в гражданском или арбитражном процессе.

При этом преюдиция требует соблюдения баланса между такими конституционно защищаемыми ценностями, как общеобязательность и непротиворечивость судебных решений, с одной стороны, и независимость суда и состязательность судопроизводства, с другой. Такой баланс обеспечивается посредством установления пределов действия преюдициальности, а также порядка ее опровержения. В силу указанных обстоятельств в уголовном судопроизводстве результатом межотраслевой преюдиции может быть принятие судом данных только о наличии либо об отсутствии какого-либо деяния или события, установленного в порядке гражданского судопроизводства, но не его квалификация как противоправного, которая с позиции уголовного закона имеет место только в судопроизводстве по уголовному делу. Уголовно-правовая квалификация действий (бездействия) лица определяется исключительно в рамках процедур, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, и не может устанавливаться в иных видах судопроизводства. Иное являлось бы нарушением конституционных прав гражданина на признание его виновным только по обвинительному приговору суда, а также на рассмотрение его дела тем судом, к компетенции которого оно отнесено законом (постановление от 21 декабря 2011 г. № 30-П).

Назовем представляющиеся наиболее значимыми в контексте обеспечения надлежащих процессуальных гарантий конституционных прав решения, вынесенные органами, осуществляющими конституционный нормоконтроль в государствах — участниках МПА СНГ.

Конституционный Суд РА признал противоречащим Конституции РА положение Уголовно-процессуального кодекса РА о направлении уголовного дела на дополнительное предварительное следствие по ходатайству обвинителя, когда «имеются основания для изменения обвинения на более тяжкое или отличающееся от первоначального по фактическим обстоятельствам». Подобное правомочие Конституционный Суд РА счел несовместимым с такими основополагающими элементами права на справедливое судебное разбирательство, как требование о проведении судебного разбирательства беспристрастным судом и на основе принципов равенства и состязательности (постановление от 24 июля 2007 г.). На основании этого решения институт направления уголовного дела на дополнительное предварительное расследование из национального законодательства был исключен¹¹⁶.

Отсутствие системного правового регулирования относительно возможности пересмотра окончательных решений органа уголовного преследования о прекращении уголовного производства по делу, о прекращении уголовного преследования или неосуществлении уголовного преследования по вновь открывшимся или новым обстоятельствам, согласно правовой позиции Конституционного Суда РА, увлечет за собой угрозу нарушения права человека на эффективную правовую защиту своих прав и свобод перед судебными и другими правоохранительными органами, а потому требует совершенствования уголовно-процессуального законодательства (постановление от 4 февраля 2011 г.)¹¹⁷.

Как следует из выраженных в решениях Конституционного Суда РБ позиций, в тех случаях, когда конституционные нормы позволяют законодателю установить ограничения прав и свобод, эти ограничения должны быть юридически допустимы, социально оправданы,

¹¹⁶ См.: Оганесян В. Конституционный Суд Республики Армения как важнейший инструмент имплементации международных обязательств страны по правам человека // Конституционное правосудие: вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2015. № 4 (70).

¹¹⁷ Овсепян А. Взаимодействие Конституционного Суда Республики Армения и прокуратуры // Конституционное правосудие в новом тысячелетии 2012: международ. альманах. Ереван: Центр конституционного права Республики Армения, 2012.

отвечать требованиям справедливости, являясь адекватными, соразмерными, необходимыми для защиты других конституционно значимых ценностей, не должны искажать реальную сущность конституционных прав и свобод. Учет этого подхода Конституционного Суда РБ особенно важен при расширении полномочий должностных лиц органов уголовного преследования, влекущих за собой ограничения прав и свобод других участников уголовного процесса. В частности, Конституционным Судом РБ было указано, что при ускоренном производстве по уголовным делам допускаются изъятия из общих правил досудебного производства, которые влекут определенные ограничения прав и законных интересов участников уголовного процесса. Такие изменения в уголовно-процессуальное законодательство являются оправданными, если они направлены на достижение конституционно значимых целей, однако в правовом государстве недопустимо снижения уровня уголовно-процессуальных гарантий как важнейшего условия соблюдения конституционных прав и свобод человека и гражданина (решение от 29 апреля 2010 г.)¹¹⁸.

Также Конституционный Суд РБ указал на необходимость более четкого разграничения функций осуществления надзора и процессуального руководства расследованием уголовных дел, что будет способствовать более эффективному обеспечению конституционных прав и свобод граждан (решение от 24 июня 2011 г.). Данная правовая позиция в дальнейшем была учтена законодателем при регламентации вопросов, связанных с образованием Следственного комитета Республики Беларусь. В частности, Законом РБ от 13 декабря 2011 года «О внесении дополнений и изменений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам образования Следственного комитета Республики Беларусь» предусмотрено освобождение прокурора от осуществления процессуального руководства предварительным следствием, что позволит следователям более эффективно реализовывать свои полномочия при расследовании преступлений, а прокурору более полно осуществлять функции надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия¹¹⁹.

¹¹⁸ Воронович Т. В. Конституционная культура: Роль конституционного правосудия в ее формировании // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. 2011. № 2.

¹¹⁹ Воронович Т. В. Обеспечение исполнения решений Конституционного Суда Республики Беларусь — гарантия защиты прав и свобод граждан // Верховенство Конституции: двадцатилетний опыт конституционного контроля: сборник научных статей судей Конституционного Суда Республики Беларусь. Минск: Белорусский Дом печати, 2014.

В связи с внесением изменений и дополнений в национальную Конституцию в 1998 г., допустившими возможность суда присяжных, Конституционный Совет РК пересмотрел свое ранее принятное решение, указывавшее на невозможность создания данного института ввиду отсутствия соответствующей конституционной нормы (постановление от 18 июня 2004 г.). Вследствие чего в 2006 г. были приняты законы «О присяжных заседателях» и «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам введения уголовного судопроизводства с участием присяжных заседателей», согласно которым с 1 января 2007 г. в Казахстане функционирует институт суда с участием присяжных заседателей по уголовным делам.

В этой связи принципиальное значение имело разъяснение Конституционного Совета РК относительно того, что обвиняемому (подсудимому) должно быть предоставлено право на заявление ходатайства о рассмотрении его дела судом с участием присяжных заседателей не только по окончании предварительного следствия, но и на начальной стадии уголовного судопроизводства. Как отмечает К. А. Мами, «в законодательстве реализовалась важная правовая позиция, выраженная в постановлении Конституционного Совета РК от 18 апреля 2007 года № 4: право обвиняемого (подсудимого) на заявление ходатайства о рассмотрении его дела судом с участием присяжных заседателей может быть предоставлено законом не только при объявлении обвиняемому об окончании предварительного следствия и предъявлении для ознакомления всех материалов дела, но и при производстве по уголовному делу в суде с момента поступления дела в суд и до назначения главного судебного разбирательства. В интересах обеспечения единообразной практики применения законодательства, регулирующего производство по делам с участием присяжных заседателей, а также с учетом новелл УПК РК Верховным Судом РК 24 декабря 2014 года внесены необходимые изменения и дополнения в постановление от 23 августа 2012 года № 4 «О практике применения судами законодательства, регулирующего производство по уголовным делам с участием присяжных заседателей»¹²⁰.

Кроме того, с учетом правовых позиций Конституционного Совета РК Правительством разработан и Парламентом принят ряд законов. Так, в УПК РК внесено дополнение, согласно которому потерпевший

¹²⁰ Мами К. А. Конституционные основы развития законодательства о судебной системе // Вестник Конституционного Совета Республики Казахстан. 2015. № 27.

(а в случае смерти последнего его правопреемники) имеет право на получение за счет бюджетных средств денежной компенсации за имущественный вред, причиненный особо тяжким преступлением, если у осужденного отсутствует имущество, достаточное для возмещения причиненного материального ущерба. Расширен круг лиц, которым квалифицированная юридическая помощь предоставляется за счет государственного бюджета. Участникам уголовного процесса предоставлено право судебного обжалования постановления органов уголовного преследования о возбуждении уголовного дела. Обвиняемый наделен правом заявлять ходатайство о рассмотрении его уголовного дела судом с участием присяжных заседателей не только при объявлении ему об окончании предварительного следствия, но и в последующий период, в том числе и на предварительном слушании дела в суде¹²¹. Также во исполнение рекомендации Конституционного Совета РК, содержащегося в нормативном постановлении от 24 января 2007 г., статья 109 УПК РК дополнена нормой, предоставляющей гражданам право судебного обжалования постановлений органов уголовного преследования о возбуждении уголовного дела.

Конституционным Судом КР были признаны неконституционными — как нарушающие конституционный принцип равенства всех перед законом и судом — нормы УПК КР и Закона «О прокуратуре Кыргызской Республики», исключавшие пересмотр вступивших в законную силу судебных постановлений по жалобам потерпевших или осужденных граждан и допускавшие лишь инициативный надзор путем предоставления права принесения протеста в порядке надзора на любые вступившие в законную силу судебные приговоры и решения прокурору и его заместителям, Председателям и заместителям Председателей Верховного и Высшего Арбитражного Судов КР; нормы ГПК КР и АПК КР, дававшие прокурорам возможность участия на любой стадии процесса в любом гражданском деле.

Помимо того, были признаны неконституционными законо- положения, предусматривающие возбуждение уголовных дел по инициативе суда, а также предоставлявшие Председателю Верховного Суда КР и его заместителям инициировать пересмотр вступивших в законную силу приговоров по мотиву мягкости назначенного наказания; допускавшие многократное использование надзорной

¹²¹ Рогов И. Влияние решений Конституционного Совета Республики Казахстан на законодательство и правоприменительную практику // Конституционное правосудие: вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2011. № 1 (51).

инстанцией по конкретному делу права отмены судебных актов местных судов и передачи дела на новое рассмотрение в суд первой или апелляционной инстанции¹²².

Были признаны неконституционными положения Закона «О Верховном Суде Кыргызской Республики и местных судах» как нарушающие право на судебную защиту в части, предусматривающей право Верховного Суда КР не рассматривать судебные дела, по которым при повторном обращении с жалобами отказано в возбуждении надзорного производства в Верховном Суде КР в соответствии с положениями законов, действовавшими до вступления в силу данного Закона (решение от 29 апреля 2008 г.).

В связи с тем, что законодатель, установив, что определение суда и постановления судьи о направлении дела на доследование в кассационном порядке обжалованию не подлежат, лишил как потерпевшего, так и подсудимого права быть выслушанным в кассационной инстанции по существу обвинения — вопреки принципам, закрепленным статьей 88 Конституции КР, в соответствии с которыми при любом публичном или ином обвинении гражданин имеет право на защиту своего достоинства и права в суде, ни при каких обстоятельствах в такой защите не может быть отказано, защита является не нарушенным правом лица на любой стадии рассмотрения судебного дела, в суде каждый участник процесса имеет право быть выслушанным,— Конституционный Суд КР признал противоречащими Конституции КР соответствующие законоположения¹²³.

Решениями Конституционного Суда КР было указано на необходимость создания отвечающей конституционным требованиям судебной системы, включающей суды первой инстанции в районах и городах, апелляционной инстанции в областях и городе Бишкеке и надзорной инстанции в Верховном Суде КР и Высшем Арбитражном Суде КР.

Во исполнение названных решений были внесены соответствующие изменения в действующее регулирование, во многом ускорив принятие законодателем новых процессуальных кодексов, нормы которых восприняли выводы Конституционного Суда КР.

¹²² Абдулгапаров А. Содействие конституционных судов и парламентов в обеспечении верховенства Конституции // Конституционное правосудие в новом тысячелетии 2009: международ. альманах. Ереван: Центр конституционного права Республики Армения, 2009.

¹²³ Кененсариеv А. С. Гарантии независимости конституционного правосудия и влияние конституционного правосудия на уголовное судопроизводство // Конституционное правосудие: вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2001.

Следует также назвать укрепившее судебную независимость решение Конституционной палаты ВС КР относительно того, что дела в отношении судей могут возбуждаться только Генеральным прокурором КР, но не прокурорами регионов (решение 27 декабря 2013 г.).

Рассмотрев положения Уголовно-процессуального кодекса РМ, согласно которым подсудимый, потерпевший, гражданский истец и гражданский ответчик после использования обычных путей обжалования могут подать жалобу на отмену в Высшую судебную палату РМ только через адвоката, Конституционный Суд РМ в постановлении от 19 июля 2005 г. установил: подобные требования противоречат Конституции РМ, а также нарушают ряд международных обязательств государства — Всеобщую декларацию прав человека (часть 1 статьи 11), Международный пакт о гражданских и политических правах (пункт «d» части 3 статьи 14), Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод (статья 6)¹²⁴.

Вообще, общепризнанные принципы международного права, а также нормы международных договоров оказывают весомое влияние на развитие правовых систем государств — участников МПА СНГ, в том числе благодаря утверждаемому органами конституционного контроля подходу: при защите прав человека, наряду с национальными правовыми средствами, следует использовать все необходимые для достижения этой цели международно-правовые инструменты. Так, Конституционный Суд РФ указал на возможность возобновления производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств на основании Соображений Комитета по правам человека ООН (образованного в соответствии с Международным пактом о гражданских и политических правах для наблюдения (контроля) за выполнением обязательств, принятых на себя государствами — участниками данного международного договора), которые, будучи приняты по результатам изучения индивидуальных сообщений, содержат предложение о проведении повторного судебного разбирательства (определение от 28 июня 2012 г. № 1248-О).

Постановлением Конституционного Суда РТ были признаны не соответствующими Конституции положения Хозяйственного процессуального кодекса РТ в части непредоставления сторонам и другим участникам процесса права принесения жалобы на вступившие

¹²⁴ Пулбере Д. Конституционный Суд Республики Молдова — гарант защиты основных прав и свобод граждан Республики Молдова // Конституционное правосудие: вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2008. № 1 (39).

в законную силу решения и постановления экономических судов. В результате стороны и другие участники процесса приобрели право принесения жалобы на вступившие в законную силу решения и постановления экономических судов¹²⁵.

Также Конституционный Суд РТ признал неконституционными положения ГПК РТ, согласно которым стороны и другие участники процесса лишились права обжалования и опротестования решений и приговоров Верховного Суда РТ, вынесенных при рассмотрении дел по первой инстанции. Тем самым участникам процесса было предоставлено право обжалования и принесения кассационного протеста на решения и приговоры Верховного суда РТ при рассмотрении дел по первой инстанции¹²⁶.

Конституционный Суд РУ дал официальное толкование нормы Закона «Об адвокатуре», гласящей, что при осуществлении профессиональной деятельности адвокат имеет право «запрашивать с согласия клиента и получать письменное заключение экспертов... по вопросам, необходимым для оказания юридической помощи». Согласно его решению «экспертные учреждения или эксперты по запросу адвоката с согласия его клиента должны предоставлять ему письменное заключение экспертов по вопросам, необходимым для оказания юридической помощи». Между тем ранее Республиканский научно-исследовательский криминалистический центр отказывал в удовлетворении просьбы адвокатов о выдаче письменных заключений экспертов по вопросам, необходимым для оказания юридической помощи клиентам, ссылаясь при этом на отсутствие нормы, закрепляющей такое право адвоката, в процессуальных кодексах. Тем самым был восполнен серьезный пробел в процессуальном законодательстве относительно права адвоката на получение результатов экспертизы, очевидным образом ущемляющий конституционные права граждан¹²⁷.

¹²⁵ Махмудов М., Абдуллаев А. Конституционный Суд Таджикистана — независимый орган судебной власти // Конституционное правосудие: вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2012. № 4 (58). См. также: Холиков К. Н. Конституционный суд, Верховный суд и Высший экономический суд Республики Таджикистан: Особенности взаимоотношений // Российское правосудие. 2011. № 4.

¹²⁶ Каримов К. М. Роль Конституционного суда в защите основ конституционного строя Республики Таджикистан // Вестник Конституционного суда Республики Таджикистан. 2011. № 3.

¹²⁷ Мирбабаев Б. Судебный контроль за конституционностью нормативных актов, защищающих права и свободы человека // Вестник Конституционного суда Республики Узбекистан. 2006. Вып. 14. С. 58–63.

Также Конституционным Судом РУ были признаны не соответствующими конституционным гарантиям судебной защиты положения УПК РУ, устанавливающие, что условно-досрочное освобождение от наказания и замена неотбытой части наказания более мягким применяются судьей по представлению администрации учреждения по исполнению наказания, и не предусматривавшей возможность обращения осужденных непосредственно в суд с просьбой об условно-досрочном освобождении от наказания и замене неотбытой части наказания более мягким¹²⁸.

Объем процессуальных возможностей и гарантий их реализации в рамках административного процесса является существенной характеристикой уровня правовой защищенности граждан в целом. Ввиду этого в фокусе конституционного контроля неизменно находятся нормы законодательства об административных правонарушениях и, в частности, положения об административной ответственности, включая толкование, придаваемое им в судебной практике.

Так, например, Конституционным Судом РБ была отмечена неконституционность судебной практики по делам об административных таможенных правонарушениях в части неприменения конфискации со ссылкой на истечение двухмесячного срока вопреки требованиям Кодекса РБ об административных правонарушениях, позволяющим налагать административное взыскание в виде конфискации вещей, являющихся непосредственными объектами административных таможенных правонарушений, и предметов со специально изготовленными тайниками, использованными для сокрытия вещей от таможенного оформления, независимо от времени совершения или обнаружения административного правонарушения. Верховному Суду РБ предложено обеспечить единообразие судебной практики по делам об административных таможенных правонарушениях в соответствии с требованиями Кодекса РБ об административных правонарушениях, допускающими привлечение к административной ответственности в виде конфискации вещей, являющихся непосредственными объектами административных таможенных правонарушений, и предметов со

¹²⁸ Мирбабаев Б. Роль Конституционного суда в реализации принципа разделения властей и защите прав человека: опыт Узбекистана // Роль Конституционного суда в реализации принципа разделения ветвей власти и защите прав человека: опыт Узбекистана и зарубежных стран: материалы международной научно-практической конференции, Ташкент, 21–22 октября 2015 года. Ташкент: Baktra press, 2016. С. 9–17.

специально изготовленными тайниками, использованными для скрытия вещей от таможенного оформления, и по истечении установленных в частях первой и второй указанной статьи сроков (решение «О соответствии Конституции статьи 37 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях и практики ее применения» от 25 апреля 2001 г.).

В решении от 29 декабря 2008 г. по вопросу обоснованности применения более продолжительных сроков наложения административных взысканий по отдельным составам административных правонарушений Конституционный Суд РБ признал, что неоднозначная формулировка нормы Кодекса об административных правонарушениях может привести к ее расширительному толкованию и распространению действия на неоправданно большой перечень административно наказуемых деяний по усмотрению правоприменителя. При этом Суд исходил из того, что обеспечение единообразного понимания и применения законов гарантирует каждому защиту его прав и свобод на основе принципов верховенства права, юридического равенства и справедливости. Если единство толкования и применения на практике не обеспечено, то это, в свою очередь, влечет неопределенность закона и возможность его противоправного и произвольного применения. Тем самым нарушается фундаментальный конституционный принцип равенства как необходимого условия реализации прав и свобод граждан.

Выявляя недостатки административно-правового регулирования и направляя его в конституционное русло, решения органов конституционного нормоконтроля государств — участников МПА СНГ, будучи обращены как к законодателю, так и к субъектам административной юрисдикции, обозначают перспективы соответствующего регулирования. В том числе совершенствованию юрисдикционного сопровождения административно-правовых отношений способствует осуществляемое при помощи конституционно-правового истолкования устранение коллизий и дефектов административного и административно-процессуального законодательства.

Одной из наиболее острых проблем остается несовершенство механизмов защиты конституционных прав от *неправомерных решений и действий органов публичной власти и должностных лиц*. Между тем суть правового государства — в его обязанности действовать в качестве правомерного субъекта. В противном случае публичная власть, утрачивая правовой характер, превращается в произвол.

В частности, в целях соблюдения конституционного принципа законности и реализации конституционного права каждого на судебную защиту Конституционный Суд РБ сформулировал адресованное законодателю предложение о необходимости устраниТЬ пробел конституционно-правового регулирования права на обжалование решений налоговых органов, действий (бездействия) их должностных лиц путем внесения в Налоговый кодекс изменений и дополнений, предусматривающих право каждого лица на обжалование решений налоговых органов, действий (бездействия) их должностных лиц, если, по его мнению, такие решения, действия или бездействие нарушают его права и законные интересы.

Конституционным Судом Украины была признана неконституционной норма Кодекса административного судопроизводства Украины, которая не закрепляла право гражданина обжаловать решение суда первой инстанции в части решений, действий или бездействия субъектов властных полномочий. Со ссылкой на принцип пропорциональности, производный от фундаментального принципа верховенства права, Конституционный Суд Украины указал, что «ограничение прав и свобод человека и гражданина является допустимым исключительно при условии, что такое ограничение является соразмерным (пропорциональным) и общественно необходимым; такие ограничения не могут быть своевольными и несправедливыми» (решение от 8 апреля 2015 г.).

Отметим также, что в период, предшествовавший принятию Административно-процессуального кодекса (2015 г.), Конституционным Судом РФ были сформулированы развернутые правовые позиции, в которых доказывалось значение процессуальных механизмов, предотвращающих необоснованное применение административно-правовых санкций, а также способствующих справедливости и соразмерности их назначения. Высказываясь по поводу надлежащего осуществления административного судопроизводства, он акцентирует необходимость разграничения компетенции судов по административным и другим делам, а также обеспечения процессуального взаимодействия между судами.

В подлинно правовом государстве конституционные нормы не могут вступать в непреодолимое противоречие с действительностью. Многие из нарушений конституционных прав вызваны такими печальными реалиями, как системная коррупция, организованная

преступность, социальная и экономическая уязвимость значительной части населения. Несовпадение между юридической формой и социальным, экономическим и политическим содержанием, которое облечено в эту форму, достигает порой критических высот. В этом контексте защита прав и свобод средствами конституционного нормоконтроля выполняет двойную задачу. Она, безусловно, способствует преодолению разрыва между нормой (ее применением) и Правом. В то же время конфликтам, чей центр тяжести лежит вне правовой плоскости, конституционная правозащита придает вид спора о праве, понижая тем самым накал политического и социального противостояния.

Исходя из сказанного, на долгосрочную перспективу основное предназначение действующего в государствах — участниках Межпарламентской Ассамблеи института конституционного контроля видится именно в защите конституционных прав и свобод. В неуклонном обеспечении методами нормоконтроля того, чтобы существование субъективных прав неискажалось ни на нормативном, ни на правоприменительном уровне, а возможные ограничения этих прав были бы оправданными и соразмерными конституционно значимым целям.

Соответственно, дальнейшее институциональное и процедурное совершенствование конституционного нормоконтроля будет, очевидно, связано как с расширением состава защищаемых прав и свобод, так и с большей гибкостью применяемых в ходе конституционной правозащиты методов.

И хотя разрешение разногласий по поводу компетенции, как правило, также входит в круг полномочий органов конституционного контроля, однако роль арбитра в спорах между ветвями власти не должна заслонять в их деятельности роли высшего правозащитника.

Вместо послесловия

Конституционный нормоконтроль как познание права

Конституционный нормоконтроль тогда, когда он достоин своего предназначения, двояко воздействует на законотворчество и правоприменение. Выявление и устранение дефектов конституционности, помимо своих небесполезных для правовой системы непосредственных результатов, утверждает в законодателе и право-примениtele ценностное, а значит и целостное, отношение к праву.

Здоровое правосознание, убежденное в призвании права ограждать Правду, уверенное, что велениям государства мало быть легальными (по порядку принятия) — нужно еще быть легитимными (по ценностной наполненности своего содержания), является собой такое же национальное достояние, как язык и культура.

На уровне правовых систем государств — участников МПА СНГ такое правосознание получает институциональную поддержку в лице органов, не опутанных догмами узкого нормативизма, но, напротив, оценивающих закон на предмет соответствия документу высшей силы, которым связуются воедино правовая и иные социальные нормативности. Их деятельность направлена в конечном счете на то, чтобы воля публичной власти, воплощаясь в законах, отвечала бы явленному еще римлянам предназначению права быть искусством Добра и Справедливости.

Только во имя поддержания в праве Правды, не меркнущей перед лицом Вечности, органы конституционного контроля наделены столь внушительными возможностями по выявлению и устранению дефектов конституционности вплоть до самостоятельного установления необходимого регулирования.

Одна древняя притча рассказывает, как слепцы-путники, натолкнувшись в夜里 на слона, пытались поведать друг другу, каков он. Каждому из них осозательно была доступна лишь часть слона: бок или хвост, хобот или бивень. Разгорелся ожесточенный спор. «Он похож на колонну», — сказал тот, кто наткнулся на ногу слона. «О, нет! Он похож на канат», — возразил дотронувшийся до хвоста. «И это не так. Он похож на толстый сук дерева», — сказал взявшийся за хобот. «Вовсе нет, он похож на большое опахало», — сказал тот, у кого оказалось слоновье ухо. «Он похож на большую стену», — настаивал

дотянувшись до туловища. «Вы все не правы, он похож на трубку», — изрек шестой, ухватив бивень...

Каждый описывал слона по-разному. И ни одно из описаний не являлось верным.

Не о принципиальной непознаваемости смысла права говорит эта история, но о губительном замыкании в узких областях правовых знаний. Едва ли не главная проблема сегодняшнего права — дробление общего знания о праве, устремленного к достижению фундаментальных категорий и значений, на множество суб- и микрознаний, сосредоточенных на частных, а порой и откровенно технических моментах.

Стремительно усложняясь, право глобализуется и фрагментируется одновременно. Появляются немыслимые доселе переплетения отраслевого регулирования, сложнейшие по своему составу правовые институты, кажущиеся неразрешимыми коллизии национальной и наднациональной регламентации, разнообразнейшие конфликты юрисдикций.

Правотворчество все более воспринимается как сугубо технический процесс по «конструированию» некоего продукта и его последующей «эксплуатации».

Набирает обороты специализация правовых механизмов. Появляется все больше узкопрофильных юридических инструментов, превосходно решающих частные задачи.

Однако все более сужающаяся специализация затрудняет объемное и многомерное восприятие права, вселяя убеждение в бесполезности такого рода попыток, в мнимости понимания права как ценностно обоснованного феномена, в тщетности соотнесения его со Справедливостью, Добром, Истиной.

На волне юридико-технологических новаций отходит на задний план представление о праве как целостном феномене.

Ковчег Права, утрачивающий ценностный компас, рискует остаться один на один с бушующей стихией требующих правового упорядочения отношений. Предвестники такого исхода — усиливающаяся расщепленность знания о праве, нарастающая амбивалентность его восприятия. Профессиональное мышление перестает быть чутким к первоистокам права, к тому, что еще со времен Платона принято называть эйдосом — смыслом, сутью, существом...

С ценностными аспектами связана так или иначе и нормотворческая, и правоприменительная деятельность любого уровня. Но

наиболее часто и глубоко соприкосновение юридического с аксиологическим происходит все же на уровне конституционного нормоконтроля, едва ли не постоянно вынужденного разрешать ценностные дилеммы.

Какая ценность, защищаемая правом, должна первенствовать над иными ценностями, несмотря на то, что и на них также базируются права и свободы?

И как в конкретной ситуации нормоконтроля уравновесить ценности индивидуальных прав другими, связанными с соображениями публичного блага, ценностями?

В ходе конституционного нормоконтроля могут подниматься и так называемые вопросы экзистенциальной перспективы: справедливо ли возложение на одни поколения бремени обязанностей во имя предположительного благоденствия будущих поколений? И наоборот, должно ли накладывать ныне живущее поколение во имя своих потомков какие-либо самоограничения (например, в добыче и потреблении природных ресурсов)? Сознание временной ограниченности, конечности человеческой жизни побуждает задумываться о том, должны ли права конкретного индивида быть справедливо сбалансированы к концу его жизни или также и на разных ее стадиях.

Все эти многосложные вопросы лежат в философской по своему существу плоскости баланса ценностей. Но они всегда в поле зрения органов конституционного контроля, которые знают: закон или правоприменительное решение, не имеющие под собой достаточной онтологической базы, не подкрепленные убедительными для коллектического правосознания доводами, множат правовой нигилизм. А через него — гибельную и для права, и для государственности, и для самой культуры социальную энтропию.

По самой своей природе конституционный нормоконтроль, пожалуй, в наибольшей степени способен учитывать все те политические, культурные, философские, морально-нравственные и теологические контексты права, в отрыве от которых юридическая нормативность утрачивает свою жизненную силу. И это особенно актуально сегодня, когда увеличение разрыва между правовым регулированием и представлениями большинства общества о добродетели и грехе, о добре и зле, о справедливости и неправедности ведет к тому, что первопричиной ненормативного поведения нередко выступает не столько «асоциальность» нарушителей законного порядка, сколько противостояние разных социальных нормативностей, и в первую

очередь — конфликт между этими нормативностями и позитивным правом.

«Предметное созерцание», прибегая к центральному понятию учения о праве Ивана Ильина, высшего смысла права, позволяет методами конституционного нормоконтроля если не преодолевать вовсе, то во всяком случае снижать ослабляющие целостное восприятие права антагонии индивидуальной свободы и общего блага, частных и публичных интересов и т. п.

Требуя глубоких познаний в области философии и теории права, конституционно-контрольная деятельность наглядно демонстрирует всю относительность и по большому счету несостоительность встречающихся противопоставлений «теоретического» и «практического», «умозрительного» и «профессионального», «кабинетного» и «компетентного», «метафизического» и «реалистического» понимания права.

Усложнение задач, встающих перед нормативным регулированием, ведет к замене линейных методов конституционного нормоконтроля (простая дисквалификация соответствующих норм) на более гибкие, преодолевающие посредством выявления конституционно-правового смысла вскрывшиеся коллизии между различными конституционными ценностями (например, между национальной безопасностью и личными свободами) и восстанавливающие тем самым баланс между ними. Неверное или неточное установление такого баланса, запоздалое обнаружение дисбаланса не просто создают помехи для нормального функционирования правовой системы, но и грозят последствиями социосистемного масштаба.

Оттого самыми фатальными последствиями чревато равнодущие к наполняющим право ценностным смыслам при отправлении конституционного нормоконтроля.

Действуя в масштабах все более усложняющейся правовой системы, органы конституционного контроля должны не только дать безупречную оценку рассматриваемой норме, но и не допустить — в результате принятого решения — каких-либо сбоев ни в одном из составляющих правовую систему сегментов.

Безразличие к высшим смыслам права обращает конституционный контроль в нечто среднее между приставленным к законодательному конвейеру «отделом технического контроля» и улаживающей споры, вспыхивающие между другими публичными органами, «конфликтной комиссией». И это в лучшем случае. В худшем

же — он предстает прямым нарушителем принципа разделения властей, присвоившим часть полномочий законодателя.

Не различая в конкретике рассматриваемого сюжета ценностный базис, не соотнося содержание конкретного решения с природой права в целом, конституционный нормоконтроль утрачивает главный свой инструмент, а тем самым — глубинное оправдание врученных ему полномочий. Триада его методов — обращение к конституционным принципам, включая присутствующие в Конституции эвентуально, но не текстуально; установление равновесия конституционных ценностей; обнаружение системной взаимосвязи между нормоположениями и целыми нормативными комплексами — плодотворна лишь тогда, когда с их помощью в нормативной или правоприменительной ситуации выявляется существование права в целом. В противном случае методы эти легко могут превратиться в орудия произвола.

В том числе без внятного представления о высшем смысле права, которым ни при каких обстоятельствах нельзя поступиться, трудно и даже невозможно противостоять внешним вызовам конституционному правопорядку, в частности претензиям отдельных межгосударственных органов на «параконституционный» статус их решений, и определить предпочтительные, а также, напротив, недопустимые пути имплементации решений, исходящих от наднационального органа, в национальной правовой системе; действительный (конвенционный) объем основных прав и критерии приемлемости их ограничения; содержание принципа субсидиарности, устанавливающего рубежи вмешательству наднациональных институтов в национальное право; соотношение конвенционного контроля и дискреции национальной публичной власти; способы преодоления издержек когнитивной дивергенции, когда при наличии схожих правовых условий схожее регулирование признается межгосударственным органом по правам человека применительно к одной стране надлежащим, а к другой — противоречащим принятым обязательствам.

Заметим, что сознание глубинного смысла права оберегает тех, кто причастен к конституционному нормоконтролю, от ловушек активизма, необоснованно расширенной трактовки полномочий, неоправданного юрисдикционного вмешательства, вызванной исключительностью институционального положения эйфории. От всего того, что заставляет забыть объективные рубежи осуществляющей правом регуляции и то, что полноценное претворение прав и свобод

требует, помимо юридических, еще и экономических, социальных, политических предпосылок.

В свое время основоположником принципа «справедливость как недискриминация» (*justice as fairness*) Дж. Роулзом был предложен термин «всеобъемлющая доктрина» (*comprehensive doctrine*) как совокупность представлений о том, что действительно ценно в человеческой жизни. Концепция является полностью всеобъемлющей, если она «охватывает все признанные ценности в пределах одной четко сформированной системы».

Иногда органам конституционного контроля рекомендуют изложить свою «всеобъемлющую доктрину», обобщить и закрепить все применяемые ими методы толкования в отдельном документе. Возможна ли такая формализация и стандартизация конституционно-контрольной методологии? Думается, нет. И прежде всего по причине невозможности ее абсолютной рационализации. Ведь, невзирая на то, что секуляризационные процессы почти вытеснили религию из публичного пространства, а религиозность — на периферию сознания, право в своих конечных посылках не может не восходить к трансцендентному. Пусть это обстоятельство не признается ни в конституционных текстах, ни в конституционно-контрольной практике, но с ним надо считаться. Конституционно-контрольная практика постоянно сопряжена с разрешением вопросов ценностного плана. Вопросов, которые ожидают ответов, согласованных не только с позитивными предписаниями и концептуальными построениями тех или иных доктрин, но и с трансцендентной подосновой, проступающей в ценностных, в частности морально-нравственных, представлениях.

Обладают ли «всеобъемлющей доктриной» органы конституционного контроля, действующие на пространстве Содружества? Если иметь в виду ее полную завершенность, то очевидно нет, впрочем, и сам Роулз ведет речь, по существу, об идеальной конструкции. Но существеннейшие фрагменты такой доктрины в их решениях явственно прослеживаются. Так, в мотивировочной части всегда находит место осмысление ценностных перипетий. В резолютивной же части всегда устанавливается определенный баланс ценностей.

Проблемы, связанные как с конституированием, так и с конституционализацией прав новейшего поколения, не могут быть ни осознаны, ни разрешены без понимания высших смыслов права.

Именно в решениях органов конституционного контроля находит согласование юридического и этического в соответствующих областях.

Конечно, при герменевтическом выявлении смысла конституционной нормы, помимо аксиологического иteleологического, имеют значение догматическое и системное толкование. Однако познание права и все сопутствующие этому когнитивные процессы никогда не бывают онтологически беспредпосыльочными и ценностно нейтральными. Не снабженные ценностными «маяками» методы толкования, какими бы технически выверенными и методологически продуманными они ни были, ведут к ложным, т. е. антиправовым заключениям. Истину в решениях, принимаемых в порядке конституционного нормоконтроля, обеспечивает кропотливое соизмерение частного (эмпирические обстоятельства дела) с общим (ценностные императивы, делающие норму правом, а нормативное регулирование — правовым).

Поэтому каждое решение органа конституционного контроля, будучи вердиктом о конституционности подвергшегося проверке нормативного акта (зачастую в системной связи с правоприменительной практикой), есть также вновь и вновь совершающее постижение сути Права, новое прояснение краеугольных правовых ценностей. Все это делает решения органов конституционного контроля не только ориентирами дальнейшего регулирования, но и своего рода камертоном познания права. Познания, вне которого право, утрачивая ценностное оправдание, а значит и целостность, становится бессвязной, хаотичной суммой полномочий и ограничений, либо превращается из замечательного дара цивилизации в ее бич.

Именно от органов конституционного контроля, которые в каждом разрешаемом ими деле призваны обосновывать справедливость ценностного выбора, во многом зависит очищение восприятия правовых реалий — и нормотворцем, и правоприменителем, и просто индивидом — от шор узкого позитивизма. Для чего, конечно, они должны быть свободны от таковых сами.

Перед каждым, кто посвятил себя Праву, всегда стоят три вечных вопроса:

- онтологический: «Что есть право?»;
- аксиологический: «В чем ценность права?»;
- гносеологический: «Как познать право?».

Акт конституционного нормоконтроля всякий раз актуализирует применительно к разрешаемой ситуации ценностную подоснову права. В этом отношении деятельность органов конституционного контроля подобна набату, не позволяющему представителям юридического цеха погрузиться в интеллектуальное забытье.

Абсолютно идеальных конституционных текстов нет, не было и никогда не будет.

Каким бы ни было совершенным государство, дистанция между конституционными предписаниями и жизнью неизбежна.

Не уподобляется ли в свете этих истин все то, чем занимаются органы конституционного контроля, трагикомической атаке Дон Кихота на ветряные мельницы?

Не утопична ли идея согласования конституционных положений с реалиями меняющейся жизни?

Полагаем, что нет.

Вот уже почти четверть столетия на страже конституций государств — участников МПА СНГ стоят, оберегая краеугольные начала правового и социального государства, органы конституционного контроля. Их усилия по обеспечению верховенства права, как можно более полному претворению конституционных предписаний, не напрасны. Последовательное очищение правового поля от дефектов конституционности трудно переоценить.

Двуединый процесс конституционализации, совершающийся благодаря их деятельности — упрочение верховенства Конституции при одновременном раскрытии ее регулятивного потенциала — поднимает нормотворчество и правоприменение на качественно новый уровень.

...Известен «парадокс корабля Тезея».

Корабль аргонавтов в ходе дальнего плавания ветшает, отдельные части заменяются на новые. Наконец, наступает момент, когда не остается ни одной исходной детали. Будет ли это тот же самый корабль или уже другой?..

В наши дни объемы и темпы нормотворчества бьют один рекорд за другим; одна новейшая юридическая технология, едва успев появиться, вытесняется другой, появляются все новые и новые объекты регулирования, в непостижимой прогрессии множатся правоприменительные решения.

В бурном потоке новшеств есть риск позабыть о праве. Расплескать его ценностное наполнение, потерять внутреннюю целостность.

В этой ситуации хранителем высших — и оттого неизменных — свойств права, связующих его с онтологически первичными величинами, оказывается именно конституционный нормоконтроль. Ведь по самой своей природе проверка закона на соответствие Конституции обращена к познанию смыслообразующих оснований права с последующим возведением к ним частных (отраслевых) смыслов.

Поддерживаемая методами нормоконтроля неразрывная связь между всеми элементами правовой системы и Основным законом не позволяет исчезнуть первоначалу корабля-государства — конституционной идентичности.

И, развивая метафору, неустанно наполняет его паруса свежим ветром.

Приложение

Символика конституционного нормоконтроля

С учетом природы конституционного нормоконтроля, а также принимая во внимание, что, реализуясь преимущественно судебной властью, он тем не менее существеннейшим образом,

как институционально, так и процедурно, отличен от обычных судов, его символика не может совпадать с общеизвестной аллегорией правосудия.

Образно-мифологической репрезентацией конституционного нормоконтроля является, полагаем, богиня Фемида. Но в ее исходной, древнегреческой, ипостаси.

Напомним, что по верованиям древних греков Фемида (Θέμις) — представительница старшего поколения богов; титанида, т. е. дочь Урана (Небо) и Геи (Земля).

В олимпийском пантеоне она была не богиней правосудия или законопорядка (законность, легальность), но богиней основных законов, т. е. высшей законности (легитимности). Персонифицируя тот, говоря языком элегий Солона, «правды священный закон», который, возвышаясь над всеми, ограждает от произвола земных властителей, от превратностей действующего законодательства.

Не случайно в микенскую эпоху само слово «фемис» означало «исконное установление по обычая», а позже производным от имени богини понятием обозначалось высшие по своему регулятивному значению правовые нормы (θέμιστες).

Фемида преисполнена высшей премудрости и безусловной истины, отчего и высшие божества следуют ее внушениям. В том числе она подает благие советы самому Зевсу; объявляет волю верховного божества другим богам.

Фемида научила людей прорицаниям и божественным обрядам, открыла для них героический гекзаметр (с которым отчасти сопоставима стилистика актов конституционного нормоконтроля).

В отношении людских дел Фемида в первую очередь выступала устроительницей эвномии («благозакония»), оберегая естественный закон от некачественного нормотворчества.

Дочери Фемиды от союза с Зевсом: Дике («справедливость»), покровительствовавшая обычному правосудию и последней из

божеств покинувшая с наступлением железного века землю; Эвномия («благозаконие»), которая, помогая матери, отвечала за качество законов; Эйрена («Мир»), символизировавшая состояние, достижимое благими законами и справедливым судом. Зевс вершил правосудие только в присутствие Фемиды и ее дочери Дике (или, как еще ее называли, Астреи), что дает некоторые основания видеть прообраз Фемиды в египетской богине справедливости и правосудия Ма'ат, помогавшей Осирису судить мертвых.

Итак, попечением Фемиды поддерживается следование высшему закону. Причем как со стороны людей, так со стороны олимпийских небожителей.

Атрибуты Фемиды:

- весы — древний символ меры и справедливости;
- рог изобилия (блага, проистекающие от установления благих законов; взаимосвязь между материальным благосостоянием и тем, что ныне именуют *good governance*);
- хитон — торжественное одеяние, облачение в которое означает духовный переход в соответствующее ритуалу состояние (прообраз судейской мантии);
- чаша (реже) как символ разрешения конфликта не силовым, но мирным путем.

Таким образом, в повязке на глазах Фемида вовсе не нуждалась. Хотя бы уже оттого, что провидела будущее, а ее оракул в Древней Греции находился близ святилища Зевса в Олимпии. Иногда же в руки Фемиды вкладывался факел, освещавший путь к истине, что также само по себе исключало повязку на глазах. Свободна от повязки Фемида и на самом раннем из дошедших до нас изображений (скульптура «Фемида из Рамнунда», Национальный археологический музей, Афины, III в. до н. э.).

Символом же ординарного, т. е. обычного, неконституционного, правосудия выступает *римская богиня Юстиция* (Iustitia; *Justitia Augusta*). Она отчасти восприняла некоторые черты Фемиды, но их отличие друг от друга принципиально.

В сравнении с правопониманием древних греков, открытому юститиалистическому восприятию права, римскому правопониманию был в гораздо большей степени присущ юспозитивизм. Какая-либо проверка и оценка закона на соответствие его высшим началам с позитивистской точки зрения — абсурдны. *Dura lex, sed lex*. И это обусловило коренную трансформацию смыслов, соотносимых с образом Фемиды.

Римляне превратили защитницу благозакония, оценивающую земные законы с точки зрения соответствия закону высшему, в покровительницу правоприменения, оберегающую позитивный закон безотносительно к его содержанию и достоинствам. Цель ординарного правосудия — торжество закона, во что бы то ни стало. *Fiat justitia et pereat mundus* («Да свершится правосудие и да погибнет мир»). Между тем методы правосудия конституционного — баланс ценностей, принцип конституционной сдержанности, схожий с гиппократовым заветом «не навреди», и т. д.

Собственно говоря, ближе всего Юстиция к дочери Фемиды — богини справедливости Дике, опекающей подчиненное земным установлениям земное правосудие.

Беспристрастие в отношении тяжущихся — немаловажное для правоприменителя качество. Таково происхождение повязки на глазах. Наряду с этим Юстиция вобрала в себя черты древнегреческой богини отмщения Немезиды. Отсюда меч в правой руке, олицетворяющий кару-возмездие (как вариант — ликторский топорик, воткнутый в пучок розог-фасций). Обозначая совершившееся государственное принуждение, опущенный меч принадлежит символическому ряду, соотносимому именно с общим правосудием. Ведь оно, в отличие от правосудия конституционного, не только восстанавливает нарушенный порядок, но и карает за покушение на него.

Впрочем, повязка на глазах блюстительницы правосудия не вполне сочеталась с римскими же представлениями о беспристрастности, приравнивая Юстицию к другой римской богине — Фортуне, которая была слепа и без разбора, наугад раздавала свои дары. Оттого даже на римских монетах Юстиция изображалась с открытым глазами.

Повсеместно же олицетворение правосудия с повязкой на глазах начало изображаться только в Средневековье. Предположительно на это повлияло принятое тогда изображение Синагоги — фигуры из традиционной для готических соборов пары статуй. Точно так же, как повязка на глазах Синагоги символизирует неспособность увидеть свет новой Веры, воплощаемой статуей победной Церкви, увенчанной короной, повязка на глазах Фемиды указывала в том числе на ограниченность и узость земного правосудия как одному из проявлений ветхозаветного понимания закона, в противоположность божественному правосудию (в древнерусской литературе эти идеи еще в XI в. ярко выразило «Слово о Законе и Благодати» митрополита Иллариона).

Таким образом, наиболее близок существу конституционного контроля первозданный образ Фемиды. Внешне совпадающий с аллегорическим изображением Справедливости на фасаде здания Правительствующего Сената Российской империи, а ныне Конституционного Суда России (Санкт-Петербург).

Без повязки на глазах. Без меча. Но с весами, знаменующими баланс конституционных ценностей. И с посохом, символизирующим прочную опору на конституционные принципы.

Использованные источники

Законодательство об органах и процедурах конституционного контроля государств — участников МПА СНГ

1. Закон Азербайджанской Республики от 23 декабря 2003 г. № 561-IIQ «О Конституционном Суде».
2. Закон Республики Армения от 27 января 2018 г. № 3Р-42 «О Конституционном Суде».
3. Закон Республики Беларусь от 8 января 2014 г. № 124-3 «О конституционном судопроизводстве».
4. Кодекс Республики Беларусь от 29 июня 2006 г. № 139-3 «О судоустройстве и статусе судей».
5. Закон Республики Казахстан от 5 июня 1992 г. № 1379-XII «О Конституционном судопроизводстве в Республике Казахстан».
6. Конституционный закон от 29 декабря 1995 г. № 2737 «О Конституционном Совете Республики Казахстан».
7. Конституционный Закон Кыргызской Республики от 13 июня 2011 г. № 37 «О Конституционной палате Верховного Суда Кыргызской Республики».
8. Закон Республики Молдова от 13 декабря 1994 г. № 317-XIII «О Конституционном Суде».
9. Кодекс конституционной юрисдикции Республики Молдова от 16 июня 1995 г. № 502-XIII.
10. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации».
11. Конституционный Закон Республики Таджикистан от 26 июля 2014 г. № 1083 «О Конституционном Суде Республики Таджикистан».
12. Закон Республики Узбекистан от 31 мая 2017 г. № 3РУ-431 «О Конституционном Суде Республики Узбекистан».
13. Закон Украины от 13 июля 2017 г. № 2136-VIII «О Конституционном Суде Украины».

Избранная библиография

1. Абдиров Н. М. Нынешняя конституционная реформа — новый этап дальнейшего развития страны // Вестник Конституционного Совета Республики Казахстан. 2017. № 31.
2. Абдрасулов Е. Б. Роль судебной системы Республики Казахстан в защите прав человека // Право и экономика. 2009. № 3.
3. Абдугапаров А. Содействие конституционных судов и парламентов в обеспечении верховенства Конституции // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2009 : международ. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2009.
4. Абдуллаев Ф. А. Органы конституционного контроля и процессы выборов // Конституционное правосудие: вопросы теории и практики. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 1999.
5. Абдуллаев Ф. А. Проблемы осуществления принципа разделения властей и становления судебной власти в Таджикистане // Конституционное правосудие: вопросы теории и практики. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 1999.
6. Абдуллаев Ф. А. Юридический профессионализм и конституционные суды: этические и другие соображения // Конституционное правосудие: вопросы теории и практики. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 1999.
7. Абдуллаев Ф. Защита конституционных прав и свобод граждан в порядке подачи индивидуальных жалоб в Конституционный Суд Азербайджанской Республики // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2009. № 2 (44).
8. Абдуллаев Ф. Значение прецедента Европейского суда по правам человека в практике Конституционного Суда Азербайджанской Республики // Имплементация решений Европейского суда по правам человека в практике конституционных судов стран Европы. М. : Институт права и публичной политики, 2006.
9. Абдуллаев Ф. Правовые позиции Конституционного Суда Азербайджанской Республики как форма правотворчества // Конституционный контроль. Минск : Белорусский Дом печати, 2014.
10. Абдуллаев Ф. Практические проблемы осуществления конституционного контроля в Азербайджанской Республике // Конституционный контроль. М. : Норма, 2012.
11. Абдуллаев Ф. Роль конституционной юстиции в защите ценностей верховенства закона // Место и значение органа конституционного контроля в эффективном функционировании системы сдержек и противовесов между ветвями государственной власти. Бишкек, 2017.
12. Абдуллаев Ф. Прямой доступ граждан к конституционному правосудию в Азербайджане // Конституционное правосудие. 2005. № 2 (28).
13. Абдуллоев Л. И. Развитие конституционного контроля в Республике Таджикистан // Конституционный контроль. Минск : Белорусский Дом печати, 2014.
14. Абдуллоев Ф. А. Конституционные механизмы защиты прав и свобод человека в Таджикистане // Конституционное правосудие: вопросы теории и практики. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 1999.

15. Абдуллоев Ф. А. Организационно-правовые проблемы судебно-правовой реформы в Таджикистане // Конституционное правосудие: вопросы теории и практики. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 1999.
16. Авакян С. А. Конституционный Суд Российской Федерации: неоднозначные законодательные новеллы // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 1.
17. Авакян С. А. Общее и особенное в современном конституционно-правовом регулировании экономического и политического развития постсоветских государств // Общее и особенное в современном экономическом и конституционно-правовом развитии постсоветских государств. СПб. : Изд-во СПб. гос. ун-та экономики и финансов, 2010. Ч. 1.
18. Авакян С. А. Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 8.
19. Автономов А. С. Секретариат Конституционного Суда России: фильтр для отсеивания необоснованных жалоб или тормоз конституционного правосудия? // Журнал конституционного правосудия. 2009. № 5.
20. Азимзода Т. С. Роль Конституции в учреждении и развитии законодательной власти в Республике Таджикистан // Конституционное правосудие — гарант обеспечения верховенства Конституции. Душанбе : ЭР-граф, 2015.
21. Айрапетян А. С. Правовое положение русского языка в решениях Конституционного Совета Республики Казахстан // Правовая политика и правовая жизнь. 2012. № 4.
22. Актуальные вопросы конституционного правосудия: по материалам «Журнала конституционного правосудия» / под ред. С. Д. Князева, М. А. Митюкова, С. Н. Станских. М. : Волтерс Клювер, 2011.
23. Александрова З. К. Конституционный контроль в странах СНГ // Вестник Уставного Суда Свердловской области. 2008. Спецвыпуск.
24. Ализода З. Конституционный Суд и проблемы защиты прав человека и гражданина в Республике Таджикистан // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2011. № 1 (51).
25. Ализода З. Роль Конституции 1994 года в развитии новейшей государственности Таджикистана // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2015. № 3 (69).
26. Алумян Г. Институт разъяснения постановлений Конституционного Суда как важная гарантия исполнения постановлений // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2012 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2012.
27. Амандыкова С. К., Амандыкова Л. К. Некоторые вопросы воплощения принципа разделения властей в конституционном законодательстве Республики Казахстан // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 9.
28. Арановский К. В. О письменном производстве в конституционной юстиции России // Журнал конституционного правосудия. 2011. № 2. С. 18–24.
29. Арановский К. В. Укоренение конституционализма и конституционного правосудия в странах — участницах континентальной правовой традиции // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2011 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2011.

30. Арановский К. В. Условия согласования практики международного и конституционного правосудия // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 3. С. 1–10.
31. Арановский К. В., Князев С. Д. Административные штрафы и правила их применения: на основе практики Конституционного Суда Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. 2013. № 2. С. 106–114.
32. Арановский К. В., Князев С. Д. Еще раз о письменном отправлении конституционного правосудия в Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 4. С. 8–15.
33. Арановский К. В., Князев С. Д. Институт присяги судьи Конституционного Суда РФ: истоки, особенности, значение // Журнал российского права. 2011. № 10. С. 134–141.
34. Арановский К. В., Князев С. Д. Конституционный Суд России об условиях профессионального замещения депутатских мандатов в субъектах Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 2. С. 16–21 // Сборник, посвященный памяти Владимира Фадеева. М. : Проспект, 2015. Т. 2. С. 242–256.
35. Арановский К. В., Князев С. Д. Национальная версия местного самоуправления в интерпретации Конституционного Суда Российской Федерации // Правоведение. 2007. № 6. С. 104–114.
36. Арановский К. В., Князев С. Д. Ненапрасное конституционное правосудие // Судья. 2017. № 12. С. 40–46.
37. Арановский К. В., Князев С. Д. Пользуясь приглашением... // Журнал российского права. 2007. № 10.
38. Арановский К. В., Князев С. Д. Соотношение конституционных принципов и международных стандартов в контексте российского уголовного правосудия // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 4.
39. Арутюнян А. Правило большинства против свободы или борьба меньшинства с меньшинством: кризис армянского конституционализма // Сравнительное конституционное обозрение. 2010. № 2.
40. Арутюнян А. Проблемы армянского конституционализма и практика ЕСПЧ: основные тезисы // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2016 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2016.
41. Арутюнян Г. Аксиологические особенности трансформационного конституционализма в Казахстане // Право и государство : науч.-информ. журнал Казахского гуманитарно-юридического университета. 2015. № 3.
42. Арутюнян Г. Деформация конституционализма в евразийском пространстве // Евразийский юридический журнал. 2010. № 7.
43. Арутюнян Г. Г. Критерии ограничения прав человека в практике конституционного правосудия // Российское правосудие. 2006. № 2.
44. Арутюнян Г. Г. Международно-правовые слагаемые независимости судебной власти и транзитологические характеристики конституционного развития в этой области // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 1.
45. Арутюнян Г. Г. Методологические основы независимости конституционного правосудия // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2001. № 3 (13).

46. Арутюнян Г. Г. Новые вызовы системности и дееспособности конституционного контроля // Конституционный контроль. Минск : Белорусский Дом печати, 2014.
47. Арутюнян Г. Г. Роль Контрольного списка верховенства права в системе конституционального мониторинга: концептуальные подходы // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2016. № 3.
48. Арутюнян Г. Гарантии исполнения постановлений Конституционного Суда // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2012 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2012.
49. Арутюнян Г. Доктринальные подходы Конституционного Суда Республики Армения к решениям Европейского суда по правам человека // Имплементация решений Европейского суда по правам человека в практике конституционных судов стран Европы. М. : Институт права и публичной политики, 2006.
50. Арутюнян Г. Конституционное правосудие — отражение сути правового государства и конституционализма // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2005. №2 (28).
51. Арутюнян Г. Конституционный мониторинг как гарантия преодоления дефицита конституционализма: концептуальные подходы // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2016 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2016.
52. Арутюнян Г. Место и роль верховенства права в социальном поведении человека и гражданина // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2013 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2013.
53. Арутюнян Г. Неиспользованные возможности взаимодействия Конституционного Суда и защитника прав человека // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2007 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2007.
54. Арутюнян Г. Некоторые политико-правовые деформации конституционализма в трансформирующихся общественных системах // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2005 : междунар. альманах. Ереван : Центр Конституционного права Республики Армения, 2005.
55. Арутюнян Г. Некоторые характеристики конституционно-правового развития в странах постсоветского пространства // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2010. № 3.
56. Арутюнян Г. Правовые позиции Конституционного Суда как источник прецедентного права // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2011 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2011.
57. Арутюнян Г. Принцип верховенства права как гарант конституционной демократии // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2004 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2004.
58. Арутюнян Г. Современные вызовы гарантирования права человека на конституционное правосудие // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2010 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2010.

59. Арутюнян Г., Вардеванян А. Роль Конституционного Суда в обеспечении непосредственного действия основных прав: доктрина Конституционного Суда Республики Армения // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2016. № 1 (71).
60. Баглай М. В. Конституционализм и политическая система в современной России // Журнал российского права. 2003. № 11.
61. Баглай М. В. Конституционное правосудие в Российской Федерации. Ереван, 1999.
62. Баглай М. Конституционное правосудие в России состоялось // Российская юстиция. 2001. № 10.
63. Баекова Ч. О конституционном правосудии в Кыргызской Республике // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2001, 2002. № 4 (14) — 1 (15).
64. Баекова Ч. Роль Конституционного Суда в судебной системе Кыргызской Республики // Вестник Конституционного Суда Республики Узбекистан. 2005. № 12.
65. Баетов А. Б. Правовые позиции Конституционной палаты в свете международной конституционно-правовой интеграции // Вестник Конституционной палаты Верховного Суда Кыргызской Республики. Бишкек, 2017.
66. Базаров У. Конституция Республики Узбекистан и дальнейшая демократизация конституционного судопроизводства // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2015. № 4 (70).
67. Баймаканова Д. М. Конституционализм и его роль в развитии прав человека: на примере Республики Казахстан // Государство и право. 2014. № 5.
68. Бакун А. С. Практика Конституционного Суда Республики Беларусь по вопросу свободы вероисповедания // Российское право. 2013. № 2–3.
69. Балаян Г. К. Президент Республики Армения как субъект конституционного контроля // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 6.
70. Барабаш Ю. Г. Опыт конституционного реформирования в Украине: в поисках европейского идеала // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 1.
71. Барщевский М. Ю. Решения Конституционного Суда — правовые маяки в море политических и экономических страстей // Российская юстиция. 2003. № 12.
72. Баулин Ю. В. Изменения в Конституцию Украины как способ обеспечения стабильности провозглашенных ею основ украинской государственности // Вестник Конституционного Совета Республики Казахстан. 2016. № 29.
73. Баулин Ю. В. Практика Конституционного Суда Украины по защите национальной безопасности страны // Защитата на основните права на гражданите и националната сигурност в съвременния свят: ролята на конституционните съдилища: международна конференция. (София, 21–22 септември 2016 г.). София : Изд-во на БАН «Проф. Марин Дринов», 2017.
74. Баулин Ю. Нормативное выражение конституционных ценностей и их значение в деятельности Конституционного Суда Украины // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2008 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2008.
75. Бахтыбаев И. Имплементация норм международного права в национальное законодательство Казахстана // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2013 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2013.

76. Бахтыбаев И. Роль конституционных реформ в политico-правовом развитии Казахстана // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2010. № 1 (47).
77. Бекетаев М. Б. Конституционная реформа 2017 года: модернизация общества и государства // Вестник Конституционного Совета Республики Казахстан. 2017. № 31.
78. Бланкенагель А. Референдум и Конституционный Суд // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 2.
79. Бланкенагель А., Левин И. Г. Остатки свободы собраний перед Конституционным Судом России. Комментарий к Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2013 года № 4-П // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 5.
80. Блохин П. Д. Аналогия и «ведущие основания решения» в конституционном правосудии // Журнал конституционного правосудия. 2014. № 4.
81. Блохин П. Д. Деятельность Секретариата Конституционного Суда Российской Федерации по рассмотрению жалоб граждан и их объединений: проблемы компетенции // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 1.
82. Блохин П. Д. Защита основных прав средствами конституционного правосудия в Германии // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 3.
83. Блохин П. Д. Проблема аналогии в конституционном судопроизводстве в контексте дискуссии о прецедентной природе решений Конституционного Суда РФ // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 4.
84. Бобоназарзода Ф. Ш. Конституционные основы развития личных прав в Республике Таджикистан // Закон и право. 2017. № 11.
85. Боброва В. К. Институт полномочного представителя Президента в Конституционном Суде: практика деятельности // Журнал конституционного правосудия. 2008. № 5.
86. Бобукеева М. Роль и значение решений Конституционной палаты Верховного Суда Кыргызской Республики в преодолении законодательных пробелов и правовой неопределенности // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2016 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2016.
87. Бойко Т. С. Правовые позиции Конституционного Суда Республики Беларусь, касающиеся бюджетного законодательства // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. Минск, 2009. № 1.
88. Бойко Т. С. Реализация конституционных норм и принципов в налоговом законодательстве Республики Беларусь и решениях Конституционного Суда Республики Беларусь // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. 2011. № 1.
89. Бойко Т. С. Реализация принципа верховенства права в налоговом законодательстве через призму правовых позиций Конституционного Суда Республики Беларусь // Роль органов конституционного контроля в обеспечении верховенства права в нормотворчестве и правоприменении. Минск : СтройМедиаПроект, 2017.
90. Болтуев С. Ш. Реализация конституционных принципов защиты прав в гражданском судопроизводстве // Вестник Конституционного Суда Республики Таджикистан. 2012. № 1.

91. Бондарчук И. В. Понятие и признаки общественного объединения в украинском законодательстве: проблемы эволюции и конституционализации // Право и политика. 2016. № 9.
92. Бондарь Н. С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. М. : Юрист, 2014.
93. Бондарь Н. С. Верховенство права и конституционный контроль в сфере законотворчества: материальные и процедурно-процессуальные начала реализации // Роль органов конституционного контроля в обеспечении верховенства права в нормотворчестве и правоприменении. Минск : СтройМедиаПроект, 2017.
94. Бондарь Н. С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. М. : Юстицинформ, 2005.
95. Бондарь Н. С. Законодательные пробелы — категория конституционно-правовой дефектологии: методология исследования, практика преодоления // Журнал конституционного правосудия. 2017. № 3. С. 1–9.
96. Бондарь Н. С. Конвенционная юрисдикция Европейского суда по правам человека в соотношении с компетенцией Конституционного Суда РФ // Журнал российского права. 2006. № 6. С. 113–127.
97. Бондарь Н. С. Конституционализация социально-экономического развития российской государственности: в контексте решений Конституционного Суда РФ. М. : Викор-Медиа, 2006.
98. Бондарь Н. С. Конституционная категория достоинства личности в ценностном измерении: теория и судебная практика // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 4. С. 19–31.
99. Бондарь Н. С. Конституционная коллизионность и судебная практика ее преодоления // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства. Казань, 2010. Вып. 5. С. 34–48.
100. Бондарь Н. С. Конституционная модернизация российской государственности: в свете практики конституционного правосудия. М. : Юнити-Дана, 2014.
101. Бондарь Н. С. Конституционное правосудие и политика: попытка конституционного анализа без политизации // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 1. С. 45–64.
102. Бондарь Н. С. Конституционное правосудие и правотворчество: о нормативно-доктринальном значении решений Конституционного Суда Российской Федерации для развития законодательства // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства. Казань, 2009. Вып. 4. С. 38–60.
103. Бондарь Н. С. Конституционное правосудие и развитие конституционной юриспруденции в России // Журнал российского права. 2011. № 10. С. 35–46.
104. Бондарь Н. С. Конституционное правосудие и развитие конституционной юриспруденции в России // Журнал российского права. 2011. № 10.
105. Бондарь Н. С. Конституционное правосудие как институт преодоления правовых дефектов, конфликтов и пробелов в правовой системе // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства. Казань, 2008. Вып. 3. С. 47–59.
106. Бондарь Н. С. Конституционное правосудие как средство решения избирательных споров // Избирательное законодательство и выборы в регионах. М., 2005. С. 43–58.

107. Бондарь Н. С. Конституционное правосудие как фактор модернизации российской государственности // Журнал российского права. 2005. № 11. С.15–30.
108. Бондарь Н. С. Конституционное правосудие как фактор модернизации российской государственности // Журнал российского права. 2005. № 11.
109. Бондарь Н. С. Конституционное правосудие как фактор формирования политической многопартийности: на основе практики Конституционного Суда РФ // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2009. Вып. 2 (44). С. 7–51.
110. Бондарь Н. С. Конституционное равенство — аксиологическая основа судебной защиты прав человека: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Вопросы защиты прав человека и гражданина органами конституционной юрисдикции в современных условиях. Киев : Логос, 2013. С. 68–89.
111. Бондарь Н. С. Конституционные ценности — категория действующего права (в контексте практики Конституционного Суда России) // Журнал конституционного правосудия. 2009. № 6.
112. Бондарь Н. С. Конституционные ценности в практике Конституционного Суда России: опыт разрешения социальных противоречий и конфликтов // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2008 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2008. С. 65–89.
113. Бондарь Н. С. Конституционные ценности и политика: конституционализация политики, но не политизация конституционных ценностей // Журнал конституционного правосудия. 2016. №1. С. 23–30.
114. Бондарь Н. С. Конституционные ценности как судебно-правовой фактор разрешения социальных противоречий и конфликтов: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционные ценности в теории и судебной практике. М. : Институт права и публичной политики, 2009. С. 67–91.
115. Бондарь Н. С. Конституционный императив социальных прав: о практике Конституционного Суда Российской Федерации по социальной защите граждан // Конституционное право. 2002. № 2. С. 216–225.
116. Бондарь Н. С. Конституционный строй Российской Федерации и роль Конституционного Суда в его защите // Современный конституционализм. 2006. № 1–2. С. 18–33.
117. Бондарь Н. С. Конституционный Суд в системе юрисдикционных органов: о «богоугодных грехах» конституционного правосудия // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 1. С. 26–32.
118. Бондарь Н. С. Конституционный Суд России — гарант конституционной безопасности личности, общества, государства // Правовая реформа, судебная реформа и конституционная экономика. М. : Издание Тихомирова М. Ю., 2004. С. 42–64.
119. Бондарь Н. С. Конституционный Суд России: не «квазисуд», а больше, чем суд // Журнал конституционного правосудия. 2010. №3. С. 28–33.
120. Бондарь Н. С. Конституционный Суд Российской Федерации — гарант социальных прав граждан // Право и власть. 2002. № 2. С. 5–12.
121. Бондарь Н. С. Конституционный Суд Российской Федерации — хранитель и преобразователь российского конституционализма // Конституционное развитие России. Саратов, 2009. Вып. 10. С. 23–38.
122. Бондарь Н. С. Конституция, конституционный контроль и социальные противоречия современного общества // Журнал российского права. 2003. № 11.

123. Бондарь Н. С. Концепция «живого» (судебного) конституционализма: методология исследования в свете практики конституционного правосудия // Теория и практика российского конституционализма : сб. докл. науч.-практ. конф., посв. 75-летию со дня рождения академика О. Е. Кутафина, 26 июня 2012 г. М. : Издательский центр Университета им. О. Е. Кутафина, 2013. С. 10–32.
124. Бондарь Н. С. Нормативно-доктринальная природа решений Конституционного Суда РФ как источников права // Журнал российского права. 2007. № 4.
125. Бондарь Н. С. О развитии института индивидуальной жалобы в практике конституционного правосудия: соотношение частных и публичных начал // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства. Казань, 2012. Вып. 7. С. 34–50.
126. Бондарь Н. С. Подчинение партий верховенству права — конституционный императив демократического правового государства: из практики Конституционного Суда Российской Федерации : докл. на междунар. конф. (Санкт-Петербург, 27–28 сентября 2012 г.) // Политические партии в демократическом обществе: правовые основы организации и деятельности. М. : Норма, 2012. С. 180–191.
127. Бондарь Н. С. Правовая определенность — универсальный принцип конституционного нормоконтроля: практика Конституционного Суда РФ // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 10.
128. Бондарь Н. С. Правовые пробелы как категория конституционно-правовой дефектологии: методология исследования и судебная практика преодоления // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2016 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2016. С. 94–114.
129. Бондарь Н. С. Решения Конституционного Суда как мера свободы и ответственности // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 10.
130. Бондарь Н. С. Российский судебный конституционализм: введение в методологию исследования. М. : Юрист, 2012.
131. Бондарь Н. С. Современная конституционная концепция прав человека: ее развитие и практика реализации в решениях Конституционного Суда РФ // Конституционные права и свободы человека и гражданина как высшая ценность демократического, правового государства. Тирасполь, 2005. С. 120–141.
132. Бондарь Н. С. Социальная реформа в зеркале конституционного правосудия // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства. Казань, 2007. Вып. 2. С. 26–40.
133. Бондарь Н. С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М. : Норма : Инфра-М, 2011.
134. Бондарь Н. С. Судебный конституционализм: доктрина и практика. М. : Норма : Инфра-М, 2016.
135. Бондарь Н. С. Требования равенства и справедливости в решениях Конституционного Суда России // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2004. Вып. 4 (26). С. 7–42.
136. Бондарь Н. С. Ценностные начала судебной имплементации конвенционных требований в российскую правовую систему: из практики Конституционного Суда РФ // Журнал конституционного правосудия. 2016. № 2. С. 4–10.
137. Бондарь Н. С. Экономический конституционализм России : очерки теории и практики. М. : Норма : Инфра-М, 2017.

138. Бондарь Н. С. Экономический конституционализм современной России: практика Конституционного Суда РФ // Право и экономика. 2018. № 1–4.
139. Бондарь Н. С. Экономическое развитие общества в контексте решений Конституционного Суда РФ // Закон. 2006. Ноябрь. С. 33–42.
140. Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Конституционное правосудие как инструмент правовой модернизации на постсоветском пространстве: проблемы теории и практики // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 1.
141. Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Конституционный Суд — «больше, чем суд»: его место и роль в судебной системе России // Судья. 2017. № 12. С. 35–39.
142. Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Правосудие: ориентация на Конституцию. М. : Норма : Инфра-М., 2018.
143. Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Правосудие: ориентация на Конституцию : моногр. М. : Норма : Инфра-М, 2018.
144. Бондарь Н. С., Джагарян А. А. Прямое действие Конституции: генерация и гарантирование конституционным правосудием // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 3 (112).
145. Бондарь Н. С., Чепенко Я. К. Пробелы в конституционном механизме реализации прав и свобод: практика Конституционного Суда Российской Федерации по их преодолению // Журнал конституционного правосудия. 2016. № 4. С. 8–16.
146. Борубашов Б. И. Правовые позиции Конституционной палаты Верховного Суда Кыргызской Республики // Вестник Конституционной палаты Верховного Суда Кыргызской Республики. Бишкек, 2017.
147. Браун Н. Д., Уоллер Д. Д. Конституционные суды и политическая неопределенность: разрыв конституционной преемственности и «правление судей». Ч. 1 // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 4.
148. Брежнев О. В. Институт послания Конституционного Суда законодательному органу власти: проблемы теории и практики // Российская юстиция. 2014. № 9.
149. Брежнев О. В. Неприкосновенность судей Конституционного Суда России и конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации: проблемы правового регулирования // Право и политика. 2010. № 8.
150. Брежнев О. В. Организация конституционного правосудия в сложносоставных субъектах Российской Федерации: проблемы и перспективы // Российская юстиция. 2016. № 3.
151. Брежнев О. В. Правовая природа Конституционного Суда как судебного органа конституционного контроля // Государственная власть и местное самоуправление. 2005. № 6.
152. Брежнев О. В. Правовые позиции судов общей юрисдикции и их роль в осуществлении правосудия в России // Российский судья. 2009. № 6.
153. Брежнев О. В. Представления как акты органа конституционного правосудия: теория, история, практика // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 6.
154. Брежнев О. В. Проблемы законодательной формы регулирования судебных полномочий в сфере нормоконтроля // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 2.
155. Брежнев О. В. Процессуальные аспекты деятельности Конституционного Суда Российской Федерации: проблемы и пути их решения // Конституционное и муниципальное право. 2003. № 2.

156. Брежнев О. В. Судебный конституционный контроль при досрочном прекращении полномочий Президента Российской Федерации: проблемы и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 19.
157. Брежнев О. В. Уполномоченный по правам человека как участник конституционного судопроизводства: проблемы, тенденции, перспективы. // Право и политика. 2012. № 12.
158. Варламова Н. В. Принцип *res judicata* в практике Европейского суда по правам человека и Конституционного Суда Российской Федерации // Современный конституционализм. 2007. № 1.
159. Василевич Г. А. Конституционно-правовая ответственность — особый вид юридической ответственности // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. 2001. № 1.
160. Василевич Г. А. Конституционность (законность) актов органов местного управления и самоуправления в Республике Беларусь // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 4.
161. Василевич Г. А. Правовая природа актов Конституционного Суда Республики Беларусь и их юридическое значение // Верховенство Конституции: двадцатилетний опыт конституционного контроля : сб. науч. ст. судей Конституционного Суда Республики Беларусь. Минск : Белорусский Дом печати, 2014.
162. Василевич Г. А. Проблемы непосредственного действия конституционных норм о правах и свободах граждан в Республике Беларусь // Верховенство Конституции: двадцатилетний опыт конституционного контроля : сб. науч. ст. судей Конституционного Суда Республики Беларусь. Минск : Белорусский Дом печати, 2014.
163. Василевич Г. А. Проблемы оптимизации конституционного контроля в Республике Беларусь // Конституционный контроль. Минск : Белорусский Дом печати, 2014.
164. Василевич Г. А. Реализация решений Конституционного Суда Республики Беларусь — важное условие формирования современной правовой системы // Актуальные проблемы развития судебной системы и системы добровольного и принудительного исполнения решений Конституционного Суда РФ, судов общей юрисдикции, арбитражных, третейских судов и Европейского суда по правам человека. Краснодар : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008.
165. Василевич Г. А. Решения Конституционного Суда — важнейший источник права // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. 1999. № 3.
166. Василевич Г. А. Толкование (разъяснение) нормативных правовых актов: понятие, виды, юридические последствия // Журнал российского права. 2017. № 2.
167. Василевич Г. А. Эффективность последующего конституционного контроля // Развитие форм конституционного контроля в современных условиях. Минск, 2016.
168. Василевич Г. Акты Конституционного Суда Республики Беларусь по обеспечению доступа к правосудию в контексте решений Европейского суда по правам человека // Имплементация решений Европейского суда по правам человека в практике конституционных судов стран Европы. М. : Институт права и публичной политики, 2006.
169. Василевич Г. Конституционно-правовые основания ограничения прав и свобод человека в Республике Беларусь // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2003 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2003.

170. Василевич Г. Конституционный Суд Республики Беларусь и его роль в становлении демократического, социального, правового государства // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2001, 2002. № 4 (14) — 1 (15).
171. Василевич Г. Конституция как вершина правовой пирамиды // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2005. № 3 (29).
172. Василевич Г. Реализация принципа равенства перед законом и судом в практике Конституционного Суда Республики Беларусь // Единое правовое пространство Европы и практика конституционного правосудия. М., 2007.
173. Василевич Г. Решения Конституционного Суда как источник права и их соотношение с актами иных судебных органов // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2005. № 2 (28).
174. Вдовиченко С. Доктрина возобновления действия предыдущей редакции норм законов в деятельности Конституционного Суда Украины // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2016 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2016.
175. Вдовиченко С. Л. Принцип верховенства права в деятельности Конституционного Суда Украины // Роль органов конституционного контроля в обеспечении верховенства права в нормотворчестве и правоприменении. Минск : СтройМедиаПроект, 2017.
176. Вдовиченко С. Проблемы и перспективы развития украинской конституционной юстиции // Материалы Международной конференции, посвященной 15-летию Конституционного Суда Азербайджанской Республики, на тему «Конституционное правосудие в XXI веке: особенности и пути развития» (Баку, 12 июля 2013 г.). Баку, 2013.
177. Вегера И. В. Конституционные права и свободы: проблемы интерпретации и реализации в контексте принципа верховенства права // Роль органов конституционного контроля в обеспечении верховенства права в нормотворчестве и правоприменении. Минск : СтройМедиаПроект, 2017.
178. Велиев И. В., Дмитриев Ю. А. Конституционно-правовые гарантии свободы совести в Азербайджане // Право и государство. 2015. № 9.
179. Вениславский Ф. Правовая охрана Конституции как необходимое условие стабильности конституционного строя Украины // Сравнительное конституционное обозрение. 2010. № 2.
180. Вечканова Н. В. Конституционно-правовые аспекты взаимодействия конституционных судов и судов общей юрисдикции стран СНГ в защите личных прав и свобод человека // Право и государство. 2013. № 8.
181. Вечканова Н. В. Особенности конституционного регулирования личных прав и свобод человека в странах СНГ // Право и государство. 2012. № 3.
182. Винциславская М. В. Вопросы исполнения Украиной решений Европейского суда по правам человека // Российский юридический журнал. 2013. № 4.
183. Витрук Н. В. Актуальные проблемы модернизации конституционного правосудия в России // Журнал российского права. 2011. № 10.
184. Витрук Н. В. Верность конституции. М. : Изд-во РАП, 2008.
185. Витрук Н. В. Виды производств в Конституционном Суде Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. 2009. № 6.

186. Витрук Н. В. Выступление на Круглом столе, посвященном 20-летию учреждения Конституционного Суда Российской Федерации : стеногр. (Москва, Российская академия правосудия, 15 декабря 2010 г.) // Журнал конституционного правосудия. 2011. № 1.
187. Витрук Н. В. Конституционное правосудие в России, 1991–2001 гг.: очерки теории и практики. М. : Городец-издат, 2001.
188. Витрук Н. В. Конституционное правосудие: судебно-конституционное право и процесс : учеб. пос. М. : Норма :Инфра-М, 2010.
189. Витрук Н. В. Конституционный принцип «верности федерации» в практике Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционное право. 2003. № 3.
190. Витрук Н. В. Перспективы развития современной отечественной науки конституционного права // Государственная власть и местное самоуправление. 2010. № 11.
191. Витрук Н. В. Право, демократия и личность в конституционном измерении: история, доктрина и практика: избранные труды, 1991–2012 гг. М. : Норма : Инфра-М, 2012.
192. Витрук Н. В. Производство в Конституционном Суде Российской Федерации по рассмотрению дела о соответствии Конституции Российской Федерации инициативы проведения референдума Российской Федерации по постановленному вопросу (постановленным вопросам) референдума // Журнал конституционного правосудия. 2010. № 2.
193. Витрук Н. В. Цель, задачи и функции конституционного правосудия в государствах новой демократии // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2002. № 2.
194. Власенко Н. А. Неопределенность в праве: природа и формы выражения // Журнал российского права. 2013. № 2.
195. Власенко Н. А. Правовые позиции: понятие и виды // Журнал российского права. 2008. № 12.
196. Воронович Т. В. Верховенство права — важнейшая составляющая конституционизма // Роль органов конституционного контроля в обеспечении верховенства права в нормотворчестве и правоприменении. Минск : СтройМедиаПроект, 2017.
197. Воронович Т. В. К вопросу о пересмотре органами конституционного контроля ранее вынесенных решений // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. 2010. № 2.
198. Воронович Т. В. Конституционная культура: роль конституционного правосудия в ее формировании // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. 2011. № 2.
199. Воронович Т. В. Конституционно-правовые аспекты гарантирования государственного суверенитета в условиях международной интеграции // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. 2015. № 3.
200. Воронович Т. В. Непосредственное (прямое) применение Конституции судами Республики Беларусь и Российской Федерации // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. 2009. № 4.
201. Воронович Т. В. Обеспечение исполнения решений Конституционного Суда Республики Беларусь — гарантия защиты прав и свобод граждан // Верховенство Конституции: двадцатилетний опыт конституционного контроля : сб. науч. ст. судей Конституционного Суда Республики Беларусь. Минск : Белорусский Дом печати, 2014.

202. Воронович Т. В. Преюдициальный запрос в конституционном судопроизводстве // Развитие форм конституционного контроля в современных условиях. Минск, 2016.
203. Воронович Т. Исполнение решений Конституционного Суда Республики Беларусь в условиях реализации конституционного принципа разделения властей // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2012 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2012.
204. Воронович Т. Роль конституционного правосудия в устраниении пробелов и правовой неопределенности в конституционно-правовом регулировании // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2016 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2016.
205. Воронцова И. В. Место решений Конституционного Суда в науке и практике России, Казахстана, Украины // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 23.
206. Выдрин И. В. Конституционный Суд Российской Федерации и конституционализация юридической науки // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 7.
207. Гаджиев Г. А. Влияние юриспруденции Европейского суда по правам человека на судебную практику Конституционного Суда Российской Федерации // Диалог представителей высших судов и органов прокуратуры Германии и России. М. : Права человека, 2004. С. 23–30.
208. Гаджиев Г. А. Закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: новеллы конституционного судопроизводства 2010 г. // Журнал российского права. 2011. № 10.
209. Гаджиев Г. А. К вопросу о пробелах в Конституции // Пробелы в российской Конституции и возможности ее совершенствования. М., 1998. С. 20–24.
210. Гаджиев Г. А. Категория «предназначение» в конституционном судопроизводстве // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства. Казань, 2007. Вып. 2. С. 41–51.
211. Гаджиев Г. А. Конституционная идентичность и права человека в России // Вестник Конституционного Суда Республики Таджикистан. 2016. № 3. С. 58–62.
212. Гаджиев Г. А. Конституционно-правовая аксиология: проблемы согласования конституционных принципов // Ученые записки юридического факультета. 2008. № 12.
213. Гаджиев Г. А. Конституционные принципы и конституционная политика в Российской Федерации. СПб. : Изд-во СПбГУП, 2009.
214. Гаджиев Г. А. Конституционные принципы рыночной экономики: развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации. М. : Юристъ, 2004. (Res coddidiana).
215. Гаджиев Г. А. Конституционные принципы рыночной экономики: развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации. М. : Юристъ, 2004.
216. Гаджиев Г. А. Конституционные принципы, социальные ценности и взаимодействие правовых культур // Диалог культур и партнерство цивилизаций. СПб. : Изд-во СПбГУП, 2009.
217. Гаджиев Г. А. Конституционный принцип самостоятельности судебной власти в Российской Федерации: на основе решений Конституционного Суда РФ 2000–2002 годов // Журнал российского права. 2003.

218. Гаджиев Г. А. Новые грани конституционного принципа разделения властей // Конституционное право. 2004. № 2.
219. Гаджиев Г. А. Нормоконтроль в сочетании с деликтными исками — эффективный способ защиты прав предпринимателей : комментарий к постановлению КС РФ от 6 июля 2018 г. № 29-П // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 12. С. 63–71.
220. Гаджиев Г. А. О судебной доктрине конституционной идентичности // Судья. 2017. № 12. С. 31–34.
221. Гаджиев Г. А. Об особенностях конституционно-правового истолкования норм гражданского права // Закон. 2009. № 9. С. 54–60.
222. Гаджиев Г. А. Об особенностях толкования Конституции в Российской Федерации // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства. Казань, 2012. Вып. 7. С. 51–58.
223. Гаджиев Г. А. Об эластичности конституционных принципов и конституционной политике // Конституционные основы экономических и социальных отношений. СПб. : Изд-во СПб. гос. ун-та экономики и финансов, 2006. Ч. 2.
224. Гаджиев Г. А. Общие принципы судебного нормоконтроля. М., 2006.
225. Гаджиев Г. А. Объективная природа правовых принципов и их учет в хозяйственном законодательстве // Правовая реформа, судебная реформа и конституционная экономика. М. : Изд-во Тихомирова М. Ю., 2004.
226. Гаджиев Г. А. Онтология права: критическое исследование юридического концепта действительности. Междисциплинарный центр философии права. М. : Норма : Инфра-М, 2013.
227. Гаджиев Г. А. Официальное толкование конституции: сочетание онтологического и эпистемологического подходов // Правоведение. 2012. № 1. С. 130–154.
228. Гаджиев Г. А. Перспективы использования экономико-правовой аргументации в конституционном судопроизводстве // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства. Казань, 2014. Вып. 9. С. 54–71.
229. Гаджиев Г. А. Подведомственность и допустимость обращений в Конституционный Суд Российской Федерации // Журнал российского права. 1997. № 6. С. 3–10.
230. Гаджиев Г. А. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права // Конституционное право. 1999. № 3. С. 81–85.
231. Гаджиев Г. А. Правовые позиции Конституционного Суда РФ как новый источник российского гражданского права // Закон. 2006. Ноябрь. С. 22–32.
232. Гаджиев Г. А. Практика взаимодействия Конституционного Суда Российской Федерации и Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в обеспечении и защите прав человека // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2007 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2007. С. 59–69.
233. Гаджиев Г. А. Принцип правовой определенности и роль судов в его обеспечении: качество законов с российской точки зрения // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 4.
234. Гаджиев Г. А. Принципы конституционного права, общие принципы права и конституционные принципы // Конституция и законодательство. М. : Олита. 2003.

235. Гаджиев Г. А. Принципы права и право из принципов: конституционные суды и законодательные органы — друзья и соперники на арене конституционной политики // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 2.
236. Гаджиев Г. А. Социологизация, морализация и экономизация конституционного правосудия в XXI веке // Материалы Международной конференции, посвященной 15-летию Конституционного Суда Азербайджанской Республики, на тему «Конституционное правосудие в XXI веке: особенности и пути развития» (Баку, 12 июля 2013 г.). Баку, 2013. С. 230–236.
237. Гаджиев Г. А. Судебная доктрина верховенства права в России // Международные правовые доктрины: поиск взаимопонимания. М. : ЛУМ, 2013. С. 13–44.
238. Гаджиев Г. А. Судебная Концепция конституционного принципа социального государства в Российской Федерации // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 1.
239. Гаджиев Г. А. Цели, задачи и предназначение Конституционного Суда Российской Федерации. Ч. 1 // Журнал конституционного правосудия. 2008. № 1.
240. Гаджиев Г. А. Юбилейные заметки о конституционном развитии и о роли методологии в конституционной юстиции // Журнал конституционного правосудия. 2017. №1. С. 1–7.
241. Гаджиев Г. А., Коваленко К. А. Принцип правовой определенности в конституционном правосудии // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 5.
242. Гаджиев Г. А., Коваленко К. А. Принцип правовой определенности в конституционном правосудии // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 5.
243. Гаджиев Г. А., Коваленко К. А. Судебные правовые позиции: вопросы теории и практики // Журнал российского права. 2010. № 2. С. 149–151.
244. Гаджиев Г. А., Кряжков В. А. Конституционная юстиция в Российской Федерации: становление и проблемы // Государство и право. 1993. № 7. С. 3–11.
245. Гаджиев Г. А., Пепеляев С. Г. Предприниматель — налогоплательщик — государство: правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации. М. : ФБК-ПРЕСС, 1998.
246. Гаджиев Х. Азербайджан и Конвенция о защите прав человека и основных свобод: история присоединения // Права человека. 2018. № 2.
247. Гаджиев Х. Влияние деятельности Конституционного Суда на развитие законодательства Азербайджанской Республики // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2001, 2002. № 4 (14) — 1 (15).
248. Гаибов Р. Д. Некоторые аспекты судебного конституционного контроля в Республике Таджикистан // Вестник Конституционного Суда Республики Таджикистан. 2011. № 3.
249. Ганичева Е. С. Процессуальный режим осуществления конституционного судопроизводства в Российской Федерации и Республике Беларусь // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 6.
250. Гараджаев Д. Право на частную жизнь: вопросы конституционного контроля // Защитата на основните права на гражданите и националната сигурност в съвременния свят : ролята на конституционните съдилища : международна конференция (София, 21–22 септември 2016 г.). София : Изд-во на БАН «Проф. Марин Дринов», 2017.

251. Гараджаев Д. Я. Судебно-конституционный контроль в обеспечении принципа равенства // Конституционализм и правовая система России: итоги и перспективы. Материалы секции конституционного и муниципального права V международной научно-практической конференции «Кутафинские чтения» : сб. докл. М. : Проспект, 2014.
252. Гарлицкий Л. Легитимность конституционного контроля: старые проблемы и новые тенденции // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 4.
253. Головин А. Некоторые вопросы совершенствования восстановления конституционных прав граждан, ставших жертвами правонарушений, в аспекте международной практики // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2013. № 2 (60).
254. Головин А. Некоторые проблемные вопросы исполнения решений Конституционного Суда Украины государственными органами Украины // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2012 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2012.
255. Головин А. Правовая природа и юридическая сила актов Конституционного Суда Украины // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2011 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2011.
256. Головин А. С. Конституционный контроль как форма защиты прав и свобод человека и гражданина на Украине // Конституционный контроль. М. : Норма, 2012.
257. Гриценко Е. В., Розмари В. Защита прав местного самоуправления средствами конституционного правосудия в России и Германии // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 4.
258. Гулзорова М. М. Роль Конституционного Суда и эквивалентных институтов в укреплении принципов демократии // Вестник Конституционного Суда Республики Таджикистан. 2011. № 3.
259. Гультай М. М. Сравнительный анализ конституционного обращения и конституционной жалобы // Российское правосудие. 2013. № 6.
260. Гультай М. Особенности индивидуального доступа к конституционному правосудию в Украине и перспективы его усовершенствования // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2013. № 2.
261. Гультай М. Права человека и основные свободы, на защиту которых направлена конституционная жалоба: вариативность подходов // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2013. № 2.
262. Гультай М. Функциональные особенности института конституционной жалобы и элементы правового механизма его внедрения в Украине // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2011. № 4 (54).
263. Гурбанов Р. А. Деятельность Европейской комиссии по эффективности правосудия Совета Европы в отношении системы правосудия Азербайджанской Республики // Государство и право. 2015. № 7.
264. Гурбанова Х. Влияние конституционного судопроизводства на уголовно-процессуальное регулирование в Азербайджанской Республике // Современное право. 2017. № 2.

265. Гусаров К. В. Повторная кассация и производство по исключительным обстоятельствам в процессуальном праве Украины: позиция Конституционного Суда // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 5
266. Гуцан Н. Ф. К вопросу о понятии «правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации» // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 11.
267. Даниелян Г. Конституционные реформы в Армении в контексте конституционно-правовой культуры // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2015. № 2 (68).
268. Данилюк С. Е. Актуальные проблемы уголовной политики в контексте конституционных требований: опыт предварительного контроля // Верховенство Конституции: двадцатилетний опыт конституционного контроля : сб. науч. ст. судей Конституционного Суда Республики Беларусь. Минск : Белорусский Дом печати, 2014.
269. Даулбаев А. К. Роль Конституционного Совета Республики Казахстан в обеспечении верховенства основного закона в правотворческой и правоприменительной практике // Роль органов конституционного контроля в обеспечении верховенства права в нормотворчестве и правоприменении. Минск : СтройМедиаПроект, 2017.
270. Дедов Д. И. Юридический метод : науч. эссе. М. : Волтерс Клювер, 2008.
271. Демидов В. Н. Конституция РФ и единство конституционно-правового пространства Российской Федерации // Журнал российского права. 2009. № 6.
272. Демичев Д. М. Конституционный Суд Республики Беларусь в системе органов судебной власти // Право и государство. 2013. № 4.
273. Джагарян А. А. Депутат Государственной Думы — самостоятельный субъект обращения в Конституционный Суд Российской Федерации // Право и политика. 2006. № 1.
274. Джагарян А. А. О природе конституционных принципов в национальной правовой системе // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 17.
275. Джакупова Ч. И. Актуальные проблемы конституционного судопроизводства в Кыргызской Республике // Место и значение органа конституционного контроля в эффективном функционировании системы сдержек и противовесов между ветвями государственной власти. Бишкек, 2017.
276. Джафаров А., Усуб Э. Развитие принципов добросовестности, разумности, справедливости гражданско-правового оборота в правовых позициях Конституционного Суда Азербайджанской Республики // Azerbaycan Respublikasi Konstitusiyası Mənəkəməsinin Məlumatı. 2014. № 3.
277. Джураев Ю. Рассмотрение обращений граждан Конституционным Судом Республики Узбекистан // Вестник Конституционного Суда Республики Узбекистан. 1999. Вып. 3. С. 91–94.
278. Дзенган А. Н. Основы конституционного строя центральноазиатских государств: общее и особенное // Закон и право. 2009. № 3.
279. Ди Грэгорио А. Судьба российской конституционной юстиции: сравнительный анализ // Журнал конституционного правосудия. 2008. № 4.
280. Диноршоев А. Классификация прав человека по Конституции Республики Таджикистан: сущность и характерные черты // Вестник Конституционного Суда Республики Таджикистан. 2013. № 1.

281. Диноршоев А. Конституционный Суд Республики Таджикистан как специализированный орган конституционного контроля // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2015. № 4 (70).
282. Диноршоев А. М. Вопросы имплементации международных стандартов в области прав человека в законодательство Республики Таджикистан // Конституционализм и правовая система России: итоги и перспективы. Материалы секции конституционного и муниципального права V Международной научно-практической конференции «Кутафинские чтения» : сб. докл. М. : Проспект, 2014.
283. Диноршоев А. М. Конституционный Суд в системе органов государственной власти Республики Таджикистан // Вестник Конституционного Суда Республики Таджикистан. 2014. № 3.
284. Диноршоев А. М. Особенности модели разделения властей в Республике Таджикистан // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 9.
285. Диноршоев А. М. Осуществление общего конституционного контроля и надзора в Республике Таджикистан // Вестник Конституционного Суда Республики Таджикистан. 2015. № 4.
286. Диноршоев А. М. Структура Конституционного Суда Республики Таджикистан // Вестник Конституционного Суда Республики Таджикистан. 2015. № 2.
287. Диноршоев А. М. Формирование института прав человека в политической и правовой истории таджикского народа // Правовая политика и правовая жизнь. 2014. № 4.
288. Диноршоев А. М. Экономическое содержание Конституции Республики Таджикистан 1994 года // Вестник Конституционного Суда Республики Таджикистан. 2012. № 4.
289. Должиков А. В. «Рукописи не горят»: неписаные права в конституционном правосудии // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 1.
290. Домбровский И. Взаимодействие Конституционного Суда Украины и Уполномоченного Верховной Рады Украины по правам человека в защите конституционных прав и свобод человека // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2007 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2007.
291. Домбровский И. П., Кампо В. М. Конституционный Суд Украины как субъект и объект модернизации судебной власти // Российское правосудие. 2011. № 10.
292. Евграфов П. Б., Евграфова Е. П. Преодоление законотворческих ошибок Конституционным Судом Украины // Правотворческие ошибки. М. : Проспект, 2009.
293. Евсевеев А. П. Самоограничение в деятельности Конституционного Суда Украины // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 2.
294. Езеров А. Роль Конституционного Суда Украины в развитии современного конституционализма // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2012. № 3.
295. Жаилганова А. Полномочия Конституционного Совета Республики Казахстан и конституционно допустимые пределы их расширения // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2013. № 4 (62).
296. Жаилганова А. Роль Конституционного Совета в укреплении конституционной законности в Республике Казахстан // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2011 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2011.

297. Жайлганова А. Стандарты Венецианской комиссии в постановлениях Конституционного Совета Республики Казахстан // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2010. № 1 (47).
298. Жанузакова Л. Т. Конституционная реформа в Казахстане: некоторые вопросы совершенствования статуса и полномочий Президента и Парламента // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 5.
299. Жаркова Л. М. Нормоконтроль в деятельности судов общей юрисдикции и судебных органов конституционного контроля в Российской Федерации // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2000. Вып. 1 (7). С. 7–17.
300. Жеребцова Е. Е. Правовой статус органов конституционного правосудия Российской Федерации и Украины: сравнительно-правовое исследование // Актуальные проблемы правоведения. 2013. № 1.
301. Жилин Г. А. Конституционное судопроизводство в механизме судебной защиты прав // Журнал конституционного правосудия. 2011. № 4.
302. Жилин Г. А. Правовой статус личности в конституционном измерении // Закон. 2013. № 12.
303. Жилин Г. А. Соотношение права и закона // Российская юстиция. 2000. № 4.
304. Жишкевич В. И. Выступление на III Конференции генеральных секретарей конституционных судов и судов равной им юрисдикции. Венецианская комиссия. 2005.
305. Жуков В. Конституционный Суд РФ выполняет историческую роль // Российская юстиция. 2001. № 10.
306. Жуков В. М. Судебный контроль за нормативными актами // Служение праву : памяти профессора В. А. Туманова посвящается : сб. ст. М. : Проспект, 2017.
307. Жунусканов Т. Ж. Источники конституционного законодательства: на примере российско-казахстанского опыта // Юридическая мысль. 2015. № 6.
308. Жунусканов Т. Ж. Казахстанская модель конституционного законодательства как следствие унитаризации устройства государства // Юридическая мысль. 2016. № 6.
309. Зайцев А. А. Зарубежный опыт конституционно-правового регулирования ограничений прав и свобод человека и гражданина: на примере стран СНГ // Бизнес в законе. 2013. № 6.
310. Запарожан В. Предпосылки введения института конституционной жалобы в Молдове // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2005. № 2 (28).
311. Зорькин В. Д. Аксиологические аспекты Конституции России // Конституционные ценности в теории и судебной практике. М. : Институт права и публичной политики, 2009. С. 47–66.
312. Зорькин В. Д. Верховенство права и конституционное правосудие // Наш трудный путь к праву. М. : Норма, 2006. С. 12–34.
313. Зорькин В. Д. Диалог Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского суда по правам человека в контексте конституционного правопорядка // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 1. С. 105–114.
314. Зорькин В. Д. Защита основ конституционного строя в практике Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2005 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2005. С. 55–67.

315. Зорькин В. Д. Защита социальных прав и преодоление несправедливости: проблемы конституционного правосудия // Социальные права и практика Конституционного Суда Российской Федерации. СПб. : Издательский дом СПбГУ. 2008. С. 5–38.
316. Зорькин В. Д. Институт конституционно-правового принуждения — важное условие обеспечения реализации и защиты прав и свобод российских граждан // Ученые записки Санкт-Петербургской академии управления и экономики. 2008. № 2. С. 56–67.
317. Зорькин В. Д. Интеграция европейского конституционного пространства: вызовы и ответы // Журнал российского права. 2006. № 12. С. 14–23.
318. Зорькин В. Д. Конституционная законность в оперативно-розыскной деятельности // Россия и Конституция в XXI веке. М. : Норма, 2008. С. 229–246.
319. Зорькин В. Д. Конституционная защита права собственности : из выступления на VII Диалоге российских и германских судей // Россия и Конституция в XXI веке. М. : Норма, 2008. С. 184–198.
320. Зорькин В. Д. Конституционная идентичность России: доктрина и практика // Журнал конституционного правосудия. 2017. № 4. С. 1–12.
321. Зорькин В. Д. Конституционная Россия и правовой Запад: «перезагрузка»? (Размышления, навеянные прочтением одного неслучайного и далеко идущего сочинения) // Журнал конституционного правосудия. 2010. № 1.
322. Зорькин В. Д. Конституционная юстиция на переходном этапе исторического развития России // Служение праву: памяти профессора В. А. Туманова посвящается : сб. ст. Москва : Проспект, 2017. С. 87–103.
323. Зорькин В. Д. Конституционная юстиция стран новой демократии в условиях современных вызовов // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства. Казань, 2010. Вып. 5. С. 10–27.
324. Зорькин В. Д. Конституционное правосудие и практика Европейского суда по правам человека // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2010 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2010. С. 23–32.
325. Зорькин В. Д. Конституционное правосудие стран новой демократии: вызовы и перспективы // Журнал конституционного правосудия. 2014. № 3. С. 1–10.
326. Зорькин В. Д. Конституционно-правовое развитие России. М. : Норма. 2011.
327. Зорькин В. Д. Конституционно-правовое развитие России. М. : Норма, 2019.
328. Зорькин В. Д. Конституционно-правовые аспекты налогового права в России и практика Конституционного Суда // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. № 3. С. 98–106.
329. Зорькин В. Д. Конституционные суды стран молодой демократии в европейском правовом поле // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2005. Вып. 2 (28). С. 12–18.
330. Зорькин В. Д. Конституционные суды стран молодой демократии в европейском правовом поле // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2005. № 2.
331. Зорькин В. Д. Конституционный контроль в контексте современного правового развития // Журнал конституционного правосудия. 2018. № 4. С. 1–11.
332. Зорькин В. Д. Конституционный Суд в судебной системе Российской Федерации // Судья. 2017. № 12. С. 4–13.

333. Зорькин В. Д. Конституционный Суд и развитие гражданского права // Российский судья. 2012. № 3. С. 5–13.
334. Зорькин В. Д. Конституционный Суд на переходном этапе исторического развития России // Журнал конституционного правосудия. 2016. № 4. С. 1–7.
335. Зорькин В. Д. Конституционный Суд России в историческом контексте: размышления к юбилею Конституционного Суда // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 4. С. 1–7.
336. Зорькин В. Д. Конституционный Суд России в системе судебной власти // Журнал конституционного правосудия. 2017. № 2. С. 1–8.
337. Зорькин В. Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика. М. : Норма, 2017.
338. Зорькин В. Д. Конституционный Суд Российской Федерации и его роль в защите прав человека в контексте глобальной юриспруденции : материалы к Всемирной конференции по конституционному правосудию (Кейптаун, 23–24 января 2009 г.) // Дайджест официальных материалов и публикаций периодической печати «Конституционное правосудие в странах Балтии». 2009. № 1. С. 87–105.
339. Зорькин В. Д. Конституция и права человека в XXI веке: к 15-летию Конституции Российской Федерации и 60-летию Всеобщей декларации прав человека. М. : Норма, 2008.
340. Зорькин В. Д. Конституция новой России: к 15-летию принятия // Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. Д. Зорькина, Л. В. Лазарева. М., 2009.
341. Зорькин В. Д. Конституция, права человека и Конституционный Суд // Библиотечка «Российской газеты», 2011. № 20. С. 3–14.
342. Зорькин В. Д. Национальные интересы, современный миропорядок и конституционная законность // Актуальные проблемы развития судебной системы и системы добровольного и принудительного исполнения решений Конституционного Суда РФ, судов общей юрисдикции, арбитражных, третейских судов и Европейского суда по правам человека. Краснодар : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. С. 21–58.
343. Зорькин В. Д. Обеспечение социальной справедливости и защита социальных прав граждан в конституционном правосудии // Актуальные вопросы конституционного правосудия. М. : Волтерс Клювер, 2011. С. 101–105.
344. Зорькин В. Д. Обеспечение социальной справедливости и защита социальных прав граждан в конституционном правосудии // Журнал конституционного правосудия. 2009. № 3.
345. Зорькин В. Д. Право в условиях глобальных перемен. М., 2013.
346. Зорькин В. Д. Право на свободные выборы в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Сравнительное конституционное обозрение. 2005. № 1. С. 69–72.
347. Зорькин В. Д. Право против хаоса. М., 2018.
348. Зорькин В. Д. Правовой путь России. М., 2014.
349. Зорькин В. Д. Правовые основы российской многопартийности и практика Конституционного Суда // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 6. С. 1–11.
350. Зорькин В. Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2004. № 12.

351. Зорькин В. Д. Принцип разделения властей в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2008. № 2 (40) — 3 (41).
352. Зорькин В. Д. Принцип разделения властей в решениях Конституционного Суда Российской Федерации : доклад на X Диалоге высших судов России и Германии // Россия и Конституция в XXI веке. М. : Норма, 2008. С. 149–170.
353. Зорькин В. Д. Реализация конституционного принципа разделения властей в практике Конституционного Суда России // Конституционный суд как гарант разделения властей. М. : Институт права и публичной политики, 2004. С. 17–30.
354. Зорькин В. Д. Роль Конституций постсоветских государств в формировании новой государственности и объединении общества // Право и государство : науч.-инф. журн. Казахского гуманитарно-юридического университета. 2015. № 3.
355. Зорькин В. Д. Роль Конституционного Суда в обеспечении стабильности и развития Конституции // Сравнительное конституционное обозрение. 2004. № 3. С. 83–87.
356. Зорькин В. Д. Роль Конституционного Суда Российской Федерации в обеспечении верховенства права // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2004 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2004. С. 35–48.
357. Зорькин В. Д. Роль Конституционного Суда Российской Федерации в реализации Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. № 1. С. 34–38.
358. Зорькин В. Д. Россия и Европейский суд по правам человека: взаимодействие внутригосударственного и межгосударственного правосудия // Судья. 2013. № 10. С. 4–13.
359. Зорькин В. Д. Россия и ее Конституция // Журнал российского права. 2003. № 11.
360. Зорькин В. Д. Россия и Конституция в XXI веке. М. : Норма, 2008.
361. Зорькин В. Д. Россия и Конституция в XXI веке: взгляд с Ильинки. М. : Норма, 2007.
362. Зорькин В. Д. Современный мир, право и Конституция. М. : Норма, 2010.
363. Зорькин В. Д. Социальное государство в России: конституционно-правовые проблемы реализации // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства. Казань, 2008. Вып. 3. С. 6–32.
364. Зорькин В. Д. Социальное государство в России: проблемы реализации // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 1. С. 46–50.
365. Зорькин В. Д. Судебная защита: между глобализацией и суверенитетом // Россия и Конституция в XXI веке. М. : Норма, 2008. С. 463–468.
366. Зорькин В. Д. Угрозы международной и национальной безопасности и ограничения прав человека в практике конституционного правосудия // Российское правосудие. 2006. № 2.
367. Зорькин В. Д. Ценностный подход в конституционном регулировании прав и свобод // Журнал российского права. 2008. № 12.
368. Зорькин В. Д. Цивилизация права и развитие России. М. : Норма : Инфра-М., 2016.
369. Зорькин В. Д. Четверть века на страже Конституции // Журнал конституционного правосудия. 2016. № 5. С. 1–9.

370. Зорькин В. Судить по Конституции и совести // Журнал российского права. 2003. № 9.
371. Зубко В. Размышления об условиях допустимости обращения граждан в Конституционный Суд // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2005. № 2 (28).
372. Иброхимов С. Вопросы соотношения и различия конституционной и административной юстиции в Республике Таджикистан // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2015. № 4 (70).
373. Иващенко В. Вопросы конституционного ограничения прав и свобод человека и гражданина в практике Конституционного Суда Украины // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2003 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2003.
374. Имашев Б. М. К правовому государству через верховенство права // Вестник Конституционного Совета Республики Казахстан. 2015. № 27.
375. Ипатов В. Д. Влияние конституционного контроля на законотворческий процесс // Развитие форм конституционного контроля в современных условиях. Минск, 2016.
376. Исакова Г. Конституционные референдумы в Кыргызстане // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 6.
377. Исакова Г.Т. Конституция Кыргызской Республики: вопросы формально-юридического оформления политической системы // Право и государство. 2012. № 3.
378. Искандаров З. Актуальные проблемы правового регулирования конституционного судебного процесса // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2011. № 1 (51).
379. Исполинов А. С. Требуются прагматики: Конституционный Суд России и евразийский правопорядок // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 5.
380. Кабышев В. Т. Конституционные принципы экономического строя России: регулирование, проблемы реализации // Ученые записки юридического факультета. 2008. № 12.
381. Кажлаев С. А. Генезис правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2007. № 3.
382. Кажлаев С. А. О нормотворчестве Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2004. № 9.
383. Кажлаев С. А. Судебное усмотрение в деятельности Конституционного Суда РФ // Журнал Российского права. 2003. № 11.
384. Казанцев С. М. Вопросы единства судебной практики в связи с разграничением полномочий различных ветвей судебной власти // Диалог представителей высших судов и органов прокуратуры Германии и России. М. : Права человека, 2004. С. 129–140.
385. Казанцев С. М. Особенности контроля конституционности Таможенного кодекса Таможенного союза // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 2. С. 1–9.
386. Казанцев С. М. Проверка подзаконных нормативных правовых актов Конституционным Судом Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 1. С. 1–6.
387. Какимжанов М. Т. Природа конституционных прав и свобод человека и гражданина в Республике Казахстан // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2009. Вып. 1 (№ 16).

388. Калиновский К. Б. Восстановление конституционных прав граждан, нарушение которых установлено решениями Конституционного Суда Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс». 2009.
389. Кальяк А. М. К вопросу о возможности изменения юридической практики Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 11.
390. Кальяк А. М. О сфере действия решений Конституционного Суда России по делам о нормоконтроле // Государственная власть и местное самоуправление. 2006. № 8.
391. Кальяк А. М. Отдельные вопросы исполнения решений Конституционного Суда РФ в правоприменительной практике // Российская юстиция. 2013. № 9.
392. Кальяк А. М. Самоисполнимость решений конституционных судов (на примере постсоциалистических государств) // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 2.
393. Камилова Х. Обеспечение прямого действия норм Конституции в осуществлении конституционного правосудия // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2004 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2004.
394. Камолов И. И., Гулзода А. А. Судебная практика как источник права в условиях конституционной реформы в Республике Таджикистан // Вестник Конституционного Суда Республики Таджикистан. 2014. № 3.
395. Кампо В. Конституционализация внешних отношений Украины: евроинтеграционный аспект // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2008. № 1.
396. Кампо В. М. Некоторые проблемы применения принципа верховенства права в практике конституционной юстиции Украины // Журнал конституционного правосудия. 2010. № 6.
397. Кампо В. Правовые позиции Конституционного Суда Украины как необходимый элемент обеспечения судебно-правовой реформы // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2010. № 1.
398. Кампо В. Проблемы и перспективы развития украинской модели конституционной юстиции // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 3.
399. Кампо В. Состояние и перспективы внедрения европейских общих демократических ценностей в Украине: практика Конституционного Суда Украины // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2013. № 3.
400. Кампо В. Становление доктрины третейских судов в контексте практики Конституционного Суда Украины // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2010. № 4 (50).
401. Кампо В., Овчаренко В. Некоторые проблемы конституционного контроля за соблюдением Парламентом процедуры внесения изменений в Конституцию: украинский опыт // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2011. № 4.
402. Каравай А. В. О работе с обращениями граждан и юридических лиц, поступившими в Конституционный Суд Республики Беларусь в 2012 году // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. 2013. № 1.

403. Караев А. А. Конституционный Совет Республики Казахстан в системе разделения властей // Российский юридический журнал. 2008. № 6.
404. Караев А. А. Органы конституционного контроля в механизме защиты прав и свобод личности: опыт Казахстана и зарубежных стран // Журнал конституционного правосудия. 2009. № 1.
405. Карелова Г. А. Юридическая сила решений Конституционного Суда Украины по вопросам уголовного права // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 8.
406. Кариева Н. Конституционный Суд и обращения граждан // Вестник Конституционного Суда Республики Узбекистан. 2004. Вып. 10. С.171–174.
407. Каримзода К. Конституонализм — основа развития органа конституционного контроля в Таджикистане // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2015. № 4 (70).
408. Каримов К. Конституционное правосудие и защита чести и достоинства человека в Республике Таджикистан // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2014 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2014.
409. Каримов К. Конституционный Суд Республики Таджикистан в условиях глобализации и интеграции правовых систем // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2011. № 1 (51).
410. Каримов К. М. Конституционный Суд и социальное государство: идеи о формировании социального государства // Вестник Конституционного Суда Республики Таджикистан. 2013. № 3.
411. Каримов К. М. Развитие конституционного правосудия в Республике Таджикистан в контексте демократизации общественно-политической жизни // Вестник Конституционного Суда Республики Таджикистан. 2012. № 2.
412. Каримов К. М. Роль Конституционного Суда в защите основ конституционного строя Республики Таджикистан // Вестник Конституционного Суда Республики Таджикистан. 2011. № 3.
413. Карпачева Н. Международный опыт сотрудничества между конституционными судами и омбудсменами в сфере обеспечения и защиты прав человека // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2007 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2007.
414. Карпович Н. А. Влияние конституционного контроля на устранение конституционно-правовых пробелов // Развитие форм конституционного контроля в современных условиях. Минск, 2016.
415. Карпович Н. А. Правовые позиции Конституционного Суда в системе права Республики Беларусь // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. 2015. № 3.
416. Карпович Н. А. Развитие доктрины верховенства права в актах Конституционного Суда Республики Беларусь // Роль органов конституционного контроля в обеспечении верховенства права в нормотворчестве и правоприменении. Минск : СтройМедиаПроект, 2017.
417. Карпович Н., Каравай А. В. Конституционный Суд Республики Беларусь на защите прав и свобод граждан // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2015. № 4 (70).

418. Касымалиев М. Роль Конституционной палаты Верховного Суда Кыргызской Республики в реализации принципа разделения ветвей власти и защите прав человека // Роль Конституционного Суда в реализации принципа разделения ветвей власти и защите прав человека: опыт Узбекистана и зарубежных стран. Ташкент : Baktra press, 2016.
419. Кельзен Г. Судебная гарантия Конституции (конституционная юстиция) // Право и политика. 2006. № 8. № 9.
420. Кемалов М., Орманова А. Обеспечение Конституционным Советом взаимосвязи национального и международного права // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2008. № 4 (42).
421. Кененсариев А. С. Гарантии независимости конституционного правосудия и влияние конституционного правосудия на уголовное судопроизводство // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2001.
422. Кеник К. Реализация принципа верховенства прав в практике Конституционного Суда Республики Беларусь // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2004 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2004.
423. Клеандров М. И. Конституционное правосудие — ядро практики // ЭЖ-Юрист. 2006. № 50.
424. Клеандров М. И. Обеспечение органом конституционного контроля функционирования независимой судебной власти // Место и значение органа конституционного контроля в эффективном функционировании системы сдержек и противовесов между ветвями государственной власти. Бишкек, 2017.
425. Князев С. Д. Институт конституционной жалобы в Российской Федерации: законодательная модель и судебная практика // Теоретические и практические аспекты связанные с индивидуальной конституционной жалобой в европейской модели конституционного правосудия. Минск, 2010. С. 38–52.
426. Князев С. Д. Институт письменного производства в Конституционном Суде России: законодательные новеллы и реалии правоприменения // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства. Казань, 2012. Вып. 7. С. 59–70.
427. Князев С. Д. Конституционная жалоба в Российской Федерации: законодательная модель и судебная интерпретация // Журнал конституционного правосудия. 2011. № 1.
428. Князев С. Д. Конституционное правосудие в России: современные реалии и новые вызовы // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства : сб. науч. трудов. Казань, 2017. Вып. 12. С. 44–57.
429. Князев С. Д. Конституционный Суд в правовой системе Российской Федерации // Журнал российского права. 2013. № 12.
430. Князев С. Д. Обязательность постановлений ЕСПЧ в правовой системе России: на основе практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2016. № 12. С. 5–17.
431. Князев С. Д., Микулин А. И. Право на защиту в производстве по делам об административных правонарушениях в свете решений Конституционного Суда РФ // Российский юридический журнал. 2010. № 2. С. 145–162.

432. Кобэняну С. Субъекты с правом обращения в Конституционный Суд Республики Молдова // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2005. № 2 (28).
433. Козырева Л. Г. Влияние правовых позиций Конституционного Суда на право-применительную практику в экономической сфере // Верховенство Конституции: двадцатилетний опыт конституционного контроля : сб. науч. ст. судей Конституционного Суда Республики Беларусь. Минск : Белорусский Дом печати, 2014.
434. Козырева Л. Г. Конституционное право человека на достоинство и правовые позиции Конституционного Суда Республики Беларусь // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. 2015. № 3.
435. Козырева Л. Г. Обеспечение верховенства права в регулировании экономических отношений // Роль органов конституционного контроля в обеспечении верховенства права в нормотворчестве и правоприменении. Минск : СтройМедиаПроект, 2017.
436. Козырева Л. Г., Болибок В. Д. Конституционная экономика в Республике Беларусь // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. 2010. № 3.
437. Кокотов А. Н. Запросы судов в Конституционный Суд Российской Федерации в порядке части 4 статьи 125 Конституции Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. 2014. № 6.
438. Кокотов А. Н. Исполнение решений Конституционного Суда // Журнал российского права. 2013. № 5.
439. Кокотов А. Н. Исполнение решений Конституционного Суда законодателем // Роль органов конституционного контроля в обеспечении верховенства права в нормотворчестве и правоприменении : матер. междунар. конф. (Минск, 27–28 апреля 2017 г.). Минск : СтройМедиаПроект, 2017. С. 42–50.
440. Кокотов А. Н. Конституционный принцип доверия в практике Конституционного Суда Российской Федерации // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 5. С. 97–108.
441. Кокотов А. Н. Механизм исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2012 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2012. С. 123–133.
442. Кокотов А. Н. Насущные вопросы регулирования деятельности Конституционного Суда Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2012. № 2.
443. Кокотов А. Н. Некоторые направления современных конституционно-правовых исследований // Журнал конституционного правосудия. 2008. № 4.
444. Кокотов А. Н. О некоторых вопросах преподавания конституционного права в юридическом вузе // Lex russica. 2013. № 11.
445. Кокотов А. Н. О некоторых изменениях законодательства о Конституционном Суде Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. 2017. № 5. С. 15–19.
446. Кокотов А. Н. О правотворческом содержании решений Конституционного Суда Российской Федерации // Российская юстиция. 2014. № 4. С. 21–24.
447. Кокотов А. Н. Обязательность решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. 2011. № 4.

448. Кокотов А. Н. Осуществление Конституционным Судом Российской Федерации конституционного контроля: насущные вопросы развития // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2011. Вып. 3 (53). С. 57–67.
449. Кокотов А. Н. Правовая природа решений Конституционного Суда Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2006. № 1. С. 73–81.
450. Кокотов А. Н. Решения Конституционного Суда РФ как источники права // Конституционные основы экономических и социальных отношений. СПб. : Изд-во СПб. гос. ун-та экономики и финансов, 2006. Ч. 2. С. 59–63.
451. Кокотов А. Н. Судебный конституционализм и конституционное правосудие // Журнал российского права. 2011. № 6.
452. Колос М. И. Современные и перспективные формы обращения в Конституционный Суд Украины за защитой прав и свобод физических и юридических лиц // Теоретические и практические аспекты, связанные с индивидуальной конституционной жалобой, в европейской модели конституционного правосудия. Минск, 2010.
453. Комкова Г. Н. Категория «справедливость» в конституциях государств — участников СНГ // Конституционное развитие России. 2006. № 7.
454. Коновалов А. В. Мониторинг правоприменения в Российской Федерации и роль конституционного правосудия в этом процессе // Конституционный контроль: доктрина и практика. М. : Норма, 2012.
455. Конституционный контроль в Казахстане: доктрина и практика утверждения конституционализма / под ред. И. И. Рогова, В. А. Малиновского. Астана, 2015.
456. Конституционный Совет Республики Казахстан // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2001. № 2 (12).
457. Конституционный Суд Республики Молдова — 6-летний этап деятельности // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2001. № 2 (12).
458. Кравец И. А. Конституционная жалоба: традиции и новации в механизме гарантий прав и свобод личности // Журнал российского права. 2003. № 8.
459. Кравец И. А. Конституционность нормативных правовых актов: доктрина и практика в России // Право и политика. 2006. № 8.
460. Кравец И. А. Российская Конституция и конституционализация правового порядка (некоторые вопросы теории и практики) // Журнал российского права. 2003. № 11.
461. Красавчикова Л. О. Вопросы компенсации пострадавшим в результате террористических актов в свете практики Конституционного Суда РФ // Закон. 2006. Ноябрь. С. 47–52.
462. Краснов М. А. Некоторые аспекты проблемы ограничения конституционных прав: на примере экономических прав // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 1.
463. Краснов М. А. Постсоветские государства: есть ли зависимость политического режима от конституционного дизайна? // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 2.
464. Краснов М. А. Толкования Конституции как ее фактические поправки // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 1.

465. Кривенко В. В. Роль органов конституционной юрисдикции в защите гражданских прав и свобод в условиях конституционной реформы : тезисы выступления // Вестник Конституционного Совета Республики Казахстан. 2017. № 31.
466. Крусс В. И. Конституционный нормоконтроль как аутентичное правотворчество // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 6.
467. Крусс В. И. Российская конституционная аксиология: актуальность и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 2.
468. Крылова Н. С. Общепризнанный принцип законодательного установления налогов и конституционное правосудие // Право. 2008. № 1.
469. Кряжков В. А. Конституционная культура в зеркале правосудия Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. 2008. № 3.
470. Кряжков В. А. Российская модель конституционной жалобы // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 5.
471. Кубеев Е. К. Влияние глобализационных процессов на конституционное развитие Республики Казахстан // Вестник Конституционного Совета Республики Казахстан. 2016. № 29.
472. Кудекова Л. С. Роль Конституции Республики Казахстан в становлении правового государства // Вестник Конституционного Совета Республики Казахстан. 2016. № 29.
473. Куканов А. З. Переход от советской к президентской форме правления // Вестник Конституционного Суда Республики Таджикистан. 2012. № 4.
474. Кургузиков М. С. Прекращение полномочий членов органов конституционного контроля в странах СНГ // Журнал конституционного правосудия. 2016. № 3.
475. Курманов З. К. Становление и развитие судебного конституционного контроля в Кыргызской Республике // Место и значение органа конституционного контроля в эффективном функционировании системы сдержек и противовесов между ветвями государственной власти. Бишкек, 2017.
476. Куртов А. Конституционное правосудие в Республике Казахстан и институт выборов // Конституционное право. 2003. № 2.
477. Курылева О. С. Конституционно-правовые основы нормативного ограничения трудовых прав в практике Конституционного Суда Республики Беларусь // Защита прав в России и других странах Совета Европы. Краснодар : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2011.
478. Кухливский В. С. Пробел в законодательстве как предмет конституционной жалобы в государствах — членах СНГ // Право и управление. XXI век. 2016. № 1.
479. Кучинский В. А. Роль Уполномоченного по правам человека в формировании института конституционной жалобы // Теоретические и практические аспекты, связанные с индивидуальной конституционной жалобой, в европейской модели конституционного правосудия. Минск, 2010.
480. Ладутько В. К. Идея верховенства права в контексте исторического развития Беларуси // Роль органов конституционного контроля в обеспечении верховенства права в нормотворчестве и правоприменении. Минск : СтройМедиаПроект, 2017.
481. Лазарев В. В. Ограничение прав и свобод как теоретическая и практическая проблема // Журнал российского права. 2009. № 9.
482. Лазарев В. В. Прецедентное решение Конституционного Суда РФ // Журнал российского права. 2009. № 6.

483. Лазарев В. В., Шуберт Т. Э. Право законодательной инициативы высших судов и проблемы его реализации // Журнал российского права. 2017. № 3.
484. Лазарев Л. В. Правовые позиции Конституционного Суда России. М., 2008. № 5.
485. Лазарев Л. Проблемы судебного нормоконтроля в решениях Конституционного Суда РФ // Российская юстиция. 2001. № 2.
486. Лапаева В. В. Критерии ограничения прав человека и гражданина в Конституции Российской Федерации // Государство и право. 2013. № 2.
487. Ливеровский А. А., Петров М. В. Органы конституционного нормоконтроля как «квазисуды» // Журнал конституционного правосудия. 2010. № 3.
488. Липинский Д. А., Мусаткина А. А. Некоторые проблемы процессуальной ответственности // Российская юстиция. 2016. № 12.
489. Липинский Д. А., Станкин А. Н. Является ли конституционно-процессуальная ответственность самостоятельным институтом юридической ответственности? // Правовое государство. 2017. № 3.
490. Люхтерхандт О. Реформа конституционного судопроизводства в Республике Таджикистан в контексте глобальных изменений // Конституционное правосудие — гарант обеспечения верховенства Конституции. Душанбе : ЭР-граф, 2015.
491. Маврин С. П. Конституционная жалоба как эффективное средство защиты прав и свобод человека в Российской Федерации // Защитата на основните права на гражданите и националната сигурност в съвременния свят: ролята на конституционните съдилища : международна конференция (София, 21–22 септември 2016 г.). София : Изд-во на БАН «Проф. Марин Дринов», 2017. С. 45–50.
492. Маврин С. П. Конституционные принципы правового регулирования трудовых отношений и правовые позиции Конституционного Суда РФ // Актуальные проблемы развития судебной системы и системы добровольного и принудительного исполнения решений Конституционного Суда РФ, судов общей юрисдикции, арбитражных, третейских судов и Европейского суда по правам человека. Краснодар: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008.
493. Маврин С. П. Конституционные ценности и их роль в российской правовой системе // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 3. С. 1–13.
494. Маврин С. П. Некоторые вопросы трудового права в решениях Конституционного Суда РФ // Социальные права и практика Конституционного Суда Российской Федерации. СПб. : Издательский дом СПбГУ. 2008. С. 268–278.
495. Маврин С. П. Некоторые соображения о понятии правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. 2010. № 4.
496. Маврин С. П. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации в области защиты социальных прав // Развитие форм конституционного контроля в современных условиях. Минск, 2016. С. 71–88.
497. Маврин С. П. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: природа и место в национальной правовой системе // Журнал конституционного правосудия. 2010. № 6.
498. Маврин С. П. Роль Конституционного Суда Российской Федерации в урегулировании конституционных конфликтов // Журнал конституционного правосудия. 2018. № 1. С. 1–5.
499. Маврин С. П. Трудовое право в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Правоведение. 2006. № 4. С. 40–49.

500. Малиновский В. А. Верховенство Конституции Республики Казахстан в сфере международных отношений // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 1.
501. Малиновский В. А. Конституционно-правовые и институциональные основы межнационального согласия в Республике Казахстан // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 6.
502. Малиновский В. А. Конституция Республики Казахстан — правовой фундамент новой эпохи // Право и государство : науч.-информ. журнал Казахского гуманитарно-юридического университета. 2015. № 3.
503. Малиновский В. А. О поиске оптимальной модели конституционного контроля: опыт Республики Казахстан // Журнал конституционного правосудия. 2011. № 4.
504. Малиновский В. А. Республика Казахстан: опыт утверждения конституционализма в переходный период // Российский юридический журнал. 2014. № 5.
505. Малиновский В. А., Орманова Ш. Ш. Практикум по конституционному контролю в Республике Казахстан. Астана, 2015.
506. Малиновский В. Достоинство человека как конституционная ценность в Республике Казахстан // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2014 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2014.
507. Малиновский В. Индивидуальная (конституционная) жалоба в арсенале органа конституционного контроля Республики Казахстан // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2010 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2010.
508. Малиновский В. Конституция Республики Казахстан: оптимальный баланс общепризнанных и национальных ценностей // Роль Конституционного суда в реализации принципа разделения ветвей власти и защиты прав человека: опыт Узбекистана и зарубежных стран. Ташкент : Baktra press, 2016.
509. Малиновский В. Роль Конституционного Совета Республики Казахстан в обеспечении корректного использования понятийного аппарата основного закона как главного средства профилактики правовых неопределенностей // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2016 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2016.
510. Малютин Н. С. О мерах реагирования Конституционного Суда РФ на неисполнение собственных решений // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 1.
511. Малюшин А. А. Взаимодействие Конституционного Суда Российской Федерации, судов общей юрисдикции и арбитражных судов // Российский судья. 2007. № 10.
512. Малюшин А. А. Конституционно-судебное правотворчество (правоустановление) в Российской Федерации как особая форма современного правотворчества // Российская юстиция. 2015. № 10.
513. Малюшин А. А. Конституционно-судебное правотворчество в Российской Федерации проблемы теории и практики монография. М. : Юрист. 2013.
514. Малюшин А. А. Теоретико-правовые проблемы форм конституционного правосудия // Российская юстиция. 2015. № 5.
515. Мами К. А. Конституционные основы развития законодательства о судебной системе // Вестник Конституционного Совета Республики Казахстан. 2015. № 27.

516. Манасян А. Развитие Конституции Республики Армения как важнейшая предпосылка укрепления армянского конституционализма // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 3.
517. Маралбаева А. Ш. Значение и роль решений Конституционной палаты в укреплении режима законности в период трансформации правовой системы Кыргызской Республики // Вестник Конституционной палаты Верховного Суда Кыргызской Республики. Бишкек, 2017.
518. Маркуш М. Основополагающие начала в уголовном процессе Украины: конституционно-ценное измерение // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2013. № 3.
519. Марыскин А. В. Значение решений Конституционного Суда для обеспечения конституционных прав и свобод граждан // Верховенство Конституции: двадцатилетний опыт конституционного контроля : сб. науч. ст. судей Конституционного Суда Республики Беларусь. Минск : Белорусский Дом печати, 2014.
520. Марыскин А. В. Механизм исполнения решений Конституционного Суда Республики Беларусь // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2001. № 3 (13).
521. Марыскин А. В. Некоторые вопросы практики исполнения решений Конституционного Суда Республики Беларусь // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. 1999. № 4.
522. Масловская Т. С. Конституционная ответственность: вопросы содержания // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. 2002. № 2.
523. Масловская Т. С. Контроль за конституционностью законов в Республике Беларусь и во Франции: сравнительно-правовой анализ // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. 2013. № 1.
524. Махмудзода М. А. Конституционный контроль — важнейшая форма обеспечения конституционной стабильности в государстве // Вестник Конституционного Суда Республики Таджикистан. 2016. № 2.
525. Махмудзода М. А. Роль органа конституционного контроля в развитии правового государства // Вестник Конституционного Суда Республики Таджикистан. 2016. № 1.
526. Махмудзода М. Роль и значение решений Конституционного Суда Республики Таджикистан в преодолении законодательных пробелов и правовой неопределенности // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2016 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2016.
527. Махмудзода М. Роль Конституционного Суда Республики Таджикистан в укреплении конституционной законности // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2015. № 3 (69).
528. Махмудов М. А. Конституционный контроль — основной способ укрепления конституционной законности в Республике Таджикистан // Вестник Конституционного Суда Республики Таджикистан. 2013. № 1.
529. Махмудов М. А. Конституционный нормоконтроль — гарантия гармонизации национальных законодательств // Евразийская интеграция: экономика, право. 2012. № 11.

530. Махмудов М. Конституционный Суд Республики Таджикистан и его роль в обеспечении верховенства конституции // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2009 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2009.
531. Махмудов М. Обеспечение исполнения решений Конституционного Суда — гарантия развития эффективности конституционного правосудия // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2012 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2012.
532. Махмудов М., Абдулаев А. Конституционный Суд Таджикистана — независимый орган судебной власти // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2012. № 4 (58).
533. Медушевский А. Киргизия в поисках модели конституционного устройства: о двух новых редакциях Конституции // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 2.
534. Медушевский А. Конституционные принципы 1993 года: формирование, итоги и перспективы реализации // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 1.
535. Медушевский А. Конституционный кризис в Киргизии // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. № 4.
536. Медушевский А. От революции к реставрации: олигархические тенденции постсоветских политических режимов // Сравнительное конституционное обозрение. 2010. № 4.
537. Мельников Н. В. К вопросу о необходимости конституционного закрепления контрольной власти в России // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 4. С. 16–24.
538. Мельников Н. В. О соотношении специализированного конституционного контроля и неспециализированного конституционного надзора в России // Журнал конституционного правосудия. 2014. № 3.
539. Миклашевич П. Конституционные основы свободы собственности и предпринимательства // Конституционно-правовые основы собственности и предпринимательства: проблемы реализации : сб. докл. М. : Институт права и публичной политики, 2010.
540. Миклашевич П. Обеспечение верховенства конституции — важнейшая функция Конституционного Суда Республики Беларусь // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2009 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2009.
541. Миклашевич П. Особенности и развитие конституционного правосудия в Республике Беларусь // Материалы Международной конференции, посвященной 15-летию Конституционного Суда Азербайджанской Республики, на тему «Конституционное правосудие в XXI веке: особенности и пути развития» (Баку, 12 июля 2013 г.). Баку, 2013.
542. Миклашевич П. П. Влияние конституционного правосудия на общество в Республике Беларусь // Дайджест официальных материалов и публикаций периодической печати «Конституционное правосудие в странах Балтии». 2009. № 1.
543. Миклашевич П. П. Влияние конституционного правосудия на повышение уровня национальной безопасности // Защитата на основните права на гражданите и националната сигурност в съвременния свят: ролята на конституционните съдилища : международна конференция (София, 21–22 септември 2016 г.). София : Изд-во на БАН «Проф. Марин Дринов», 2017.

544. Миклашевич П. П. Доступ граждан к конституционному правосудию в Республике Беларусь // Журнал конституционного правосудия. 2010. № 5.
545. Миклашевич П. П. Доступ к конституционному правосудию в правовой системе Республики Беларусь // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. 2011. № 3.
546. Миклашевич П. П. Конституционные ценности и современные тенденции развития конституционализма // Верховенство Конституции: двадцатилетний опыт конституционного контроля : сб. науч. ст. судей Конституционного Суда Республики Беларусь. Минск : Белорусский Дом печати, 2014.
547. Миклашевич П. П. Конституционный контроль в Республике Беларусь: современные тенденции развития и совершенствования // Конституционный контроль. Минск : Белорусский Дом печати, 2014.
548. Миклашевич П. П. Конституционный Суд Республики Беларусь: функции и взаимодействие с другими органами государственной власти // Верховенство Конституции: двадцатилетний опыт конституционного контроля : сб. науч. ст. судей Конституционного Суда Республики Беларусь. Минск : Белорусский Дом печати, 2014.
549. Миклашевич П. П. Конституция Республики Беларусь — ориентир совершенствования правовой системы и конституционного контроля // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. 2009. № 1.
550. Миклашевич П. П. Конституция Республики Беларусь: стратегия демократического развития // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. 2014. № 1.
551. Миклашевич П. П. Новые вызовы для верховенства права // Роль органов конституционного контроля в обеспечении верховенства права в нормотворчестве и правоприменении. Минск : СтройМедиаПроект, 2017.
552. Миклашевич П. П. Новые направления конституционного контроля — новые задачи Конституционного Суда Республики Беларусь // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. 2008. № 2.
553. Миклашевич П. П. Правовой механизм предварительного конституционного контроля // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. 2008. № 4.
554. Миклашевич П. П. Предварительный контроль конституционности законов о ратификации международных договоров // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. 2010. № 1.
555. Миклашевич П. П. Проблемы доступа граждан к конституционному правосудию // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. 2009. № 3.
556. Миклашевич П. П. Развитие конституционного контроля в Беларуси: особенности доктрины и практики // Конституционный контроль. М. : Норма, 2012.
557. Миклашевич П. П. Развитие форм конституционного контроля в современных условиях // Развитие форм конституционного контроля в современных условиях. Минск, 2016.
558. Миклашевич П. П. Роль конституционного контроля в развитии конституционализма // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. 2015. № 3.
559. Миклашевич П. П. Совершенствование и перспективы развития конституционного контроля в Республике Беларусь // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. 2009. № 2.
560. Миклашевич П. П. Совершенствование конституционного контроля — важнейшего способа обеспечения верховенства Конституции Республики Беларусь // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. 2008. № 1.

561. Миклашевич П. П. Совершенствование правовой основы конституционного судопроизводства в Республике Беларусь // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. 2010. № 2.
562. Миклашевич П. П. Совершенствование судопроизводства обязательного предварительного контроля конституционности законов // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. 2009. № 4.
563. Минасян Н. Г. Особенности формирования конституционных судов стран — участников Содружества Независимых Государств // Административное и муниципальное право. 2011. № 11.
564. Мирбабаев Б. Компетенция Конституционного Суда Республики Узбекистан // Вестник Конституционного Суда Республики Узбекистан. 1999. Вып. 3. С. 83–86.
565. Мирбабаев Б. Роль Конституционного Суда в реализации принципа разделения властей и защите прав человека: опыт Узбекистана // Роль Конституционного Суда в реализации принципа разделения ветвей власти и защите прав человека: опыт Узбекистана и зарубежных стран. Ташкент : Baktra press, 2016. С. 9–17.
566. Мирбабаев Б. Судебный контроль за конституционностью нормативных актов, защищающих права и свободы человека // Вестник Конституционного Суда Республики Узбекистан. 2006. Вып. 14. С. 58–63.
567. Мирзоев С. Б. К вопросу о зарождении идей конституционного контроля в Таджикистане // Вестник Конституционного Суда Республики Таджикистан. 2011. № 1.
568. Мирзоев С. К вопросу о взаимодействии Конституционного Суда Республики Таджикистан с другими органами государственной власти // Вестник Конституционного Суда Республики Таджикистан. 2011. № 3.
569. Митюков М. А. Зарубежные оценки законодательного регулирования конституционного правосудия России (по экспертным заключениям Венецианской комиссии Совета Европы и иностранных специалистов по конституционному праву) // Государственная власть и местное самоуправление. 2007. № 1.
570. Митюков М. А. К истории разработки и принятия Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации». М. : Норма, 2012.
571. Митюков М. А. К истории учреждения Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2002. № 2.
572. Митюков М. А. К истории учреждения палат Конституционного Суда (по материалам подготовки проекта Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации») // Государственная власть и местное самоуправление. 2007. № 8.
573. Митюков М. А. Как исполняются решения Конституционного Суда РФ и конституционных (уставных) судов субъектов Федерации // Журнал российского права. 2001. № 7.
574. Митюков М. А. Конституционные суды стран молодой демократии: некоторые политico-правовые аспекты исполнения решений // Конституционное право: вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2002. № 3 (17).
575. Митюков М. А. Конституция РФ 1993 года и развитие полномочий Конституционного Суда России // Государственная власть и местное самоуправление. 2004. № 6.

576. Митюков М. А. Методология исследования проблемы послания Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 12.
577. Митюков М. А. О некоторых аспектах дискуссии о полномочиях Конституционного Суда России (по материалам подготовки и принятия проекта ФКЗоКС) // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 5.
578. Митюков М. А. Право Конституционного Суда на законодательную инициативу (по материалам разработки проекта ФКЗ о КС) // Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства : сб. науч. трудов. Вып. IV. Казань : Офсет-сервис, 2009.
579. Митюков М. А. Судебный конституционный надзор (1924–1933 гг.): сущность, назначение и характерные особенности // Право и политика. 2005. № 12.
580. Митюков М. А. Толкование конституций конституционными судами государств — участников СНГ // Журнал российского права. 1998. № 4–5.
581. Митюков М. А. Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: правовые дискуссии при разработке и принятии (введение в тему) // Конституционное и муниципальное право. 2006. № 12.
582. Митюков М. А. Штрихи к истории Конституционного Суда Российской Федерации // История. Право. Политика. 2012. № 1–2.
583. Митюков М. Конституционные суды постсоветских государств: проблемы исполнения решений // Конституционное право. 2002. № 3.
584. Михалева Н. А. Конституционные реформы в странах СНГ // Конституционный вестник. 1994. № 17.
585. Михалькова Л. С. Обеспечение конституционности законотворческого процесса в парламенте // Развитие форм конституционного контроля в современных условиях. Минск, 2016.
586. Мицкевич В. В. Совершенствование законодательства Республики Беларусь как фактор утверждения верховенства права // Роль органов конституционного контроля в обеспечении верховенства права в нормотворчестве и правоприменении. Минск : СтройМедиаПроект, 2017.
587. Мокряк В. Фундаментальные конституционные ценности как фактор стабильности конституционного строя // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2008 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2008.
588. Моммсен М., Нуссбергер А. Российский Конституционный Суд между правом и политикой (глава из книги: Das system Putin. Munchen, 2007) // Журнал конституционного правосудия. 2008. № 6.
589. Морщакова Т. Г. Российское правосудие в контексте судебной реформы. М. : Р.Валент, 2004.
590. Морщакова Т. Г. Судебное управление в международных нормах «мягкого права» и российских практиках // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 1.
591. Морщакова Т. Конституционная концепция судопроизводства // Российская юстиция. 2001. № 10.
592. Мукбильшоев Б. Роль Конституционного Суда в защите прав граждан // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2007. № 4 (38).

593. Мурашко Л. Аксиологическая значимость решений конституционных судов в правовой системе: белорусский опыт // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2010. № 2 (48).
594. Мурашко Л. Конституционализация как современная тенденция правообразовательных процессов // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2011. № 4 (54).
595. Мурашко Л. О. О решениях конституционных судов как актах толкования национальных конституций: теоретические вопросы // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. 2010. № 1.
596. Мусабекова Ч. А. Обзор практики Конституционной палаты Верховного суда КР по делам, связанным с принципом разделения государственной власти // Место и значение органа конституционного контроля в эффективном функционировании системы сдержек и противовесов между ветвями государственной власти. Бишкек, 2017.
597. Мусабекова Ч. Конституция Кыргызской Республики и права человека: новые испытания // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2008 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2008.
598. Мусаева С. Ф. Система конституционных прав и гарантий в сфере социально-трудовых отношений // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2013. № 4.
599. Мусин В. А. Интерпретация принципа правовой определенности в новейшей прецедентной практике Европейского суда по правам человека и проблема судебного надзора в России // Правоведение. 2009. № 5.
600. Мустафокулов Ш. Конституционно-правовые основы прав граждан и механизмы защиты прав человека в Таджикистане // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2003 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2003.
601. Мухамеджанов А. З. Судебно-правовая реформа и развитие конституционного правосудия в Республике Узбекистан // Государство и право. 2018. № 2. С. 84–92.
602. Мухаммадиев У. Сотрудничество Уполномоченного Олий Мажлиса Республики Узбекистан по правам человека с судебной ветвью власти в защите прав человека // Роль Конституционного Суда в реализации принципа разделения ветвей власти и защите прав человека : опыт Узбекистана и зарубежных стран. Ташкент : Baktra press, 2016. С. 70–73.
603. Мынбай Д. К. Реализация норм Конституции — залог духовного обновления общества // Вестник Конституционного Совета Республики Казахстан. 2017. № 31.
604. Мырзалимов Р. М. Модель Конституционной юстиции на примере Кыргызской Республики // Место и значение органа конституционного контроля в эффективном функционировании системы сдержек и противовесов между ветвями государственной власти. Бишкек, 2017.
605. Мырзалимов Р. М. Нормативно-доктринальная природа решений Конституционной палаты как источника права // Вестник Конституционной палаты Верховного Суда Кыргызской Республики. Бишкек, 2017.
606. Назаркулова Л. Т. Правотворчество и правотворческая политика Республики Казахстан: постановка проблемы // Правовая политика и правовая жизнь. 2016. № 4.

607. Назаров М. Конституция Республики Таджикистан — гарант защиты прав и свобод человека // Вестник Конституционного Суда Республики Таджикистан. 2012. № 3.
608. Назаров М. Н. Принципы устройства и судопроизводства в Конституционном Суде Республики Таджикистан // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2002. № 2 (16).
609. Назаров М. Роль Конституционного Суда Республики Таджикистан в обеспечении защиты прав человека // Вестник Конституционного Суда Республики Таджикистан. 2011. № 3.
610. Назарян Г. А. Практика обеспечения сдержек и противовесов Конституционным Судом Республики Армения // Место и значение органа конституционного контроля в эффективном функционировании системы сдержек и противовесов между ветвями государственной власти. Бишкек, 2017.
611. Нарутто С. В. Конкуренция конституционных прав и свобод человека в интерпретациях Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 2.
612. Нарутто С. В. Конституционный судебный процесс: понятие, признаки, особенности // Право и политика. 2013. № 5.
613. Нарутто С. В. Место Конституционного Суда Российской Федерации в системе органов государственной власти // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 6.
614. Несмеянова С. Э. Международные договоры как объект конституционного судебного контроля // Российский юридический журнал. 2015. № 3.
615. Несмеянова С. Э. Некоторые вопросы развития конституционного судебного контроля на постсоветском пространстве // Общее и особенное в современном экономическом и конституционно-правовом развитии постсоветских государств. СПб. : Изд-во СПб. гос. ун-та экономики и финансов, 2010. Ч. 1.
616. Несмеянова С. Э. Основы конституционного строя Российской Федерации в решениях Конституционного Суда // Журнал конституционного правосудия. 2008. № 4.
617. Несмеянова С. Э. Развитие конституционной юстиции в странах Содружества Независимых Государств // Вестник Уставного Суда Свердловской области. 2010. № 1.
618. Нижник Н. Р., Муза О. В. Конституционное и административное судопроизводство в Украине // Журнал российского права. 2011. № 12.
619. Нодири Ш. А. Закрепление основных прав и свобод человека и гражданина в Конституции Республики Таджикистан // Вестник Конституционного Суда Республики Таджикистан. 2014. № 3.
620. Нохрин Д. Г. Независимость судебной власти в России: доктринальные подходы и роль Конституционного Суда Российской Федерации в ее укреплении // Юридические исследования. 2017. № 7.
621. Нургалиева Е. Н. Конституция Республики Казахстан — гарант развития социального партнерства на демократической основе // Вестник Конституционного Совета Республики Казахстан. 2012. № 20.
622. Овсепян А. Взаимодействие Конституционного Суда Республики Армения и прокуратуры // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2012 : международьальманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2012.

623. Овсепян Ж. И. Статус общепризнанных принципов и норм международного права в конституционно-правовой системе России // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 7.
624. Оганесян В. А. Международные стандарты прав человека в правоприменительной практике конституционных судов // Российский юридический журнал. 2017. № 2.
625. Оганесян В. Конституционный Суд Республики Армения как важнейший инструмент имплементации международных обязательств страны по правам человека // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2015. № 4 (70).
626. Оганесян В. Некоторые вопросы имплементации Европейской конвенции о правах человека в Республике Армения // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2002, 2003. № 4 (18) — 1 (19).
627. Оралова Е. Д. Международные обязательства в контексте Основного закона Республики Казахстан // Право и государство : науч.-информ. журнал Казахского гуманитарно-юридического университета. 2015. № 3.
628. Осмонова Ч. Конституционное правосудие в Кыргызской Республике: опыт и перспективы // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2015. № 3 (69).
629. Остапович И. Ю. Конституционные советы Франции и Казахстана: от специализированного органа с элементами конституционного надзора к контролю // Российский судья. 2015. № 12.
630. Остапович И. Ю. Толкование норм Конституции органами охраны Конституции Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации // Lex Russica. 2016. № 2.
631. Павловски С. Создание национального механизма по защите основных прав и свобод человека: роль и место Конституционного Суда // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2005. № 2 (28).
632. Пастухов М. И. Когда слова равны молчанию: белорусский опыт посланий Конституционного Суда о состоянии конституционной законности // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 4.
633. Пастухов М. И. Конституционное правосудие в Беларуси: этапы большого пути, 1994–2014 гг. // Вопросы правоведения. 2015. № 3.
634. Пастухов М. И. О реализации права граждан на обращение в Конституционный Суд: теоретические и практические аспекты // Теоретические и практические аспекты, связанные с индивидуальной конституционной жалобой, в европейской модели конституционного правосудия. Минск, 2010.
635. Пастухов М. Конституционная юстиция и судебная власть в Республике Беларусь: законодательство и практика // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 4.
636. Пастухов М. Конституционный суд: европейские стандарты и наша действительность // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. 1996. № 1.
637. Петров А. А. Конституционная юстиция государств — членов СНГ как предмет диссертационного исследования: отзыв о диссертации К. А. Слесаревой, представленной на соискание ученой степени кандидата юридических наук // Академический юридический журнал. 2017. № 2.

638. Петров А. А. Правовое качество решений Конституционного Суда Российской Федерации: постановка вопроса и некоторые практические проблемы // Справительное конституционное обозрение. 2014. № 2.
639. Петросян А. Некоторые аспекты защиты конституционных прав человека в практике конституционного правосудия Республики Армения // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2014. № 4 (66).
640. Петросян А. Современные проблемы функциональных взаимоотношений Конституционного Суда и общих судов Республики Армения // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2015. № 4 (70).
641. Петросян А. Судебная активность Конституционного Суда Республики Армения в контексте конституционных реформ // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2016. № 4 (74).
642. Петросян А. Эффективные парламентские гарантии осуществления конституционного контроля: реалии Армении // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2009 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2009.
643. Пилипенко А. А. Определение объекта налога на прибыль в контексте конституционного правосудия // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. 2008. № 1.
644. Пиржанов Г. Роль конституционного контроля в создании эффективной системы сдержек и противовесов между ветвями власти в Республике Узбекистан // Место и значение органа конституционного контроля в эффективном функционировании системы сдержек и противовесов между ветвями государственной власти. Бишкек, 2017. С. 74–77.
645. Плеханова Л. Н. Проблемы взаимодействия глав государств и конституционных судов в период конституционных реформ: на примере России, Беларуси и Казахстана // Государственная власть и права человека. Томск, 2001.
646. Погорелко В. Ф. Конституционная юстиция как фактор становления и развития конституционализма в Украине // Современный конституционализм. 2006. № 2.
647. Подгруша В. В. Конституционное судопроизводство: к вопросу о содержании термина и его легальном закреплении // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. 2009. № 2.
648. Подгруша В. В. Некоторые вопросы использования в практике Конституционного Суда Беларуси принципа верховенства права // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. 2011. № 3.
649. Подгруша В. В. Особенности судебного усмотрения в конституционном судопроизводстве // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. 2011. № 1.
650. Подгруша В. В. Особое мнение судьи Конституционного Суда // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. 2014. № 1.
651. Подгруша В. В. Правовой закон как критерий утверждения верховенства права // Роль органов конституционного контроля в обеспечении верховенства права в нормотворчестве и правоприменении. Минск : СтройМедиа Проект, 2017.

652. Подгруша В. В. Совершенствование косвенного доступа граждан и организаций к конституционному правосудию: пути решения // Развитие форм конституционного контроля в современных условиях. Минск, 2016.
653. Подгруша В. В. Толкование Конституционным Судом своих решений: сравнительный анализ // Верховенство Конституции: двадцатилетний опыт конституционного контроля : сб. науч. ст. судей Конституционного Суда Республики Беларусь. Минск : Белорусский Дом печати, 2014.
654. Попа В. Принципы правового государства в постановлениях Конституционного Суда Республики Молдова // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2013 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2013.
655. Постников А. Е. Конституционные принципы и конституционная практика // Журнал российского права. 2008. № 12.
656. Постников А. Е. О конституционно-правовом методе регулирования // Журнал российского права. 2012. № 12.
657. Пресняков М. В. Конституционная концепция правовой определенности // Современное право. 2010. № 1.
658. Пресняков М. В. Конституционная концепция принципа справедливости / под ред. Г. Н. Комковой. М. : ДМК Пресс, 2009.
659. Пресняков М. В., Куницына О. А. Конституционный принцип свободы труда: формы и виды реализации // Гражданин и право. 2012. № 8.
660. Пугачев А. Н. Пересмотр конституционными судами ранее вынесенных решений: белорусский и зарубежный опыт // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. 2009. № 1.
661. Пулбере Д. Конституционный Суд Республики Молдова — гарант защиты основных прав и свобод граждан Республики Молдова // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2008. № 1 (39).
662. Пулбере Д. На уровне стандартов современного конституционализма // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2008 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2008.
663. Пулбере Д. Обеспечение защиты конституционных прав в конституционной практике Республики Молдова с учетом европейской юриспруденции в области прав и основных свобод человека // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2010 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2010.
664. Пулбере Д. Официальное толкование Конституции Конституционным Судом: правовая необходимость и политические последствия // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2005 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2005.
665. Пулбере Д. Постановления Европейского суда по правам человека в практике Конституционного Суда Республики Молдова // Имплементация решений Европейского суда по правам человека в практике конституционных судов стран Европы. М. : Институт права и публичной политики, 2006.
666. Пулбере Д. Соблюдение прав человека и контроль конституционности законов в общем и на примере Республики Молдова // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2011. № 1 (51).

667. Пулбере Д. Судебный прецедент Конституционного Суда как источник права и его роль в преодолении законодательных пробелов // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2009 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2009.
668. Пушкаш В. Защита человеческого достоинства в практике Конституционного Суда // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2005. № 2 (28).
669. Пушкаш В. Роль конституционного правосудия в становлении правового государства: опыт Конституционного Суда Республики Молдова // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2001, 2002. № 4 (14) — 1 (15).
670. Пферсманн О. Ограничение компетенции законодателя посредством использования вспомогательных принципов (разумности и соразмерности), выработанных в практике конституционных судов // Единое правовое пространство Европы и практика конституционного правосудия. М., 2007.
671. Пчелинцев С. Нормы международного права и Конституция Российской Федерации о целях ограничения прав и свобод граждан // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. № 2.
672. Райлян П. Разделение и взаимодействие властей в Республике Молдова и роль конституционного контроля // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2013. № 2 (60).
673. Раманкулов К. С. Акты высших органов судебной власти как источники трудового права Кыргызской Республики // Трудовое право в России и за рубежом. 2015. № 1.
674. Рахимзода М. Роль Конституционного Суда в защите прав и законных интересов предпринимателей // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2015. № 3 (69).
675. Рахимов М. Вопросы устранения противоречий законодательства в решениях Конституционного Суда Республики Таджикистан // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2011. № 1 (51).
676. Рахмон Ю. Роль органов прокуратуры в защите конституционных прав граждан в Республике Таджикистан // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2015. № 3 (69).
677. Рогов И. Взаимодействие Конституционного Совета Республики Казахстан с другими государственными органами в процессе исполнения его решений // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2012 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2012.
678. Рогов И. Влияние решений Конституционного Совета Республики Казахстан на законодательство и правоприменительную практику // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2011. № 1 (51).
679. Рогов И. И. Вопросы защиты конституционных прав и свобод человека в практике Конституционного Совета Республики Казахстан // Защитата на основните права на гражданите и националната сигурност в съвременния свят: ролята на конституционните съдилища : международна конференция (София, 21–22 септември 2016 г.). София: Изд-во на БАН «Проф. Марин Дринов», 2017.

680. Рогов И. И. Конституционное развитие правовой системы Республики Казахстан. Выступление на 80-й пленарной сессии Венецианской комиссии Совета Европы (Венеция, 9 октября 2009 г.) // Вестник Конституционного Совета Республики Казахстан. 2010. № 16.
681. Рогов И. И. Конституционный контроль в Республике Казахстан: состояние и перспективы развития // Конституционный контроль. Минск : Белорусский Дом печати, 2014.
682. Рогов И. И. Конституционный контроль в Республике Казахстан: состояние и эволюция в условиях утверждения правового государства // Конституционный контроль. М. : Норма, 2012.
683. Рогов И. И. Конституция — правовой фундамент легитимности государства, основа стабильности и динамичного развития Казахстана // Вестник Конституционного Совета Республики Казахстан. 2016. № 29.
684. Рогов И. И. Конституция Казахстана — основа поступательного развития общества и государства // Право и государство : науч.-информ. журнал Казахского гуманитарно-юридического университета. 2015. № 3.
685. Рогов И. И. Конституция страны обеспечивает безопасность общества, государства и личности // Судья. 2017. № 12.
686. Рогов И. И. Принцип верховенства Конституции как ключевой фактор развития межгосударственных интеграционных процессов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2013. № 6.
687. Рогов И. Конституционный контроль как инструмент обеспечения верховенства Конституции в Республике Казахстан // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2015. № 3 (69).
688. Рогов И. Конституционный Совет Республики Казахстан: становление и эволюция в условиях утверждения правового государства // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2012. № 1 (55).
689. Рогов И. Фундаментальные конституционные ценности как основа государственности суверенного Казахстана // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2008 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2008.
690. Рыбалов А. О. Еще раз об ответственности государства и его органов. Комментарий к Определению Конституционного Суда РФ // Закон. 2013. № 12.
691. Рысмендеев Б. Д. Место и роль решений Конституционной палаты в системе источников права // Вестник Конституционной палаты Верховного Суда Киргизской Республики. Бишкек, 2017.
692. Рябцев В. Н. Правовая определенность — важнейшая составляющая верховенства права // Роль органов конституционного контроля в обеспечении верховенства права в нормотворчестве и правоприменении. Минск : СтройМедиа-Проект, 2017.
693. Рябцев Л. М. Правовые позиции Конституционного Суда Республики Беларусь, направленные на реализацию принципа верховенства права в правоприменении // Роль органов конституционного контроля в обеспечении верховенства права в нормотворчестве и правоприменении. Минск : СтройМедиаПроект, 2017.

694. Рябцев Л. О конституционной основе реализации права граждан Республики Беларусь на судебную защиту // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2008 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2008.
695. Савчин М. В. Конституционные ценности, легитимность публичной власти и учредительная легитимность // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2013. № 4.
696. Сайдов А. Контроль за конституционностью нормативно-правовых актов законодательной и исполнительной власти — важный механизм защиты прав и свобод человека // Роль Конституционного суда в реализации принципа разделения ветвей власти и защиты прав человека: опыт Узбекистана и зарубежных стран : матер. междунар. науч.-практ. конф. (Ташкент, 21–22 октября 2015 г.). Ташкент : Baktra press, 2016. С. 37–43.
697. Саликов М. С. Конституционный судебный процесс в системе российского права // Журнал российского права. 2003. № 11.
698. Саликов М. С. Международные договоры РФ как объекты конституционного судебного контроля // Российский юридический журнал. 2014. № 6.
699. Салихов М. С. Защита прав человека в Конституционном Суде Республики Таджикистан // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2002, 2003. № 4 (18) — 1 (19).
700. Салихов М. Становление конституционного правосудия в Республике Таджикистан // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2001, 2002. № 4 (14) — 1 (15).
701. Салманова С. Правовые позиции Конституционного Суда Азербайджанской Республики и их влияние на законодательный процесс в Азербайджане // *Zborník príspevkov z medzinárodnej konferencie*. Košice, 2013.
702. Салманова С. Современные тенденции взаимоотношений Конституционного Суда Азербайджанской Республики с судами общей юрисдикции // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2011. № 3 (53).
703. Сапаргалиев Г. С., Караев А. А. Рецензия на монографию к. ю. н. И. Ю. Остаповича «Конституционный Совет Республики Казахстан: вопросы теории и практики : монография. Горно-Алтайск : РИО ГАГУ, 2009. 225 с.» // Журнал конституционного правосудия. 2010. № 5.
704. Саргсян Г. Некоторые подходы к разработке инструментария и методов реализации конституционной диагностики // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2016 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2016.
705. Саркисова Э. А. Вопросы уголовного права в решениях Конституционного Суда Республики Беларусь // Верховенство Конституции: двадцатилетний опыт конституционного контроля : сб. науч. ст. судей Конституционного Суда Республики Беларусь. Минск : Белорусский Дом печати, 2014.
706. Сарсембаев М. А. Защита конституционных прав граждан при рассмотрении заявлений, обращений в ходе выборов // Вестник Конституционного Совета Республики Казахстан. 2016. № 29.

707. Сативалдыев Р. Ш. Информационно-аксиологическая функция судебного конституционного контроля // Вестник Конституционного Суда Республики Таджикистан. 2016. № 1.
708. Сафалеру Е. Основные критерии оценки ограничений прав человека в практике Конституционного Суда Республики Молдова // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2003 : междунар. альманах. Ереван : Центр Конституционного права Республики Армения, 2003.
709. Сафаров Б. А. Сравнительно-правовой анализ имплементации норм международно-правовых актов по правам человека в национальное законодательство Таджикистана и стран СНГ // Вестник Конституционного Суда Республики Таджикистан. 2012. № 4.
710. Сафаров Д. С. Вопросы толкования Конституции Республики Таджикистан // Конституционализм и правовая система России: итоги и перспективы. Материалы секции конституционного и муниципального права V международной научно-практической конференции «Кутафинские чтения» : сб. докл. М. : Проспект, 2014.
711. Сафаров Д. С. Особенности конституционного судопроизводства в Республике Таджикистан // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 6.
712. Сафаров Д. С. Сфера действия итоговых решений Конституционного Суда Республики Таджикистан и их особенности // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 4.
713. Сеидов А. Дж. Конституционный этап имплементации международных договоров Азербайджанской Республики // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. 2010. № 2.
714. Селиванов А. А. Реализация полномочий Конституционным Судом Украины в политическом ракурсе Парламента // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 4.
715. Селивон Н. Реализация принципа верховенства права в практике Конституционного Суда Украины // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2004 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2004.
716. Сергазинов Б. Р. Вопросы содержания интерпретации Конституции: на примере Республики Казахстан // Конституция Российской Федерации: социальные ориентиры, практика реализации. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014.
717. Сергазинов Б. Р. Проблемы предмета конституции и применения конституционных норм // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 9.
718. Сергевнин С. Л. Судебная власть и конституционное правосудие в контексте принципа разделения властей // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 2.
719. Сергеева О. Г. Деятельность Конституционного Суда по устранению пробелов в законодательстве // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. 2010. № 1.
720. Сергеева О. Г. Реализация принципа верховенства права посредством конституционного судопроизводства // Роль органов конституционного контроля в обеспечении верховенства права в нормотворчестве и правоприменении. Минск : СтройМедиаПроект, 2017.
721. Сиваченко А. Н. Содержание базовых принципов избирательного права Российской Федерации // Закон и право. 2011. № 8.

722. Сивицкий В. А. Возвращение Конституционного Суда Российской Федерации к оценке конституционности нормы // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 2.
723. Сивицкий В. А. О динамике типологии решений Конституционного Суда Российской Федерации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 2.
724. Сивицкий В. А. Порядок и условия реализации правосудия в конституционном суде // Гражданин и право. 2001. № 1.
725. Сивицкий В. А. Решения Конституционного Суда Российской Федерации о праве граждан на судебную защиту от нарушающих их права нормативных актов // Гражданин и право. 2000. № 1.
726. Сигэру К. Манипуляция интерпретацией Конституции как техника «конституционного переворота» — японский вариант // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 1.
727. Скомороха В. Е. О деятельности Конституционного Суда Украины // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2002. № 2.
728. Скомороха В. Конституционный Суд Украины: опыт и проблемы // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2001, 2002. № 4 (14) — 1 (15).
729. Скрипнюк А. Конституционное право независимой Украины и конституционное право Европейского союза: проблемы сближения и взаимодействия // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2011. № 4.
730. Слесарева К. А. Комитет конституционного надзора Союза ССР и его влияние на развитие конституционного правосудия в странах СНГ // Российский судья. 2010. № 12.
731. Слижевский О. Л. Утверждение верховенства Конституции в нормотворческой деятельности // Развитие форм конституционного контроля в современных условиях. Минск, 2016.
732. Слинко Т. Н. Конституционные гарантии свободы слова в Украине // Конституционализм и правовая система России: итоги и перспективы. Материалы секции конституционного и муниципального права V Международной научно-практической конференции «Кутафинские чтения» : сб. докл. М. : Проспект, 2014.
733. Слинко Т. Н. Конституционный Суд Украины в механизме обеспечения основных прав и свобод человека и гражданина // Судебная власть и уголовный процесс. 2013. № 2.
734. Смирнов А. В. Взаимосвязь видов решений Конституционного Суда Российской Федерации, их оснований, целей и способов правового толкования // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 3.
735. Смирнов А. В. К вопросу о критериях ограничения конституционных прав и свобод: принцип компенсации // Журнал конституционного правосудия. 2010. № 1.
736. Смирнов А. В. К вопросу о порядке исчисления годичного срока подачи жалоб гражданами с момента завершения рассмотрения дела в суде в Конституционный Суд Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. 2014. № 6.
737. Сотиволдиев Р. Ш. Преамбула Конституции как объект конституционного контроля // Вестник Конституционного Суда Республики Таджикистан. 2014. № 3.

738. Станских С. Н. Судьба конституционного правосудия в Киргизии // История. Право. Политика. 2010. № 2.
739. Стецюк П. Роль Конституционного Суда Украины в процессе формирования современного украинского конституционализма // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2009 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2009.
740. Страшун Б. Эволюция института конституционного контроля в России: от надзора к правосудию. Ч. 1 // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 1 (110).
741. Стрекозов В. Г. Проблема ограничения прав человека и основных свобод в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2003 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2003.
742. Стрижак А. А. Роль Конституционного Суда Украины в обеспечении принципов демократического, правового государства в Украине // Журнал конституционного правосудия. 2010. № 4.
743. Стрижак А. Защита прав и свобод человека и гражданина как основное направление деятельности Конституционного Суда Украины // Дайджест официальных материалов и публикаций периодической печати «Конституционное правосудие в странах Балтии». 2009. № 1.
744. Судебный («живой») конституционализм: доктрина и практика : стенограмма Круглого стола кафедры государственного и административного права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, 5 марта 2011 г.) // Журнал конституционного правосудия. 2011. № 3.
745. Султанов А. Р. Очерк о применении норм Конституции РФ и исполнении решений Конституционного Суда РФ в арбитражных судах и судах общей юрисдикции // Вестник гражданского процесса. 2012. № 2.
746. Султанов А. Р. Правовые позиции постановлений Конституционного Суда РФ и постановлений ЕСПЧ и их правовое значение для гражданского процесса // Законодательство и экономика. 2011. № 4.
747. Султанов А. Р. Проблемы исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2009. № 9.
748. Сусаренко Г. Влияние Конституционного Суда на формирование социальной политики в Республике Молдова // Конституционное право. 2000. № 1.
749. Суталинов А. 10 лет Конституционному Суду Кыргызской Республики // Конституционное правосудие. 2001. № 2 (12).
750. Сыдыкова С. Практика конституционного правосудия в Кыргызской Республике : доклад на первой Всемирной конференции органов конституционного правосудия (Кейптаун, 22–24 января 2009 г.) // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2009. № 1 (43).
751. Тагаев А. У. Взаимодействие парламента и Конституционного Совета в законодательном процессе // Право и государство. 2010. № 8.
752. Тагаева С. Н. Проблемы взаимодействия международного права и национального права: на примере Конституции Республики Таджикистан // Вестник Конституционного Суда Республики Таджикистан. 2015. № 4.

753. Тайлакова С. Д. Механизм защиты прав человека в Конституции Кыргызской Республики // Российское право. 2015. № 2.
754. Тарибо Е. В. Проверка конституционности законов о поправках к Конституции Российской Федерации: некоторые дискуссионные аспекты // Журнал конституционного правосудия. 2017. № 4.
755. Тарибо Е. В. Секретариат КС РФ: статус, полномочия, функции // ЭЖ-Юрист. 2006. № 25.
756. Тарибо Е. В. Судебные доктрины и практика Конституционного Суда Российской Федерации // Право и политика. 2005. № 2.
757. Тахиров Ф. Место Конституционного Суда в системе правоохранительных органов Республики Таджикистан // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2011. № 1 (51).
758. Темербеков А. А. Реализация потенциала Конституции — главная задача Конституционного Совета Республики Казахстан // Вестник Конституционного Совета Республики Казахстан. 2010. № 16.
759. Тиковенко А. Г. Законодательные акты в свете аксиологии // Верховенство Конституции: двадцатилетний опыт конституционного контроля : сб. науч. ст. судей Конституционного Суда Республики Беларусь. Минск : Белорусский Дом печати, 2014.
760. Тиковенко А. Г. Конституционное право на обращение в государственные органы: правовые основы реализации // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. 2013. № 1.
761. Тиковенко А. Г. Проблемы конституционности нормативных правовых актов и деятельности государственных органов // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. 2009. № 2.
762. Тиковенко А. Г. Совершенное законодательство — важнейшая основа конституционной законности // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. 2011. № 1.
763. Тиковенко А. Критерии конституционности нормативных правовых актов на современном этапе // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2010. № 1 (47).
764. Тихина В. Г. Конституционный Суд Республики Беларусь первого состава, 1994–1996 годы // Конституционный контроль. Минск : Белорусский Дом печати, 2014.
765. Тихина В. Г. Тенденции становления конституционного контроля в Республике Беларусь (1994–1996 годы): поиск оптимальной модели // Развитие форм конституционного контроля в современных условиях. Минск, 2016.
766. Токтобаев Б. Т. Решение Конституционной палаты Верховного Суда Кыргызской Республики как источник права: за и против // Вестник Конституционной палаты Верховного Суда Кыргызской Республики. Бишкек, 2017.
767. Тохян Ф. Конституционный контроль за общегражданскими выборами в Республике Армения: проблемы теории и практики // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2006 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2006.
768. Тохян Ф. П. Проблемы исполнения актов Конституционного Суда Республики Армения // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2001. № 3 (13).

769. Тохян Ф. Практика Конституционного Суда Республики Армения в деле обеспечения контроля конституционности законодательной политики Национального Собрания Республики Армения // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2009 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2009.
770. Тохян Ф. Практика Конституционного Суда Республики Армения по рассмотрению конституционности избирательного законодательства // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2005 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2005.
771. Тохян Ф. Роль Конституционного суда в деле преодоления законодательных пробелов и правовой неопределенности: опыт Конституционного Суда Республики Армения // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2016 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2016.
772. Троицкая А. А. Российский Конституционный Суд и проверка поправок к Конституции // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 2.
773. Тунян А. Г. Практика обеспечения сдержек и противовесов Конституционным Судом Республики Армения // Место и значение органа конституционного контроля в эффективном функционировании системы сдержек и противовесов между ветвями государственной власти. Бишкек, 2017.
774. Тунян А. Конституционные реформы в Армении как условие динамичного и стабильного развития государства // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2017. № 1 (75).
775. Ударцев С. Ф. Конституционная реформа: некоторые вопросы теории // Право и государство : науч.-информ. журнал Казахского гуманитарно-юридического университета. 2015. № 3.
776. Федорова М. Ю. Конституционная коррекция правового механизма управления социальными рисками как основаниями социального обеспечения // Журнал конституционного правосудия. 2017. № 4.
777. Филипчик Р. И. Конституционные принципы и гарантии реализации права на судебную защиту в Республике Беларусь // Верховенство Конституции : двадцатилетний опыт конституционного контроля : сб. науч. ст. судей Конституционного Суда Республики Беларусь. Минск : Белорусский Дом печати, 2014.
778. Филипчик Р. И. Некоторые особенности оформления предложений о неконституционности нормативного акта // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. 1999. № 3.
779. Фоков А. П. Конституционный Суд Российской Федерации правовые позиции о способе реализации решений Европейского суда по правам человека // Российский судья. 2014. № 2.
780. Хабриева Т. Я. Конституционная модель Казахстана и Евразийская интеграция // Вестник Конституционного Совета Республики Казахстан. 2016. № 29.
781. Хабриева Т. Я., Андриченко Л. В. Конституционная реформа в Республике Казахстан: тенденции и перспективы развития // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 3.
782. Ханько Д. Н. Нормативные правовые акты Президента, имеющие силу закона: сравнительно-правовой анализ // Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь. 2013. № 1.

783. Хачатрян А. Г., Хачатрян А. А. Проблемы соотношения суверенитета государства и надгосударственности международных организаций и их решение в практике конституционной юстиции // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 8.
784. Хитрин Ю. Конституционный Совет Республики Казахстан: особенности статуса и пути повышения эффективности его деятельности // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2001, 2002. № 4 (14) — 1 (15).
785. Холиков К. Конституционный Суд Республики Таджикистан: проблемы и перспективы // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2011. № 1 (51).
786. Холиков К. Н. К вопросу о понятии конституционного судопроизводства в Республике Таджикистан // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 1.
787. Холиков К. Н. Конституционный Суд, Верховный Суд и Высший Экономический Суд Республики Таджикистан: особенности взаимоотношений // Российское правосудие. 2011. № 4.
788. Холиков К. Н. Особенности судопроизводства в Конституционном Суде Республики Таджикистан // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 4.
789. Холиков К. Н. Субъекты обращения в Конституционный Суд Республики Таджикистан: особенности и классификация (анализ законодательства) // Право и политика. 2011. № 1.
790. Холиков К. Н. Участие прокурора в конституционном судопроизводстве // Российский судья. 2011. № 1.
791. Холиков К. Н., Болтуев С. Ш. О некоторых аспектах соотношения конституционного и гражданского судопроизводства // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 7.
792. Хохрякова О. С. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и их влияние на развитие законодательства // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2009 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2009. С. 108–118.
793. Хохрякова О. С., Филатова М. А. Взаимодействие конституционного и наднационального правосудия в Европе // Журнал конституционного правосудия. 2014. № 6. С. 7–15.
794. Хошимзода Д. Д. Конституционное правосудие в Республике Таджикистан: состояние и перспективы развития // Вестник Конституционного Суда Республики Таджикистан. 2017. № 3–4.
795. Хошимзода Д. Конституционный Суд и принцип разделения властей в Таджикистане // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2015. № 4 (70).
796. Худояров Б. Конституционный Суд и защита прав семьи в Таджикистане // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2011. № 1 (51).
797. Чаптыков А. В. Инициаторы конституционного судопроизводства: понятие и виды (по материалам стран СНГ и Балтии) // Государственная власть и местное самоуправление. 2007. № 1.
798. Чигринов С. П. Правовые позиции Конституционного Суда Республики Беларусь // Конституционный контроль. Минск : Белорусский Дом печати, 2014.

799. Чигринов С. Решения Конституционного Суда в правовой системе Республики Беларусь // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2011 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2011.
800. Чиркин В. Е. Суд и иные органы конституционного контроля: плюсы и минусы (субъективные заметки) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 3.
801. Чубарь Л. П. Конституционный контроль и судебная защита прав человека // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2002, 2003. № 4 (18) — 1 (19).
802. Чудаков М. Ф. Конституционный процесс в Республике Беларусь, 1990–1994 гг.: создание пятой белорусской Конституции // Верховенство Конституции : двадцатилетний опыт конституционного контроля : сб. науч. ст. судей Конституционного Суда Республики Беларусь. Минск : Белорусский Дом печати, 2014.
803. Шапак У. Предварительный конституционный контроль в законотворческом процессе: казахстанский опыт // Место и значение органа конституционного контроля в эффективном функционировании системы сдержек и противовесов между ветвями государственной власти. Бишкек, 2017.
804. Шаповал В. Н. К вопросу о взаимосвязях Конституции и международного права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 4.
805. Шаптала Н. К. Незыблемость основополагающих конституционных принципов как основа стабильности правового статуса личности в правовом государстве // Вестник Конституционного Совета Республики Казахстан. 2015. № 27.
806. Шоназаров С. Роль Конституционного Суда Республики Таджикистан в современном обществе // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2015. № 3 (69).
807. Штербец В. Истоки, методы и особенности контроля конституционности законов в Республике Молдова // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2011. № 3 (53).
808. Шуберт Т. Э. Роль доктрины в законотворчестве и правоприменении: на примере Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2017. № 2.
809. Шутрина Е. С. Правовые позиции Конституционного Суда РФ по главе 8 Конституции РФ «Местное самоуправление» // Муниципальная власть. 2013. № 3.
810. Шуклин В. Построение правового государства в Республике Беларусь и роль Конституционного Суда в обеспечении верховенства Конституции // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2005 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2005.
811. Эбзеев Б. С. Прошлое, настоящее и будущее правосудия // Журнал российского права. 2013. № 1.
812. Эйнуллаев Т. Б. Возможность пересмотра решений Конституционного Суда Азербайджанской Республики // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2009. № 4.
813. Эйнуллаев Т. Б. Природа правовых позиций Конституционного Суда Азербайджанской Республики // Право и политика. 2009. № 11.
814. Эсенканов К. Конституционное судопроизводство в Кыргызской Республике: особенности и проблемные аспекты // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. 2002 : междунар. альманах. Ереван : Центр конституционного права Республики Армения, 2002.

815. Эшонов Б. А. Независимость и действенность решений Конституционного Суда Республики Узбекистан // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2001. № 3 (13).
816. Эшонов Б. Актуальные проблемы становления и развития конституционного правосудия в Узбекистане // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2001, 2002. № 4 (14) — 1 (15). С. 192–197.
817. Ярославцев В. Г. Нравственное правосудие и судейское правотворчество. М. : Юстицинформ, 2007.
818. Andenas M., Bjorge E. The External Effects of National ECHR Judgments. Jean Monnet Working Paper 07/12. 2012. URL: <https://jeanmonnetprogram.org/paper/the-external-effects-of-national-echr-judgments>.
819. Baudoin M. La Cour constitutionnelle de la Fédération de Russie vue par un juriste français // Les Cahiers du Conseil Constitutionnel. 2010. No. 28.
820. Bowring B. «Russian Cases in the ECtHR and the Question of Implementation» in Lauri Mälksoo and Wolfgang Benedek (eds) Russia and the European Court of Human Rights: The Strasbourg Effect. Cambridge : Cambridge University Press, 2018.
821. Bowring B. Russia's Constitutional Crisis 1990 to 1993: The (Missing) Role of the Constitutional Court and its Chairman — Review // Review of Central and East European Law. 2012. Vol. 37.
822. Cornell A. J. In Search for a Theory of Constitutional Interpretation in Congruence with European Human Rights Law. Working paper 2014:2. Uppsala Universitet. 2014. Available at <http://uu.diva-portal.org>.
823. Cullinane S. S. Can the Constitutional Court of the Russian Federation Lead the Way to the Creation of a True Democratic Society in the New Russia in the 21st Century? // Touro Law Review. 2016. Vol. 17. No. 2. Art. 5.
824. Fleig-Goldstein R. M. The Russian Constitutional Court Versus the European Court of Human Rights: How the Strasbourg Court Should Respond to Russia's Refusal to Execute ECtHR Judgments // Columbia Journal of Transnational Law Student Writing Prize in Comparative and International Law, Best Note Award. 2017. Vol. 56. No. 172.
825. Fogelklou A. The Russian Constitutional Court Under Vladimir Putin. Working Papers // Uppsala University, Department of East European Studies. 2006. No. 100.
826. Føllesdal A., Peters B., Ulfstein G. Constituting Europe: The European Court of Human Rights in a National, European and Global Context (Studies on Human Rights Conventions). Cambridge : Cambridge University Press, 2013.
827. Gaeta P. The Armed Conflict in Chechnya Before the Russian Constitutional Court // European Journal of International Law. 1996.
828. Gazier A. La Cour Constitutionnelle de La Fédération de Russie et Les Événements d'octobre 1993 // Revue d'études comparatives Est-Ouest. 2016. Vol. 3. N. 47.
829. Gyulumyan A. Case Law of the Constitutional Court of Armenia on the Protection of Human Rights Guaranteed by the European Convention on Human Rights // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2016. № 2 (72).
830. Hausmaninger H. From the Soviet Committee of Constitutional Supervision to the Russian Constitutional Court // Cornell International Law Journal. 1992. Vol. 25. No. 2. Art. 2.
831. Hausmaninger H. Towards a New Russian Constitutional Court // Cornell International Law Journal. 1995. Vol. 28. No. 2. Art. 2.

832. Henderson J. The Constitutional Court of the Russian Federation: The Establishment and Evolution of Constitutional Supervision in Russia // *Journal of Comparative Law*. 2008. Vol. 3. Iss. 2.
833. Jesse W. Stricklan Testing Constitutional Pluralism in Strasbourg: Responding to Russia's «Gay Propaganda» Law // *Michigan Journal of International Law*. 2015. Vol. 37. Iss. 1.
834. Johnson P. «Homosexual Propaganda» Laws in the Russian Federation: Are They in Violation of the European Convention of Human Rights? // *Russian Law Journal*. 2015. Vol. 3. Iss. 2.
835. Mäger K. Enforcing the Judgments of the ECtHR in Russia in Light of the Amendments to the Law on the Constitutional Court // *Juridica International*. 2016. No. 24.
836. Maggs P. B. The Russian Courts and the Russian Constitution // *Indiana International & Comparative Law Review*. 1997. Vol. 8. No. 1.
837. Malfliet K., Parmentier S. Russia's Membership of the Council of Europe: Ten Years After. London : Palgrave Macmillan. 2010.
838. Mälksoo L. Strasbourg's Effect on Russia — and Russia's Effect on Strasbourg. *Völkerrechtsblog*. 2017. 3 January. URL: <http://voelkerrechtsblog.org/strasbourgs-effect-on-russia-and-russias-effect-on-strasbourg>.
839. Mälksoo L., Benedek W. Russia and the European Court of Human Rights. The Strasbourg Effect. Cambridge : Cambridge University Press. 2018.
840. Massias J. Russia and the Council of Europe: Ten Years Wasted? // *Russie. Nei.Visions*. 2007. No. 15.
841. Mazmanyan A. Judicialization of politics: The post-Soviet way // *International Journal of Constitutional Law*. 2015. Vol. 13. Iss. 1.
842. Melzer O. Poor Record. The Russian Chairmanship of the Council of Europe 2006 // *Russian Analytical Digest*. 2012. No. 12.
843. Mickonyte A. Russia's Standoff with Europe: Contemporary Dilemmas of International and Constitutional Law. 2017. URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0301-20180327-092852-2>.
844. Moryc M. The Role of the Constitutional Court of the Russian Federation in the Enforcement of the European Court of Human Rights (ECHR) Decisions by Russia // *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio G. Ius*. 2018. Vol. 65. No. 1.
845. Mouliarova E. The Role of Constitutional Justice in Russia in the Process of Interpretation of European Values and the Promotion of European Constitutionalism, European University Institute Working Paper 2010/04. 2010.
846. Newton J., Tompson W. Institutions, Ideas and Leadership in Russian Politics. New York : Palgrave Macmillan, 2010.
847. Parau C. E. Politics, Judicial Review, and the Russian Constitutional Court — Review // *Law and Politics Book Review*. 2013. Vol. 23 No. 5.
848. Petrosyan A. Status of Implementation of the Decisions of the Constitutional Court in the Legal Practice of the Republic of Armenia // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2016. № 2 (72).
849. Petrosyan A. The Modern Challenges of the Interrelations between the Constitutional Justice and Politics in the Republic of Armenia // Конституционное правосудие : вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. 2017. № 2 (76).

850. Pinnell S. L. The Second Russian Constitutional Court: An 11-Year Assessment of Its Role in Center-Regional Conflicts // *New Balkan Politics*. 2010. Iss. 12.
851. Pomeranz W. E. Uneasy Partners: Russia and the European Court of Human Rights // *Human Rights Brief*. 2012. Vol. 19. No. 3.
852. Pomeranz W. The Russian Constitutional Court's Interpretation of Federalism: Building Center-Regional Relations // *Parker School's Journal of Easter European Law*. 1998. November.
853. Pustorino P. Russian Constitutional Court and the Execution «à la carte» of ECtHR Judgments // *Questions of International Law* 32. 2016. No. 5–18.
854. Raux C. La protection de la liberté d'aller et venir par la Cour constitutionnelle de Russie // *Revue française de droit constitutionnel*. 2005. No. 62.
855. Rodeback J. M. The Russian Constitutional Court: A Third Branch of the Russian Federal Government // *Sigma: Journal of Political and International Studies*. 1994. Vol. 12. Art. 2.
856. Scheppele K. L. Guardians of the Constitution: Constitutional Court Presidents and the Struggle for the Rule of Law in Post-Soviet Europe // *University of Pennsylvania Law Review*. 2006. Vol. 154.
857. Sperling V. Russia and the European Court of Human Rights. Chapter from the book *Altered States: The Globalization of Accountability*. Cambridge : Cambridge University Press, 2008.
858. Thorson C. Why Politicians Want Constitutional Courts: The Russian Case // *Communist and Post-Communist Studies*. 2004. No. 37.
859. Tracy L. M. Prospects for an Independent Judiciary: The Russian Constitutional Court and the CPSU Trial (1993) // *Akron Law Review*. 2015. Vol. 26. Iss. 3. Art. 10.
860. Waggoner J. Discretion and Valor at the Russian Constitutional Court: Adjudicating the Russian Constitutions in the Civil-Law Tradition // *Indiana International & Comparative Law Review*. 1997. Vol. 8. No. 7.
861. Weisman A. J. Separation of Powers in Post-Communist Government: A Constitutional Case Study of the Russian Federation // *American University International Law Review*. 1995. Vol. 10. No. 4.

Межпарламентская Ассамблея государств — участников
Содружества Независимых Государств

Международный институт мониторинга развития демократии,
парламентаризма и соблюдения избирательных прав
граждан государств — участников МПА СНГ

А. С. Карцов

ВЫСШАЯ ЗАЩИТА ОСНОВНОГО ЗАКОНА

**(конституционный нормоконтроль
в государствах — участниках МПА СНГ)**

Формат А5, бумага офсетная. Тираж 400 экз.
Отпечатано в ООО «ИПК «НП-Принт»
190020, г. Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 199-201
www.npprint.com